

М. Луцкий, Д. Столяров

Л. Н. ТОЛСТОЙ
КАК КРИТИК
БУРЖУАЗНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ

ТАШКЕНТ * 1960

М. Луцкий, Д. Столяров

*Л. Н. Толстой
как критик
буржуазной
политической
экономики*

Издательство
Среднеазиатского государственного
университета

Ташкент — 1960

От авторов

В огромной литературе о великом русском писателе и мыслителе тема «Л. Н. Толстой как критик буржуазной политической экономии» почти не затрагивалась.

Тема эта имеет специальный интерес: в критике Толстым буржуазной политической экономии особенно рельефно проявились и сильные, и слабые стороны его мировоззрения, так гениально очерченные В. И. Лениным.

Данная работа состоит из трех глав. Две главы посвящены характеристике Л. Н. Толстого как мыслителя, третья—тектстувской критике буржуазной политической экономии. Такое построение работы объясняется тем, что Л. Н. Толстой (об этом подробно в тексте) меньше всего интересовался политической экономией как таковой. Буржуазная политическая экономия занимала Толстого только в плане его страстного, гневного, полного пылкого чувства и глубокого возмущения обличения эксплуататорского строя, общественной несправедливости, т. е. в плане того, что, собственно, составляет основное и главное в его мировоззрении.

Толстой как мыслитель исключительно своеобразен, неповторим в буквальном смысле этого слова. Толстой утверждал, что он служит лишь одной науке—науке о том, как жить людям друг с другом, как сделать жизнь людей светлой и радостной. С этой позиции он и критиковал буржуазную политическую экономию. И именно об этом наша работа.

Глава первая

Л. Н. ТОЛСТОЙ КАК МЫСЛИТЕЛЬ

Для того, чтобы разобраться в особенностях критики Л. Н. Толстым буржуазной политической экономии и буржуазных экономических институтов, необходимо дать представление о Толстом-мыслителе в целом, об особенностях его мировоззрения.

С самого начала следует отметить, что Толстой как мыслитель часто недооценивается.

Резко скептическое отношение к Толстому-мыслителю в свое время высказал Г. В. Плеханов. Он писал, что «в роли мыслителя граф Толстой везде обнаруживает почти ребяческую беспомощность»¹.

«Я считаю его гениальным художником и крайне слабым мыслителем»².

Между тем, Толстой-мыслитель занимает в истории русской и мировой общественной мысли выдающееся место.

В. И. Ленин, посвятивший Толстому ряд статей («Лев Толстой как зеркало русской революции», «Л. Н. Толстой», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» и др.), чрезвычайно высоко ценил не только Толстого-художника, но и

---

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIV, стр. 241.

² Там же, стр. 185.

Толстого-мыслителя. В статье «Л. Н. Толстой», написанной в связи со смертью великого писателя (первоначально статья называлась «Значение Л. Н. Толстого в истории русской революции и русского социализма»), Ленин писал:

«Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции» (разр. наша—Авт.)¹. И дальше в той же статье: «Принадлежа, главным образом, к эпохе 1861—1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник (разр. наша—Авт.)—черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость»².

Л. Н. Толстой, горячий протестант, страстный обличитель эксплуататорского строя, общественной несправедливости, велик и как художник, и как мыслитель — такова мысль Ленина. В статье «Толстой и пролетарская борьба» Ленин писал: «Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого» (разр. наша—Авт.)³.

Всякое противопоставление Толстого-художника Толстому-мыслителю—в какой бы форме оно ни было сделано—противоречит ленинской оценке творчества Толстого.

В своей статье «Мировоззрение Льва Толстого в анализе Ленина» В. Ф. Асмус правильно писал: «Как показал Ленин, Толстой-художник и Толстой-мыслитель — один и тот же Толстой, лишь по-разному, в разных формах и разными средствами выражающий открывшееся ему понимание жизни, понимание, отнюдь не представляющее только личное достояние Толстого, но отражающее взгляд, свойственный многим миллионам русского крестьянства»⁴. «Ленин показал, что величайшее познавательное значение произведения Толстого приобрели отнюдь не независимо от мировоззрения

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 293.

² Там же, стр. 294.

³ Там же, стр. 323.

⁴ «Ученые записки» Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Выпуск 18, серия филологическая, стр. 13.

Толстого и уж тем более не вопреки этому мировоззрению»¹. «Сила Толстого-мыслителя, так же как и слабость Толстого-мыслителя, были силой и слабостью одновременно и Толстого-художника. И наоборот. Сила и слабость Толстого-художника были вместе силой и слабостью Толстого-мыслителя... В реалистическом художественном произведении ткань его образов не может быть противопоставлена системе понятий, составляющих мировоззрение художника»².

В. Ф. Асмус, однако, неправ, когда он в указанной же статье пишет: «Это не значит, разумеется, что противоречия русской жизни и противоречия мировоззрения Льва Толстого отразились совершенно одинаково, с равной силой в художественных и философско-публицистических произведениях Толстого. Толстой-художник несравненно сильнее, пронизательнее, глубже, ближе к истине, чем Толстой-моралист, Толстой-публицист, Толстой-религиозный реформатор, коснувшийся в заблуждениях «непротивления», захваченный иллюзиями отвлеченного морализма»³.

Отметим мимоходом, что Толстой никогда не был религиозным реформатором. Религиозными реформаторами были Лютер, Кальвин и другие, т. е. деятели, которых по-настоящему интересовали религиозные вопросы как таковые. Толстой же был, по существу, абсолютно равнодушен к религиозным вопросам. Его волновали совсем, совсем другие вопросы, о чем подробно ниже. Сейчас же нам важно подчеркнуть, что В. Ф. Асмус совершенно неправ, когда утверждает, что Толстой-художник несравненно сильнее, пронизательнее, глубже, ближе к истине, чем Толстой-публицист.

Свою статью «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» Ленин начинает так: «Русские рабочие почти во всех больших городах России уже откликнулись по поводу смерти Л. Н. Толстого и выразили, так или иначе, свое отношение к писателю, который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира, — к мыслителю (разр. наша — Авт.), который с громадной силой, уверенностью, искренностью поставил целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства»⁴. Совер-

¹ Ученые записки Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Выпуск 18, серия филологическая, стр. 15.

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 19.

⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 300.

шенно ясно, что Ленин имеет в виду не только художественные произведения Толстого, но и его публицистические произведения, в которых и были поставлены основные вопросы политического и общественного устройства современного ему общества. Известные слова Ленина о том, что критика эксплуататорских порядков отличается у Толстого необыкновенной силой чувства, страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении дойти до корня, найти настоящую причину бедствий масс, относятся к публицистическим произведениям Толстого не в меньшей мере (а иногда и в большей), чем к его художественным произведениям.

И в наши дни, в условиях острой борьбы прогрессивного человечества против социального неравенства, против классового гнета и эксплуатации, против современного «цивилизованного рабства», против империализма и милитаризма, нельзя без душевного волнения читать такие шедевры публицистики Толстого, как «Так что же нам делать?», «Царство божие внутри нас» (книга, при всем ее «толстовском» названии, совсем не религиозная и посвящена обличению буржуазного государства), «О голоде», «Что такое искусство?», «Рабство нашего времени», «Единое на потребу», «Конец века», «Не могу молчать», «Письмо студенту о «праве».— произведения, написанные буквально «кровью сердца». Нельзя их читать без душевного волнения потому, что в этих произведениях (как и во многих других своих публицистических работах) Толстой, несмотря на утопичность и реакционность своей теории «непротивления», выступает, выражаясь словами Ленина, глубоким наблюдателем и критиком буржуазного строя. В этих произведениях (как и во многих других) Толстой обрушился с резкой критикой на все государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на их нищете, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю жизнь буржуазного общества.

Публицистические произведения Толстого волнуют той необыкновенной, неиссякаемой любовью к широким народным массам, которой они пронизаны, той «чистотой нравственного чувства», которая, как отметил еще в свое время Н. Г. Чернышевский, у Толстого выражена с особой, только ему свойственной непосредственностью и свежестью. Не говоря уже о том, что они написаны гениальнейшим художником слова, тончайшим психологом, блестящим знатоком «диалектики души»

и принадлежат—и с точки зрения художественного мастерства—к первоклассным произведениям мировой литературы.

В своей фундаментальной и очень содержательной монографии «О мировом значении Л. Н. Толстого» (Москва, 1957 г.) Т. Мотылева, так же как и В. Ф. Асмус, отмечает мировое значение не только Толстого-художника, но и Толстого-мыслителя. «Советское литературоведение,—пишет Т. Мотылева,—давно отвергло плоское, вульгарное представление, согласно которому сильные стороны Толстого сказались только в его художественных произведениях, а слабые—только в его трактатах и статьях»¹. Т. Мотылева правильно пишет, что борьба разума и предрассудка, трезвого реализма и абстрактно-гуманистической проповеди пронизывает собой почти все написанное Толстым, в том числе и его публицистику. Причем ленинские статьи учат нас «выдвигать на первый план, как действительно главное в Толстом, разум, а не предрассудок»².

И вместе с тем Т. Мотылева все же отделяет (правда, в смягченной форме) Толстого-публициста от Толстого-художника. Она пишет: «Во многих статьях и трактатах Толстого—будь то «Так что же нам делать?», «Рабство нашего времени», «Что такое искусство?»—содержится сильная, острая, убедительная критика буржуазного общества и государства, царского произвола, церковного лицемерия, антинародной цивилизации эпохи империализма. Эта критика, которая глубоко волновала современников, во многих своих пунктах не устарела до наших дней. Но в публицистике Толстого, как правило, пронизательные и смелые обличения сочетаются с поразительной беспомощностью выводов. Страстный протест против господства эксплуататоров, конкретная постановка вопросов демократии и социализма—все это в значительной мере обесценивается наивной апелляцией к «духу», призывами к нравственному совершенствованию, а подчас и прямыми антиреволюционными взглядами.

«Иное видим мы в художественных произведениях Толстого»³. Толстой-художник, как правило, одерживает «победы над толстовщиной»⁴.

---

¹ Т. Мотылева, «О мировом значении Л. Н. Толстого», Москва, 1957, стр. 39—40.

² Там же, стр. 33.

³ Там же, стр. 40.

⁴ Там же, стр. 42.

А разве в «Анне Карениной» и в «Воскресении» пронзительные и смелые обличения эксплуататорского строя не сочетаются с «поразительной беспомощностью выводов»? Вспомним знаменитое начало «Воскресения» (страница, не имеющая себе равной во всей мировой художественной литературе): разве в этой своего рода декларации Толстого не переплетаются самым органическим образом и сильные, и слабые стороны его мировоззрения?

Т. Мотылева пишет: «В творчестве Толстого разных периодов немало произведений (художественных—**Авт.**), где толстовщина в ее различных оттенках (поэтизация крестьянской отсталости и смирения, апология патриархальных форм быта, недоверие к городской цивилизации, абстрактная внесоциальная постановка проблем нравственности), так сказать, сводится к минимуму, присутствует лишь в слабой степени и, естественно, отесняется, преодолевается логикой художественных образов, глубокой критикой господствующих классов, реалистическим раскрытием социальных противоречий во всей их остроте»¹. Иными словами, Толстой-художник «возвышается над своими неверными взглядами»². «Реалистическая обрисовка жизни» у Толстого сильнее его произведи, его «толстовщины».

Нам представляется, что дело обстоит значительно сложнее и тоньше в этом, по словам Горького, «самом сложном человеке среди всех крупнейших людей XIX столетия».

Конечно,—тут Т. Мотылева права, — в художественных произведениях Толстого правда жизни оказывается, как правило, убедительнее и сильнее его ложных морально-философских построений. В своих художественных произведениях Толстой-протестант, Толстой—критик эксплуатации, насилия и классового гнета, как правило, ярче, глубже, неизмеримо сильнее Толстого—проповедника «непротивления».

Но тут дело не в победе реализма над «толстовщиной», не в том, что Толстой «возвышается над своими неверными взглядами».

Мировоззрение Л. Н. Толстого вовсе не сводится к «неверным взглядам», к «толстовщине», хотя в системе его взглядов

---

¹ Т. Мотылева, «О мировом значении Л. Н. Толстого», Москва, 1957, стр. 47.

² Там же, стр. 49.

было не мало ошибочного. Не «толстовщина» являлась главным и определяющим в его мировоззрении. Чрезвычайно важной и решающей для правильной оценки того, что является главным в Толстом и определяет основное содержание его взглядов, что составляет подлинную сущность его мировоззрения, является следующая мысль Ленина: «Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и, несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному «христианскому анархизму», как оценивают иногда «систему» его взглядов»¹.

Главным и основным в Толстом является его протест, его страстное обличение эксплуататорского строя, буржуазного государства, классового гнета. Тут Толстой и силен, и убедителен. В обличении зла у самого Толстого не было никаких сомнений, никаких колебаний. Когда же он переходил к своим рецептам спасения человечества («непротивление злу насилием», «всеобщая любовь», «опрощение» и т. д.), то он терял свою силу и убедительность, ибо сам в свои рецепты не очень-то верил (о чем подробнее ниже). Величайшей трагедией Толстого было то, что, будучи по природе страстным обличителем, борцом, он не сумел найти путей избавления человечества от общественного зла. Не зная выхода, Толстой и пришел к реакционному и утопическому «толстовству». Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слылось в его учении.

Вот и получается, что не вопреки, а благодаря своему мировоззрению, т. е. благодаря тому, что Толстой был убежденнейшим критиком и обличителем общественной несправедливости, эксплуататорского общества и всякого угнетения человека человеком и, вместе с тем, весьма слабым «толстовцем» (не очень уверенным и не очень убежденным в правоте «толстовства»), наиболее сильными (и непревзойденными) страницами являются те, в которых выражен его протест против современных ему общественных и государственных порядков. Они написаны «от всей души» и на уровне его

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 183—184.

неповторимого художественного гения. Те же страницы его художественных произведений, в которых он выступает в роли «толстовца», являются весьма слабыми и малоубедительными (и с точки зрения художественного мастерства).

И не только в художественных произведениях, как пишет Т. Мотылева, но и в публицистических трактатах и статьях Толстого «правда жизни» убедительнее и сильнее его морально-философских построений. И в своей публицистике Толстой силен и убедителен как протестант и критик эксплуататорского строя (в отдельных местах его обличение достигает потрясающей силы) и смешон, по известным словам В. И. Ленина, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества. Так что тезис Т. Мотылевой «Иное дело — в художественных произведениях Толстого» нам представляется неверным.

Далее. Т. Мотылева пишет: «Торжество реализма в художественном творчестве Толстого очень непосредственно проявлялось в том, что в каждом из его главных произведений — даже если первоначальной, отправной точкой для работы писателя и служила абстрактно-моральная проблема — на первый план с неумолимой последовательностью и резкостью выдвигались проблемы социальные»¹.

Да в том-то и дело, что Толстой вовсе не был моралистом (как тип мыслителя). Его по-настоящему волновали не проблемы «нравственной чистоты» людей, а проблемы социальные. Его, собственно, занимала одна центральная, главная проблема: почему одни (паразитическое, праздное, развращенное меньшинство) живут за счет других (трудового большинства, народных масс, создающих все блага жизни); почему одни в своих корыстных, эгоистических интересах эксплуатируют и угнетают других, превращая их в своих рабов: как добиться такого общественного устройства, при котором все люди — народные массы, трудящиеся — жили бы здоровой, нормальной, счастливой, радостной жизнью; как избавиться от общественной несправедливости, от неравенства между людьми, от угнетения и унижения человека человеком?

Для понимания Толстого-мыслителя, для понимания того, чем он жил, что его волновало, надо вспомнить те требования, которые он предъявлял к мыслителям и художникам

¹ Т. Мотылева, «О мировом значении Л. Н. Толстого». Москва, 1957, стр. 55.

в одном из своих ранних публицистических сочинений. В работе «Так что же нам делать?» он писал: «Деятельность научная и художественная в ее настоящем смысле только тогда благотворна, когда она не знает прав, а знает одни обязанности...

Мыслитель и художник никогда не будут спокойно сидеть на олимпийских высотах, как мы привыкли воображать; мыслитель и художник должен страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение или утешение. Кроме того, он страдает еще потому, что он всегда, вечно в тревоге и волнении; он мог решать и сказать то, что дало бы благо людям, избавило бы их от страдания, дало бы утешение, а он не так сказал, не так изобразил...

Гладких, жуирующих и самодовольных мыслителей и художников не бывает»¹.

А немного позже он записывает в «Дневнике»: «Сматрел, подходя к Овсянникову, на прелестный солнечный закат. В нагроможденных облаках просвет и там, как красный неправильный уголь, солнце. Все это над лесом, рожью. Радостно. Я подумал: нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, которые после нас будут жить в нем»².

Его, Толстого, главным образом занимала проблема счастья людей, их радостной, благоустроенной жизни, а это значит, что его в первую очередь занимали вопросы социальные, вопросы о том, как «сделать прекраснее и радостнее» для всех людей тот мир, в котором мы живем. Таким образом, социальные проблемы выдвигаются «на первый план с неумолимой последовательностью и резкостью» в главных произведениях Толстого не потому, что Толстой-реалист восторжествовал над Толстым-моралистом, а потому, что эти социальные вопросы главным образом его и волновали. Этим-то и объясняется его «резвый реализм, срывание всех и всяческих масок» (Ленин).

Это, разумеется, не значит, что вопросы морали не интересовали Толстого. Напротив. Они занимают весьма солидное место в его мировоззрении. Но моральные вопросы его инте-

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 25, 1937 г., стр. 373.

² Там же, т. 52, 1951 г., стр. 120—121.

ресовали не сами по себе (как, например, Канта), а как вопросы, связанные с главной, центральной проблемой—проблемой благоустроенности человеческой жизни.

О том, что Толстой-художник и Толстой-мыслитель—один и тот же Толстой (и, следовательно, нельзя противопоставлять публицистические произведения писателя его художественным произведениям), правильно пишет М. Храпченко в своей статье «Мировоззрение и творчество» (сборник статей «Проблемы теории литературы», изд. Академии наук СССР, Москва, 1958 г.).

Он пишет: «Ленинский анализ творческого развития Льва Толстого учит нас видеть силу и слабость великого писателя, его «разум» и «предрассудок». Положения В. И. Ленина о «разуме» и «предрассудке» касаются как творчества писателя, так и его мировоззрения. В. И. Ленин не отделяет Толстого-художника от Толстого-мыслителя»¹.

«Не отделяя Толстого-художника от Толстого-мыслителя, В. И. Ленин отнюдь не рассматривал мировоззрение писателя в целом как реакционное, он вскрывал в нем разные стороны»².

И еще. Т. Мотылева, говоря о торжестве Толстого-реалиста над «толстовщиной», напоминает, что в литературно-теоретических работах уже не раз сопоставлялись характеристика Толстого, данная Лениным, и характеристика Бальзака, данная Энгельсом³. «И в том и в другом случае,—пишет Т. Мотылева,—основоположники марксизма-ленинизма раскрыли величие мастеров реалистического искусства, сумевших стать в художественном творчестве выше собственных классовых симпатий и политических предрассудков»⁴.

Правда, Т. Мотылева оговаривается: «Мировоззрение художника, как бы он ни был велик, не есть нечто нейтральное, безразличное для его творческой деятельности», тем не менее, она принимает это сопоставление. «Та «победа реализма», о которой говорит Энгельс в применении к Бальзаку, по-своему

¹ Сборник «Проблемы теории литературы», изд. Академии наук СССР, Москва, 1958 г., стр. 11—12.

² Там же, стр. 12.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, О литературе, 1958 г., стр. 73.

⁴ Т. Мотылева, «О мировом значении Л. Н. Толстого», Москва, 1957 г., стр. 41.

осуществляется и у Толстого во всех основных его произведениях»¹.

Нам же представляется, что это сопоставление незерное. Истина всегда конкретна. Бальзак по своим политическим взглядам был легитимистом. Его симпатии были на стороне класса, осужденного на вымирание. Но, будучи крупнейшим мастером реализма, он, по словам Энгельса, видел неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи, видел настоящих людей будущего там, где их в то время единственно и можно было найти. Иными словами, он принужден был идти против собственных классовых симпатий и политических предрассудков. И в этом смысле творчество Бальзака представляет собой «одну из величайших побед реализма». Совсем иначе обстоит дело с Толстым. Хотя по своему рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России, он порвал со своим классом, перешел на сторону крестьянства, на сторону угнетенных и эксплуатируемых и все его классовые симпатии были на стороне трудового народа. Следовательно, когда Толстой с огромной силой и искренностью бичевал господствующие классы (как в художественных, так и в публицистических произведениях), когда он, по известным словам Ленина, с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится современное эксплуататорское общество: церковь, суд, милитаризм, «законный» брак, буржуазную науку, то он не должен был идти, как Бальзак, против собственных классовых симпатий и политических предрассудков.

Общий вывод: всякое противопоставление Толстого художника Толстому-мыслителю, всякое противопоставление художественных произведений писателя его публицистике мешает правильной оценке Толстого. Всякое противопоставление Толстого-художника Толстому-мыслителю означает, по существу, принижение Толстого-мыслителя. Между тем, Толстой велик и неповторим и как художник, и как мыслитель. Сильные и слабые стороны его мировоззрения в одинаковой мере отразились как в его художественном творчестве, так

---

¹ Т. Мотылева, «О мировом значении Л. Н. Толстого», Москва, 1957 г., стр. 42.

и в публицистике, в его учении. В. И. Ленин в статье «Толстой и пролетарская борьба» писал: «Большое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении (разр. наша—Авт.) Толстого»¹.

Больше того, Ленин показывает, что только рабочий класс и партия большевиков имеют право говорить о Толстом от имени всего трудового народа, что только рабочий класс и его партия могут правильно оценить Толстого, что только рабочий класс и его партия по-настоящему ценят Толстого—и художника, и мыслителя. А вот либералы, либеральствующие народники и меньшевики слабословят Толстого, на деле же их причитания представляют собой сплошное лицемерие, «ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует» (Ленин).

Правда, Л. Н. Толстой находится вне столбовой дороги развития революционной мысли России—дороги, отмеченной такими вехами, как декабристы, А. И. Герцен, революционеры-разночинцы во главе с Н. Г. Чернышевским, герои «Народной воли» и марксизм-ленинизм, совершивший коренной переворот в истории человеческой мысли.

Но Л. Н. Толстой в своем учении, в своем творчестве, в своих предельно искренних исканиях по-своему, своеобразно, «по-толстовски» отражал те неслыханные муки и жергвы, тот невиданный революционный героизм, ту невероятную энергию и беззаветность исканий, через которые, по известным вдохновенным словам Ленина, прошла Россия, прежде чем «выстрадать» марксизм, как единственно правильную революционную теорию.

*
*
*

Толстому-мыслителю посвящена огромная специальная литература. Но во всей буквально необъятной литературе о Толстом нет правильного изложения его учения. Г. В. Плеханов правильно отметил, что ни об одном писателе не было наговорено столько вздора, сколько о Толстом. Единственно верный, необыкновенно глубокий и всесторонний анализ мировоззрения и творчества Толстого мы находим в трудах Ленина.

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 323.

Работы Бирюкова¹, Булгакова² и других «правоверных толстовцев» не дают, по существу, никакого изложения учения Толстого. Их работы представляют собой просто-напросто систематизацию «высказываний» Толстого по отдельным вопросам и состоят сплошь из длинных цитат из его произведений. Систематизация, разумеется, дана ими тенденциозная; отрывки из сочинений, дневников, писем Толстого вырваны из общего контекста, и облик Толстого в этих работах неимоверно искажен.

В тех же работах, в которых авторы делают попытку дать цельное и связное изложение мировоззрения Толстого, последний (Толстой) выступает в роли «учителя жизни», религиозного реформатора, теоретика анархизма, «этического анархиста» и т. п., т. е. дается совершенно неверное изложение его учения.

Таковы работы Левенфельда, Козлова, Шмитта, Кроссби, Массарика, Сорокина, Эльцбахера и др.³.

Само собой разумеется, что абсолютно извращенное представление о Толстом дают работы таких мракобесов, как Мережковский, Шестов, Франк и др.⁴.

Ничего принципиально нового не прибавили и современные буржуазные исследователи творчества Толстого, как, например, Симмонс и др.

¹ П. И. Бирюков, «Биография Л. Н. Толстого». 4 тома, Москва—Петроград, 1923 г.

² Валентин Булгаков, «Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Л. Н. Толстого». Москва, 1917 г.

³ Р. Левенфельд, «Граф Лев Толстой, его жизнь, произведения и мировоззрение». СПб, 1896 г.;

А. А. Козлов, «Религия графа Л. Н. Толстого», СПб, 1883 г.;

Э. I Шмитт, «Лев Толстой и его значение для нашей культуры», Лейпциг, 1901 г. (на немецком языке).

Эрнест Кроссби, «Толстой и его жизненное понимание», перев. с английск., 1911 г.

Т. Г. Массарик, «К вопросу о русской философии истории и религии», 1913 г. (на немецком языке).

Питирим Сорокин, «Л. Н. Толстой как философ», Москва, 1914 г.

Эльцбахер, «Анархизм», перев. с немецкого Б. Яковенко, СПб, 1906 г.

⁴ Д. С. Мережковский, Соч., т. XII.

Шестов Л., «Добро в учении графа Толстого и Ф. Ницше», Москва, 1907 г.

С. Франк, «Нравственное учение Л. Н. Толстого». См. сб. его статей «Философия и жизнь», СПб, 1910 г.

Не в счет невежественные рассуждения М. Бородкина, Ф. Порше и др.¹

В литературе о Толстом² надо, разумеется, выделить работы Г. В. Плеханова. Его статьи о Толстом отличаются обстоятельностью анализа творчества и мировоззрения писателя. В них много интересных мыслей, тонких замечаний, касающихся учения Толстого. И, разумеется, все они отмечены блестящим литературным талантом Плеханова. Но эти работы, претендующие на марксистское освещение вопроса, являются, однако, далеко не марксистскими. Главного, центрального, основного в Толстом, его мировоззрении Плеханов не увидел и не понял. Не поняли основного в Толстом и Аксельрод-Ортодокс, Фриче, Квитко и другие, стоящие на позиции Плеханова (см. Аксельрод-Ортодокс, «Мировоззрение Толстого и его эволюция», на немецком языке. Штутгарт, 1902 г., а также сборник статей «Лев Толстой», вышедший вторым изданием в 1928 году; В. М. Фриче, «Л. Н. Толстой» в сборнике «О Толстом», ГИЗ, 1928 г.; Д. Ю. Квитко, «Философия Толстого», Москва, 1930 г.). (Особое место занимают статьи А. В. Луначарского о Толстом: в них своеобразная смесь верного и неверного).

Г. В. Плеханов изложил свои взгляды в ряде статей: «Заметки публициста «Отсюда и досюда», «Смещение представлений (Учение Л. Н. Толстого)», «Карл Маркс и Лев Толстой», «Еще о Толстом» и др.

Концепция Плеханова следующая:

Толстой-художник противостоит Толстому-мыслителю.

Толстой-художник язычески влюблен в жизнь. Толстой-мыслитель—«христианин», мистик, аскет, отрицающий значение и ценность земной жизни.

Толстой всю жизнь раздирался между христианством (и, следовательно, аскетом) и язычником. В этом основное противоречие Толстого. «Перелом» в жизни Толстого заключался в том, что «христианин окончательно восторжествовал над язычником»³.

---

¹ М. Бородкин, «Современные беседы», СПб, 1907 г.

Франсуа Порше, «Психологический портрет Толстого». Париж, 1935 г. (на французском языке).

² Подробный разбор литературы о Толстом выходит за рамки настоящей работы.

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIV, стр. 246.

Толстой-художник, язычески влюбленный в жизнь, является непревзойденным мастером реализма, но в качестве мыслителя Толстой—мистик, идеалист, отрицающий земную, реальную действительность. Идеалистически решая вопрос об отношении бытия к мышлению, он и противопоставляет «мирское», «тленное», «телесное»—«божескому», «вечному», «духовному». Он главным образом заботится о душе, пренебрегая—чисто по-христиански—бренным и преходящим материальным миром.

Из этого, по мнению Плеханова, и вытекает у Толстого его центральная идея, его учение «о непротивлении злу насилем». Стоит ли сопротивляться злу, когда вся эта земная, реальная жизнь никакой ценности не имеет? Надо думать и заботиться не о «земных» делах, не о «грешном» теле, а о спасении души.

Иными словами, Толстой интересуется главным образом сугубо религиозными вопросами, проблемами «духа», «вечности» и очень далек от земных дел. Отсюда такой интерес у него к своему «я», к «самоусовершенствованию». Отсюда и учение о непротивлении злу насилем. «Учение Толстого о непротивлении злу,— пишет Плеханов,— целиком основывается на противопоставлении «вечного»—«временному», «духа»—«телу»¹.

Плеханов подчеркивает «христианско-аскетический» характер толстовского учения о нравственности. Он пишет: «Его (Толстого—Авт.) учение есть пессимизм на религиозной подкладке, или,—если вы предпочитаете выразиться так,—религия на основе крайне пессимистического мироощущения»².

Ясно из вышеизложенного, что Толстой весьма слабый мыслитель, что во всем его учении очень мало интересного. Этим и объясняется пренебрежительное отношение Плеханова к Толстому-мыслителю, к его философии, к его учению в целом.

У Аксельрод-Ортодокс это пренебрежительное отношение к Толстому-мыслителю выражено еще резче. В своей статье «Лев Толстой, как мыслитель и художник» она пишет: «Понятия «разумного сознания» и сознания «животной личности» в учении Толстого, представляя собой нечто весьма бледное и доморощенное (разр. наша — Авт.) в сравнении с

---

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIV, стр. 198.

² Там же, стр. 228.

трансцендентальной и эмпирической апперцепциями, все же обнаруживают по своему внутреннему содержанию сходство с этими последними»¹. Куда, мол, Толстому до глубин автора трех «Критик»!

Но Плеханов не ограничивается тем, что вскрывает слабость мировоззрения Толстого. Он приходит, — будучи весьма последовательным в своей концепции, — к очень странному выводу: Толстой, проповедывающий аскетизм, нирвану, буддизм, пессимизм, естественно, очень равнодушен к народному горю, мало интересуется счастьем людей, ибо какое ему, собственно, дело до «земного счастья», когда все это «суета сует».

Плеханов так и пишет: «Мысль о народном счастье и о народной доле не имела над ним силы; се отгонял равнодушный вопрос: «а мне что за дело?»². (И это пишется об авторе «Так что же нам делать?» и «Не могу молчать!»).

Больше того. Даже тогда, когда Толстой обратил, наконец, свое внимание на отрицательную сторону дворянского быта и стал осуждать ее с точки зрения нравственности, он все-таки продолжал заниматься эксплуататорами, а не эксплуатируемыми» (разр. наша—**Авт.**)³. И нас теперь уже не удивляет, когда у Плеханова мы читаем, что нравственная проповедь Толстого вела к тому, что он перешел на сторону «угнетателей народа»⁴.

Одним словом, Толстой «был и до конца жизни (разр. наша—**Авт.**) остался большим барнином»⁵. Причем барнином в высоком смысле этого слова, аристократом духа, интересующимся только религиозными вопросами, или, точнее, религиозно-моральными вопросами, пришедшим к выводу, что все в земной жизни—«суета сует», что весь этот бренный мир многого не стоит, а посему спасай, по крайней мере, чистоту своей души. Это единственное, что ты можешь сделать. Отсюда—полнейший квиетизм. Ибо его (Толстого) от всякого дела отгонял несумолимый вопрос: «а мне что за дело?».

Отметим в скобках, что С. А. Венгров (как и некоторые другие) тоже писал о Толстом, как о «типичнейшем барнине»

¹ Аксельрод-Ортодокс, Сб. «Лев Толстой», Москва, 1928, стр. 95.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIV, стр. 192

³ Там же, стр. 224.

⁴ Там же, стр. 224.

⁵ Там же, стр. 192.

С. А. Венгров писал: «...Толстой, несмотря на свою несомненную близость к народу, в основе... остается типичным баринством»¹.

Иванов-Разумник рассматривал Толстого как «кающегося барина»².

Концепция Плеханова коренным образом расходится с ленинской оценкой творчества и учения Толстого.

Правда, критика «толстовства», т. е. слабых, реакционных сторон учения Толстого («непротivления злу», квиетизма и т. д.), данная Плехановым с марксистских позиций, была нужна и полезна. И в те моменты, когда политически возникала необходимость борьбы с «толстовством», тогда Ленин сближался с Плехановым в общей борьбе за чистоту революционной марксистской теории. Тем не менее—и это важно подчеркнуть—Ленин принципиально иначе подошел к Толстому.

Порочность концепции Плеханова заключается в следующем:

1. При данной концепции выпадает основное, главное в Толстом: выпадает Толстой—автор «Не могу молчать!», тот Толстой, которого отлучили от церкви (и по поводу чего Ленин писал: «Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, с жандармами во Христе»), тот Толстой, который получал угрожающие письма от реакционеров разного толка, тот Толстой, который получил такую высокую оценку в известном обращении к нему рабочей фракции III Государственной Думы. Иными словами, выпадает Толстой—бурный протестант против классового гнета и эксплуатации.

2. Плеханов ошибочно отождествлял Толстого (с его сложным, многогранным и—по природе своей—противоречивым и ищущим учением) с «толстовством», т. е. с реакционными, слабыми сторонами его мировоззрения.

3. Плеханов ошибочно представлял учение Толстого, как некое цельное мировоззрение. Он ошибочно искал единую философскую основу для весьма и весьма противоречивого учения Толстого.

¹ С. А. Венгров, Собр. соч., Петроград, 1919 г., т. 1, стр. 90.

² Иванов-Разумник, «История общественной мысли России», СПб, 1907, т. II, стр. 111 и след.

4. Плеханов ошибочно выводит чисто логическим путем общественные, политические взгляды Толстого из его философских взглядов.

5. Слабая реакционная сторона учения Толстого (его «непротивленство») тоже неверно изложена Плехановым. Толстой оказался аскетом и пессимистом, что противоречит прямым высказываниям писателя.

Истоком порочной концепции Плеханова является его сугубо упрощенный классовый анализ Толстого: «был и до конца жизни остался большим барин¹».

Сама попытка излагать учение Толстого в философских категориях, как это делает Плеханов, свидетельствует о непонимании существа его мировоззрения. Ведь не случайно В. И. Ленин в своей первой статье о Толстом («Лев Толстой, как зеркало русской революции») совершенно не касается философии Толстого, хотя статья писалась в период работы над «Материализмом и эмпириокритицизмом». Ибо не то или иное решение философских вопросов является определяющим и главным в Толстом; и не философские вопросы интересовали Толстого. Он был, по существу, очень равнодушен к философии². Характерна в этом отношении его запись в Дневнике (16 мая 1896 г.): «Утро. Не могу писать свое изложение веры. Неясно, философсно (разр. наша—Авт.), и то, что было хорошего, то порчу»³.

Конечно, у Толстого можно найти ряд мест, внешне, словесно подтверждающих ту или иную мысль Плеханова. Основная философская работа Толстого, его трактат «О жизни»³, содержит много идеалистических и просто туманных рассуждений о «разумном сознании», о «логосе», о «животной личности» и т. п. Но всем этим «философским» рассуждениям сам Толстой не придавал особого значения. Недаром в письме к В. Г. Черткову (21 июня 1889 г.) он пишет по поводу своего со-

¹ В письме к Н. Я. Гроту (октябрь 1887 г.) Толстой отмечает свое равнодушие к Аристотелю и вообще к «философским, книжническим» учениям. «Книжникам» он противопоставляет истинных мудрецов, учения которых ему по душе. (Полн. собр. соч., т. 64, стр. 103).

В письме к Н. Н. Стргову (ноябрь 1872 г.) он пишет: «Это моя судьба с Гегелем... Я ничего не понимаю» (т. 61, стр. 348).

² Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 53, 1953 г., стр. 87.

³ Там же, т. 26.

чинения «О жизни», что там много «лапирсочного тумана» и «умственного кокетства».

Кстати отметим, что главная цель и этой работы («О жизни») также заключалась не в доказательстве той философской истины, которая, на первый взгляд, его как будто занимала: о примате «разумного сознания» над «животной личностью». Все эти философские понятия и категории (Толстой, повторяем, им особого значения не придавал) были только в е щ и м в ы р а ж е н и е м тех сокровенных мыслей, которые его по-настоящему и волновали,—мыслей о том, как сделать жизнь людей, жизнь народа, трудящихся радостной и счастливой. Многие из читателей Толстого этого не принимали. Не напрасно Толстой жаловался, что «часто в спорах с учеными я натывался на полное непонимание того, что я говорю — мы, как будто, говорим на разных языках»¹.

А все же спросят: в области философии к какому течению принадлежал Толстой—к материализму или идеализму? Мы хорошо помним известное указание В. И. Ленина о том, что «за кучей новых терминологических ухищрений, за сором геллертерской схоластики всегда, без исключения, мы находили две основные линии, два основных направления в решении философских вопросов»².

И отвечаем: Толстой, несомненно, идеалист, метафизик, допускающий, как писал Ленин, только точку зрения «вечных» начал нравственности, «вечных» истин религии.

Но в том-то и дело, что не философия и не эти «вечные» начала нравственности и истины религии по-настоящему занимали Толстого (о чем подробно ниже). И занимался он ими только в той мере, в какой они ему нужны были для решения главного вопроса, волновавшего его,—вопроса о счастье людей, в той мере, в какой они ему помогали формулировать свои рецепты спасения человечества. Это во-первых.

Во-вторых, идеализм Толстого связан с его рецептами спасения человечества.

А все эти рецепты («непротравление» и т. д.) и все их теоретическое обоснование (толстовская идеалистическая философия, толстовская религия и т. д.) относятся к слабой, реакционной стороне его учения, составляющей второстепенное в его мировоззрении, составляющей то— и это

¹ П. И. Бирюков, «Биография Л. Н. Толстого», 1923 г., т. III, стр. 17.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 321.

в данном случае самое важное,—во что он сам не особенно верил. Сводить же Толстого к этой слабой и реакционной стороне его учения, как делает Плеханов, усматривать в этой слабой стороне главное в Толстом и абстрактно-логически выводить все учение Толстого из его идеалистических и метафизических философских позиций, значит извращать облик Толстого, превращать Толстого, «бурного протестанта» против классового гнета и эксплуатации, всю жизнь боровшегося (при всем своем «толстовстве») за народные интересы, за радостную, полноценную и благоустроенную жизнь миллионов трудящихся (здесь, на этой земле, а вовсе не в потустороннем мире), за процветающую народную Россию, которую он так любил,—в аскета, пессимиста, последователя Шопенгауэра, в какого-то елейного старца, т. е. давать совершенно неверный, в корне искаженный образ Толстого. «Старцем» он казался многим. Писал же В. Розанов: «Сидеть бы ему (Толстому—Авт.) на завалинке около села или жить у ворот монастыря, в хибарке, «старцем», молиться, «думать»...»¹.

Ленин нарисовал другой образ Толстого, образ борца за «народные чаяния», за интересы многомиллионного русского крестьянства, за счастье всех людей, всех трудящихся. Ленин же и объяснил, почему страстная критика общественной несправедливости и борьба за справедливый общественный строй приняла у Толстого своеобразное «толстовское» идеологическое облачение и сочетались с проповедью «непротивления», «самосовершенствования» и т. д., т. е. с проповедью утопических и реакционных средств избавления человечества от гнета и эксплуатации.

В. И. Ленин с какой-то особой теплотой и сердечностью писал о Толстом. Б. Мейлах правильно отметил, что Толстой был «одним из самых любимых писателей Ленина, его постоянным литературным спутником»². Чем это объясняется? Чем объясняется то, что Ленин не только питал постоянный и глубокий интерес к творчеству Толстого, но любил, именно любил его?³.

¹ В. Розанов, «Поездка в Ясную Поляну» — «Международный толстовский альманах», 1909 г., стр. 286.

² Б. Мейлах, «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX—начала XX вв.», изд. 2-е, 1951 г., стр. 311.

³ В. Д. Бонч-Бруевич вспоминает, с какой сердечностью Ленин говорил о Толстом, «Обличающем церковь, громящем царей, бичующем богатство, собственность, роскошь».. (см. Сб. «Ленин и Толстой», изд. Коммунистической академии, 1928, стр. 102).

Почему Ленин был «влюблен» (как он об этом писал в письме к Инессе Армаид 30 января 1917 г.) в Маркса и Энгельса — тут, собственно, и вопроса нет.

Почему Ленин очень любил Чернышевского — это тоже понятно: Чернышевский по своему духовному облику (профессиональный революционер, негибаемая воля, ясный ум, никогда никаких колебаний, никакого уныния в самых трудных и неблагоприятных условиях, всегда знает, что надо делать, и т. д.) был очень и очень близок Ленину.

А вот почему Ленин так любил «непротивленца» Толстого?

По свидетельству Н. К. Крупской. Ленин на протяжении всей своей жизни читал и перечитывал Толстого. Ленин досконально знал все произведения Толстого, в том числе и его публицистические работы. В. В. Вересаев как-то заметил, что публицистика Толстого принадлежит к роду скучной литературы и вряд ли у кого хватит терпения, кроме «правовверных» толстовцев, ее читать. Вересаев совсем не прав. Ленин внимательнейшим образом следил за каждой строкой, написанной Толстым, в том числе и за его публицистикой. Статьи Ленина о Толстом показывают, насколько глубоко и обстоятельно он знал все творчество Толстого. Не говоря уже о том, что у Ленина мы имеем прямые ссылки на публицистические произведения Толстого («Рабство нашего времени», «Прогресс и определение образования»). Очевидно, Ленину публицистика Толстого не казалась уж такой «скучной». Видимо, Толстой задевал самые чувствительные струны души Ленина. Чем это объясняется?

Б. Мейлах в упомянутой работе пишет: «В творчестве Толстого отражены противоречия крестьянской буржуазной революции, анализу которой Ленин посвятил немало своих работ. Вот почему все, что писалось Толстым, и все, что свидетельствовало о роли Толстого в прогрессивном общественном движении, живейшим образом интересовало Ленина»¹. Нам представляется, что непрерывный и глубокий интерес Ленина к Толстому объясняется не только этим. Ближе к истине Б. Мейлах, когда он немного дальше пишет о том, что Толстой был близок Ленину «как писатель, величие которого выразилось в самоотверженном, сточеском подчинении всей своей жизни единой цели служения народу»².

¹ Б. Мейлах, «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX вв.», изд. 2-е, 1951 г., стр. 313.

² Там же, стр. 317.

Толстой был близок Ленину главным образом потому что его, Ленина, волновали те же вопросы, какие волновали Толстого: «муки человечества», выражаясь словами Маркса¹, интересы народных масс, их жизнь, их благополучие. Душу Ленина не могла не тронуть необыкновенная любовь Толстого к трудовому народу. Устами Левина в «Анне Карениной» Толстой говорит, что любовь к русскому народу он впитал вместе с молоком кормилицы. Сухотин, зять Толстого, свидетельствует, что ему Лев Николаевич говорил: «Да, да... это моя юная любовь. Я так люблю русского мужика, что даже запах его пота мне приятен»².

Ленин восхищался мужицким демократизмом Толстого, искренностью и страстностью толстовского протеста против гнета и насилия. И именно потому, что Ленин так любил Толстого, он смог проникнуть в самую суть творчества писателя, смог прийти к своему гениальнейшему научному открытию: «Лев Толстой как зеркало русской революции».

К этому надо добавить, что Толстой был близок Ленину и по общему восприятию жизни: жизнь—огромное благо и должна быть счастливой. Г. М. Кржижановский в своих воспоминаниях пишет, что в Ленине «действительно ключом была жизненная энергия не только духа, но и крепкого, здорового, нормального физически человека. Вспоминаю, что, когда в период сибирской ссылки в одном из разговоров с Владимиром Ильичом я рассказал ему об определении здорового человека, данном известным в то время хирургом Бильротом, по которому здоровье выражается в яркой отчетливости эмоциональной деятельности, Владимир Ильич был чрезвычайно доволен этим определением.

«Вот именно так,—говорил он,—если здоровый человек хочет есть,—так уж хочет по-настоящему; хочет спать—так уж так, что не станет разбирать, придется ли ему спать на мягкой кровати или нет...» Я взглянул тогда на яркий румянец его щек и блеск его темных глаз и подумал, что вот ты-то именно и есть прекрасный образец такого здорового человека»³.

Ленинские статьи о Толстом совершили коренной перево-

---

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, «Письма о «Капитале», 1948 г., стр. 14.

² См. Н. Н. Гусев, «Замолченное о Толстом», Москва, 1926 г., стр. 14—15.

³ Г. М. Кржижановский, «О Владимире Ильиче», Сб. «Воспоминания о В. И. Ленине», Москва, 1955 г., стр. 7.

рот—в прямом и буквальном смысле—в понимании и оценке Толстого.

Применяя разработанную им теорию отражения к оценке творчества и учения Толстого, В. И. Ленин показывает, что взгляды и произведения Л. Н. Толстого представляют собой отражение реальных исторических условий определенного периода русской истории.

В. И. Ленин показывает, что в учении и творчестве Толстого нашла свое отражение та крутая ломка порядков и устоев, которая характерна для периода русской истории между двумя поворотными пунктами: 1861 г.—годом начала буржуазных реформ, проводимых руками крепостников, и 1905 г.—годом крестьянской буржуазной революции.

Эта острая ломка старых устоев России и обусловленная ею ломка взглядов широких крестьянских масс, разоряемых всем ходом исторического развития указанного периода—периода усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху, чрезвычайно обострила зрение гениального художника и мыслителя, обострила его внимание и интерес к происходящему и вызвала тот страстный и бурный протест против гнета и эксплуатации, против лжи и фальши царского режима и всего современного ему буржуазного общества, благодаря которому Толстой и стал «зеркалом русской революции».

Но этот протест, указывает Ленин, сделан Толстым с точки зрения наивных, патриархальных крестьян, которые, освободившись от крепостного права, сталкиваются с реальным содержанием этой «свободы»—с нищетой, разорением, бездомной жизнью, голодной смертью—и впадают в ужас и отчаяние перед невидимым и новым врагом, перед лицом новых бедствий, идущих откуда-то из города.

Вся прошлая жизнь научила крестьянина ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, как добиться избавления от этого барина и чиновника. И Толстой переносит психологию и настроение патриархальных крестьян в свою критику, в свое учение. «Толстой,—писал Ленин, —отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние—вот что слилось в учении Тол-

стого»¹. Этим и определяются «кричащие» противоречия Толстого.

О противоречиях Толстого написано очень много. Еще Н. К. Михайловский писал о «щуйце и деснице Льва Толстого» в своих «Записках профана»². Но до Ленина никто не сумел вскрыть социальные, классовые корни этих противоречий, никто не сумел правильно их охарактеризовать. А противоречия у Толстого действительно «кричащие» (выражение Ленина).

Проповедуя «непротивление», Толстой всю свою жизнь противился злу. Проповедуя квиетизм, бездействие в борьбе с общественной несправедливостью, Толстой всю свою жизнь действовал: создавал школы для деревенских ребят, организовывал помощь голодающим, активно выступал—и как художник и как публицист—против гнета и эксплуатации, обличал, протестовал, именуя «царя самым отвратительным существом, бесовским убийцей...», заявляя всему миру: «Не могу молчать!». Нельзя без содрогания читать следующие строки, написанные Толстым в декабре 1908 года:

«Не могу молчать, и не могу, и не могу. Никто не слушает того, что я кричу, о чем умоляю людей, но я все-таки не перестану обличать, кричать, умолять все об одном и том же до последней минуты моей жизни, которой так немного осталось»³.

Считая, что «нет в мире виноватых», что «нельзя никому ничего предписывать, никого ни в чем нельзя упрекать, никого нельзя осуждать», Толстой всю жизнь обвинял, укорял, осуждал, проповедовал бурно, страстно и гневно.

Он осуждал плоть и... по-язычески был влюблен в жизнь, безгранично привязан ко всем ее благам. «Теперь лето и прелестное лето,—писал он Фету в июле 1880 г.,—и я, как обыкновенно, ошалеваю (разр. наша—**Авт.**) от радости плотской жизни и забываю свою работу»⁴. Почти во всех своих художественных произведениях, в том числе и в тех, которые написаны после «перелома», после «В чем моя вера», после «Исповеди», Толстой остается художником сугубо земной жизни, которая сама по себе, как неоднократно отмечал Толстой, есть благо («Отец Сергей», «Воскресенье» и др.).

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 302.

² См. Н. К. Михайловский, Соч., изд. «Русское богатство», СПб, т. III.

³ Из «Предисловия к рассказу «Убийцы». Полное собрание сочинений, т. 37, 1956, стр. 291.

⁴ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 63, 1934 г., стр. 19.

Само его учение глубоко противоречиво. Толстой с исключительной силой протестовал против господства эксплуататоров, разоблачал царизм, буржуазное государство, капиталистическую собственность, фальшь и лицемерие буржуазной науки и казенного искусства, внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится буржуазное общество.

И в то же время Толстой обнаружил полное непонимание закономерностей общественного развития, причин кризиса, который переживала тогда Россия, и путей выхода из него, проповедовал подмалеванную, подкрашенную, но от этого еще более вредную, религию, предлагал такие сугубо реакционные и утопические средства, как «непротивление злу насилием» и личное «самоусовершенствование», для избавления человечества от эксплуатации, паразитизма, насилия, общественной несправедливости.

Все эти противоречия в произведениях, во взглядах, в учении Толстого, указывает Ленин, не случайность, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли взгляды различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху, отражение силы и слабости, мощи и ограниченности крестьянского массового движения.

Отсюда глубочайший вывод: «И противоречия во взглядах Толстого надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней. Толстой смешон как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции. Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения, — действительное зеркало тех противоречивых условий, в кото-

рые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции»¹.

(Напомним в скобках, что до 4-го издания Сочинений В. И. Ленина в указанной цитате из статьи «Лев Толстой как зеркало русской революции» неверно приводились слова Ленина: «взятых как целое». И в 3-м издании Сочинений В. И. Ленина было ошибочно напечатано: «Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, вредных как целое, выражает как раз особенности нашей революции...». В 4-м издании Сочинений В. И. Ленина исправлено: «Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое...»)

Ленинская оценка социально-классовых корней учения Толстого, ленинская оценка Толстого как «зеркала русской революции» является той позицией, из которой надо исходить для правильного определения самой сути толстовского мировоззрения.

Согласно методологии Ленина, Толстой предстаёт перед нами как страстный политический мыслитель, идеологически отражавший один из сложнейших и противоречивейших периодов русской истории. Сильные и слабые стороны его взглядов являются отражением сильных и слабых сторон той революции, «зеркалом» которой он был.

Оценка Толстого, данная Лениным, таким образом, коренным образом расходится с плехановской. Это надо подчеркнуть потому, что по теме «Ленин и Плеханов о Толстом» имеется какая-то недоговоренность в нашей литературе. Возьмем, например, упомянутую работу Б. Мейлаха: «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX—начала XX в.в.» (изд. 2-е, 1951 г.). В этой работе дан глубокий, обстоятельный и тонкий анализ ленинских статей о Толстом. Неправильным, кстати, является утверждение Б. Эйхенбаума, что «до сих пор (писано Б. Эйхенбаумом в 1957 г.—Авт.) не было глубокого анализа этих (т. е. ленинских—Авт.) статей»². Глава из указанной книги Б. Мейлаха, посвященная статьям Ленина о Толстом,—несомненно, ценный вклад в толстоведение. Б. Мейлах, как нам представляется, стоит на правильной позиции в оценке Толстого и верно излагает то новое, то принципиально новое, что Ленин внес в литературу о великом русском писателе. Б. Мейлах, следовательно, не мог не видеть прин-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 183

² Б. Эйхенбаум, «О взглядах Ленина на историческое значение Толстого», журн. «Вопросы литературы» № 5, 1957 г., стр. 116.

ципиальной разницы в ленинском и плехановском подходах к Толстому. Тем не менее, он не признает противопоставления статей Ленина статьям Плеханова о Толстом. Б. Мейлах пишет: «Таким образом, ряд основных, принципиальных положений делают ленинские взгляды на Толстого отличными от взглядов Плеханова. Но с абсолютным противопоставлением статей Плеханова статьям Ленина все же нельзя согласиться»¹. Он пишет об «ошибках статей Плеханова о Толстом», но не хочет полным голосом признать порочность в с е й концепции Плеханова о Толстом в целом.

Думаем, что надо придерживаться старой истины: историю нельзя ни исказить, ни исправлять. Разумеется, Г. В. Плеханов—при всех своих теоретических ошибках и срывах в своей политической деятельности—был и остается гордостью нашего народа, гордостью нашей страны. Галантный теоретик и пропагандист марксизма, блестящий стилист, Плеханов своими трудами обогатил русскую и мировую культуру. Вместе с тем, ошибки и срывы Плеханова замалчивать нельзя. Это искажает истину и приносит один голько вред. В данном случае всякая попытка «приукрасить» плехановскую оценку Толстого, называть ее марксистской означает, по существу, у м а л и т ь значение ленинских статей о Толстом, в которых дана единственно верная, единственно марксистская оценка Толстого—оценка, противостоящая плехановской.

Б. Мейлах в первом издании своей книги писал о том, что статьи Плеханова о Толстом и теперь «сохранили свою ценность в ряду пока еще немногочисленных марксистских работ, посвященных Толстому»². Правда, во втором издании книги Б. Мейлах исключил эту формулу. Но и во втором издании мы читаем: «Ценность статей Плеханова о Толстом—в их боевой, политической направленности против ликвидаторов, в разоблачении всякого рода попыток «дополнить» марксизм «толстовством». Плеханов (в особенности в статьях «Смешение представлений» и «Карл Маркс и Лев Толстой») дал глубокий анализ философских корней учения Толстого и свойственного этому учению анимистического взгляда на отношение «конечного» и «бесконечного»³. И далее «Статья Плеханова («Карл

¹ Б. Мейлах, «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX—начала XX в.в.», изд. 2-е, 1951 г., стр. 408

² Б. Мейлах, «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX—начала XX в.в.», Москва, 1947 г., стр. 362.

³ Б. Мейлах, «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX—начала XX в.в.», изд. 2-е, 1951 г., стр. 405.

Маркс и Лев Толстой».—Авт.) содержит множество верных наблюдений над внутренней природой толстовского учения, наблюдений, помогающих понять скрытые в нем противоречия и причины полной неудовлетворительности рассуждений Толстого о «смысле жизни». С этой точки зрения статьи Плеханова являются противоядием против «толстовства» как определенного мировоззрения¹.

Конечно, в той мере, в какой статьи Плеханова были направлены против слабых и реакционных сторон учения Толстого, они сыграли свою роль в борьбе с проповедниками «толстовщины» и со всеми теми, кто пытался «дополнить» марксизм «толстовством». Но для критики «толстовщины» вовсе не нужен был поистине блестящий талант Плеханова. «Рябаческая беспомощность» толстовского учения о «непротавлении злу» настолько очевидна, что любой элементарно подготовленный марксист легко вскрыет теоретическую слабость этого учения.

А вот то, что Плеханов сосредоточил все свое внимание на «глубоком анализе философских корней учения Толстого и свойственного этому учению анимистического взгляда на отношение «конечного» и «бесконечного»,—в этом-то как раз—и об этом Б. Мейлах молчит—слабость и порочность в ее й концепции Плеханова.

Еще и еще раз: нет единого учения Толстого, как это представляет Плеханов, а есть весьма и весьма противоречивое учение с сильными и слабыми сторонами. Когда в ликвидаторской «Нашей заре» Неведомский писал: «...какой величавой, какой мощной, вылитой из единого чистого металла, фигурой стоит перед нами этот Толстой, это живое воплощение единого принципа», то Ленин в статье «Герои «оговорочки» ответил: «Уф! Говорит красно—и все, ведь, это неправда. Не из единого, не из чистого и не из металла отлита фигура Толстого»². Таким образом, нельзя говорить о философских корнях учения Толстого в целом, ибо такого единого и цельного учения у Толстого нет.

Сама тема «Карл Маркс и Лев Толстой» характерна для порочной концепции Плеханова. В статьях Ленина о Толстом такой темы нет. Противопоставление Маркса Толстому ника-

1 Б. Мейлах, «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX—начала XX в.в.», изд. 2-е, 1951 г., стр. 405.

2 В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 341—342.

кого интереса, собственно, не представляет: что «толстовщина» отвергается марксизмом—это ясно; что в основе толстовского рассуждения «о непротивлении злу насильем» лежит идеализм — это тоже ясно. Доказать это—задача нетрудная. Но ведь главное не в этом. Ведь главное в том, чтобы раскрыть всемирно-историческую роль, которую Толстой сыграл как критик буржуазного общества, как страстный протестант против современного ему общественного и государственного строя. И отметим: Толстой сыграл особую и специфическую роль своим влиянием на ту часть передовой буржуазной интеллигенции, которая в свое время не «доросла» до понимания марксизма и которая перешла на самые радикальные позиции в своей критике капитализма и капиталистической культуры благодаря—в определенной степени—своеобразному толстовскому протесту против общественной несправедливости (Ромэн Роллан, Стефан Цвейг, Анатолий Франс и др.). Ромэн Роллан свидетельствует: «...никогда еще в Европе не звучал голос, равный ему по силе. Как иначе объяснить то потрясение, в которое повергла нас эта музыка души, столь долгожданная и столь нам необходимая?.. Нам было мало восхищаться совершенством творений Толстого—мы жили ими, они стали нашими... Нашими—благодаря мечтам о братской любви и мире между людьми. Нашими—благодаря грозному обличению лживой цивилизации»¹.

И в другом месте: «Доброта, ум и абсолютная правдивость этого великого человека делали его для меня самым надежным проводником в нравственной анархии нашего времени»².

Далее. Б. Мейлах, повторяя Плеханова, ошибочно приписывает Толстому «анимистический взгляд» на отношения «конечного» и «бесконечного». Толстой вовсе не был религиозным мыслителем в обычном смысле этого слова. «Толстовский бог» — категория особая (о чем подробно ниже). Все религиозные и философские вопросы об отношении «конечного» и «бесконечного» его, Толстого, очень мало занимали. Его занимала сама жизнь—и как художника, и как публициста, реальная земная жизнь со всеми ее радостями и горестями. Его занимала жизнь людей, жизнь широчайших народных масс, их борьба за свои права, за свои интересы. В. Г. Короленко пишет о том, что Толстой, выслушав рассказ о захвате крестьян-

¹ Ромэн Роллан, Собрание сочинений, т. 2, 1954 г., стр. 220—221.

² Там же, т. 14, 1958 г., стр. 90.

нами зерна, инвентаря и другого помещичьего имущества, «...сказал уже с видимым полным одобрением: — И молодцы!..»¹. А по концепции Плеханова Толстой, этот, по словам Ленина, «матерый человечиче», так жадно привязанный к жизни и так живо и бурно откликавшийся на все современные ему события, оказывается, никакой связи с жизнью не имел и даже «смешно говорить об его «живой связи» с ней»².

Различие плехановского и ленинского подходов к Толстому коренится в том, что Плеханов догматически, абстрактно-логически подошел к анализу творчества писателя, а Ленин, поднявший марксистскую философию на новую, высшую ступень, блестяще владевший методом диалектического материализма, проник в самую суть, в самую сердцевину творчества Толстого.

Надо напомнить в этой связи глубочайшие рассуждения Ленина о сущности и явлении.

В «Философских тетрадах» Ленина мы читаем: «...несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так «плотно» держится, не так «крепко сидит», как «сущность». Примерно: движение реки—пена сверху и глубокие течения внизу. Но и пена есть выражение сущности!»³.

Ленин, анализируя творчество Толстого, проник в самую сущность его. Ленин показал, что «толстовщина» у Толстого является «пеной», а не сущностью его учения, его мировоззрения. Ленин гениально объяснил причину появления «пены» у Толстого. Плеханов же остался в пределах этой «пены», проглядев сущность его взглядов.

В другом месте своих «Философских тетрадей» Ленин писал: «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. без конца.

В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов: не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и сущности вещей тоже»⁴.

---

¹ В. Г. Короленко, «Воспоминания о писателях», изд. «Мир», 1934 г., М., стр. 162.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIV, стр. 217.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 118.

⁴ Там же, т. 38, стр. 249.

Следовательно, в любом подлинно научном исследовании нельзя оставаться на поверхности «явлений», а надо проникнуть в самую «сущность» предмета, изучить противоречия в самой сущности. Плеханов же в своих статьях о Толстом остается на поверхности явлений, не углубляясь в сущность предмета, и, следовательно, не дал подлинно научного анализа творчества и учения писателя. Маркс предупреждал: «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня»¹.

Плеханов дает какой-то чисто «цитатный», догматический, «мертвый» анализ Толстого. Важно напомнить гениальное указание Ленина о «всемирной, всесторонней, живой связи всего со всем и отражении этой связи... в понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир (разр. наша—**Авт.**). Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники»². Плеханов, который в других случаях умел давать чрезвычайно глубокую, подлинно марксистскую обработку истории человеческой мысли (не говоря уже о литературном блеске и изумительной эрудиции), в данном случае, в статьях о Толстом, оказался очень «прямолинеен». Тут, несомненно, сказались его некоторые методологические «грехи», на которые в свое время указал Ленин. Плеханов не понимал, что материалистическая диалектика и есть теория познания, он сводил диалектику к сумме примеров. Плеханов, при всем своем глубоким философском уме, всерьез диалектикой не занимался. Ленин писал: «Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (Бельтов + прстив Богданова + +против кантианцев+основные вопросы и т. д. и т. д.). Из них о большой Логике, по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно диалектика как философская наука) ничего!!»³. Между тем, как указывает Ленин, «Если Маркс не оставил «Логики» (с большой буквы), то он оставил логику «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу.

---

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, 1949 г., стр. 830.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 136.

³ Там же, стр. 272.

В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма (не надо 3-х слов: это одно и то же), взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед»¹.

То, что Плеханов по-настоящему не овладел всем богатством материалистической диалектики, и сказалось на его схематичном подходе к Толстому. К этому надо добавить, что на позиции Плеханова (в оценке Толстого) сказалось и его меньшевистское отношение к революции 1905 года, к вопросу о роли и месте крестьянства в этой революции.

В. И. Ленин отмечал, что у Плеханова вместо диалектического решения основных вопросов революции — стремление искать ответы на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции. А это — опoшление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом. Вот этот догматизм Плеханова, его «стремление искать ответы на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины» проявились и в его статьях о Толстом.

М. Розенталь в своей книге «Вопросы эстетики Плеханова» правильно отметил, что известное замечание Ленина на полях книги Плеханова о Чернышевском в полной мере относится и к статьям Плеханова о Толстом². Ленин указал, что «из-за теоретического различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов просмотрел практически-политическое и классовое различие либерала и демократа»³. Точно так же, пишет М. Розенталь, Плеханов из-за критики религиозного учения Толстого просмотрел социальные корни его творчества, не мог увидеть те общественные силы, которые питали толстовскую критику общественных порядков.

М. Розенталь, однако, неправ, когда в указанной книге умалчивает о том, что Плеханов не только «просмотрел социальные корни» творчества Толстого, но и дал неверную оценку Толстого в целом. В своей вступительной статье к сборнику работ Плеханова по искусству и литературе М. Розенталь также подчеркивает главным образом то, что

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 315.

² М. Розенталь. «Вопросы эстетики Плеханова», М., 1939 г., стр. 143

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 546.

Плеханов не сумел дать верную классовую оценку творчества великого писателя, не увидел в нем отражения целой эпохи в истории России¹. Он пишет о глубокой философской критике учения Толстого, данной Плехановым.

М. Розенталь, как и Б. Мейлах, говоря о глубокой «философской критике учения Толстого», данной Плехановым, молчаливо признает, что учение Толстого является каким-то логическим выводом из первоначальных идеалистических философских позиций. Между тем у Толстого нет единого и цельного учения. Его учение, взятое в целом, представляет собой весьма причудливый сплав «разума» и «предрассудка», верного и неверного, прогрессивного и реакционного, трезвого реалистического взгляда на вещи и юродивых рассуждений о «разумном сознании» и «животной личности».

По-настоящему разобраться в учении, взглядах и творчестве Толстого можно только по Ленину: рассматривая учение Толстого как отражение определенного отрезка русской истории со всеми его глубокими противоречиями, из чего и вытекает, что главное в Толстом—это его бурный протест против «цивилизованного рабства», против всех «Чингис-Ханов с телеграфами», его глубокие и верные мысли о «безумии» капиталистического мира, его, пользуясь словами Ленина, «срывание всех и всяческих масок», а не его юродивая проповедь «непротивления злу насилем» и философские рассуждения о «логосе» и «бесконечности».

Нужно сказать, что Б. Мейлах и М. Розенталь именно с ленинских позиций освещают взгляды Толстого и его место в истории русской общественной мысли. Как писал Б. Мейлах, значение Толстого «состоит прежде всего в отражении настроений крестьянской демократии, а не в религиозной, нравственной проповеди. Именно демократическое содержание взглядов и творчества Толстого должно быть в центре внимания историков литературы, а не открытые Толстым новые рецепты спасения человечества...»².

«Проникнуть в сущность учения и творчества Толстого, объяснить Толстого в его целом, найти фактор, эпре-

---

¹ Г. В. Плеханов, «Искусство и литература», М., 1948 г., Вступительная статья М. Розенталя.

² Б. Мейлах, «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX—начала XX вв.», издание второе, 1951 г., стр. 363

деливший и слабые и сильные стороны его взглядов, т. е. создать концепцию, основанную не на сводках тех или иных суждений Толстого, а на всем сложном многообразии его идей, — такую задачу не смог взять на себя ни один критик или историк литературы.

Эту задачу поставил перед собой Ленин, и его диалектический анализ идеологии Толстого указал новые пути в науке о литературе»¹.

Вместе с тем, и М. Розенгаль, и Б. Мейлах стараются сблизить ленинскую и плехановскую оценки Толстого, а их (эти оценки) надо, на наш взгляд, противопоставлять.

Обратите внимание, к каким выводам приходит Плеханов, исходя из своей «философской критики Толстого» (как раз в тех статьях, в которых, по словам Б. Мейлаха, Плеханов дает «глубокий анализ философских корней учения Толстого и свойственного этому учению анимистического взгляда на отношение «конечного» и «бесконечного»):

«Но физические страдания и лишения людей очень мало занимали Толстого, интересовавшегося исключительно их нравственностью».

«Нравственная проповедь гр. Л. Толстого вела к тому, что — поскольку он занимался ею — он, сам того не желая и не замечая, переходил на сторону угнетателей народа».

«И все-таки страдающие крестьяне занимали его несравненно меньше, нежели те, которые заставляли их страдать, т. е. люди его собственного сословия, дворяне».

«Проповедник, поставивший себе целью нравственное возрождение людей, испорченных своей ролью эксплуататоров, и не видящий в своем поле зрения никого, кроме таких людей (разр. наша—**Авт.**), не может не сделаться индивидуалистом».

«Нравственно-религиозная проповедь Толстого является... лишь переводом на мистический язык «реалистической» политики г. Милюкова».

Толстой, когда христианин победил в нем язычника, «окончательно решил, что критерий добра и зла надо искать не на земле, а на небе».

«Кто противопоставляет «дух» «телу», «вечное» «временному», для того самые жгучие вопросы общественной жизни:

---

¹ Б. Мейлах, «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX—начала XX вв.», издание второе, 1951 г., стр. 315—316.

имеют интерес лишь постольку, поскольку они касаются его религиозного верования»¹.

Не ясно ли, что Плеханов в своих статьях о Толстом опирался, как правильно отметил журнал «Большевик», не на принципы исторического материализма², что его концепция, его оценка Толстого противостоит ленинской.

Что же касается того, что Ленин и Плеханов одно время «сошлись» на почве общей борьбы против всяких попыток идеализации учения Толстого, на что указывает в своей работе Б. Мейлах, то совершенно очевидно, что в данном случае был временный блок, при котором, как писал Ленин в статье «Герои «оговорочки», «Ни от чего не отрекаясь, ничего не забывая, никаких общаний об исчезновении разногласий не делая, мы общее дело делаем вместе»³.

Это «общее дело» в отношении борьбы с «толстовщиной» заключалось в следующем.

В ликвидаторской «Нашей Заре» (№ 10, 1910 г.) была напечатана статья В. Базарова: «Толстой и русская интеллигенция». В. Базаров объявил Толстого «учителем жизни», поднял на щит слабые и реакционные стороны его учения, заявил, что «наша интеллигенция ...единодушно признала Толстого — всего Толстого — своей совестью».

Ленин был возмущен этой статьей (как и аналогичными выступлениями «Нашей Зари») и тут же ответил на нее статьей «Герои «оговорочки» в большевистском журнале «Мысль». Ленин писал: «Что касается до нас, то мы затрудняемся указать такие положения этой статьи (В. Базарова — **Авт.**), которыми мог бы не возмутиться человек, хоть капельку дорожащий марксизмом»⁴. Немногим позже Ленин писал М. Горькому по поводу выступления «Нашей Зари»: «Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать. Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым и мы тут сошлись. Он ругает за это «Нашу Зарю» в Ц. О..., я в «Мысли»... Толстому ни «пассивиз-

---

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIV, стр. 223, 224, 225, 226, 233, 247, 248.

² См. «Большевик», № 3, 1949 г., стр. 70.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 343.

⁴ Там же, стр. 338.

ма», ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя»¹.

И в той мере, в какой Плеханов выступал против опошления Толстого, Ленин его поддерживал. Это, однако, не дает основания говорить о каком-то сближении позиций Ленина и Плеханова в оценке Толстого.

Ленин учит: «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в о п р е д е л е н н ы е исторические рамки...»².

Плеханов подошел к анализу творчества Толстого абстрактно-логически и, следовательно, не выполнил в данном случае «безусловного требования марксистской теории» — конкретно-исторического анализа любого социального вопроса. Только ленинские работы дали верную характеристику взглядов Толстого и определили его место в истории русской и мировой общественной мысли³.

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 34, стр. 383—384.

² Там же, т. 20, стр. 373.

³ Когда наша работа была сдана в печать, вышел в свет третий номер журнала «Русская литература». В журнале помещена статья В. Мейлаха: «Лев Толстой в годы первой русской революции». В этой статье В. Мейлах пишет о противоположности взглядов Ленина и Плеханова в оценке Толстого (см. «Русская литература», Ленинград, 1959 г., № 3, стр. 52).

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

К какому типу мыслителей принадлежал Толстой?

Кто он: религиозный реформатор? моралист?

В литературе о Толстом немало работ, в которых великий писатель изображается как «создатель новой религии», «философ анархизма», «апостол высшей морали» и т. д.

Нам представляется, что из ленинской сценки Толстого вытекает важнейший вывод: Толстой был прежде всего и главным образом общественно-политический мыслитель. Он не был ни религиозным мыслителем, ни моралистом.

И дело, разумеется, не в том, что уже в ранних дневниках Толстого мы находим записи об «Общественном договоре» Руссо, о «Политике» Аристотеля, о «Наказе» Екатерины II, а в том, что на протяжении всей своей долгой жизни и особенно после «перелома»—в письмах, дневниках, записных книжках, публицистических работах, художественных произведениях—его занимала одна центральная проблема: как сделать жизнь людей радостной, как добиться справедливого общественного устройства?

Еще в детстве он мечтал о том, чтобы найти «зеленую палочку», на которой написана тайна: «как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не

сердились, а были бы постоянно счастливы. «И как я тогда верил,—записывает Толстой в своих «Воспоминаниях» (1903—1906 гг.),—что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина, и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает»¹.

А в конце своей жизни во втором варианте своей незаконченной повести «Нет в мире виноватых» он со свойственной ему силой чувства писал: «Какая странная, удивительная моя судьба. Едва ли есть какой бы то ни было забитый, страдающий от насилия и роскоши богачей бедняк, который бы в той доле чувствовал, как я чувствую теперь (разр. наша—Авт.), всю эту несправедливость, жестокость, весь ужас того насилия и издевательства богатых над бедными и всей подавленности, униженности—бедственности положения всего огромного большинства людей, настоящего трудящегося и делающего жизнь рабочего народа. Чувствовал я это давно, и чувство это с годами росло и росло и дошло в последнее время до высшей степени»².

С первого взгляда может показаться странным заявление о том, что Толстой вовсе не являлся религиозным мыслителем. Ведь Толстой написал немало страниц в защиту религии. Да и помним мы известные слова Ленина о толстовской религии, о его (Толстого) «проповеди одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете». Тем не менее, нельзя говорить о Толстом как о религиозном мыслителе или «религиозном реформаторе». Религия Толстого («толстовский бог», по словам Ленина)—категория особого порядка.

В самом деле, что такое религиозный мыслитель? Каковы его характерные черты?

Прежде всего, всякий религиозный мыслитель — человек верующий. Он исходит из реальности бога, хотя этот бог и недоступен нашему разуму. Вот что, например, писал один из «отцов церкви» — Тертуллиан:

«Тот, кому мы поклоняемся, есть единый бог, который своими словами, премудростью и всемогуществом извлек из ничтожества мир со стихиями, сотворил тела и духов для умноже-

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 34, 1952 г., стр. 387.

² Там же, т. 38, 1936 г., стр. 245.

ния своего величия. Бог невидим, хотя и является повсеместно; не осязаем, хотя благодатью своей и начертал в нас образ свой; непостижим, хотя человеческий разум и познает его. Это самое и доказывает его существование и величие... Ничто не вселяет такой величественной идеи о боге, как невозможность постигать его: бесконечное его совершенство вместе и открывает его людям и скрывает от них»¹. Одним словом, как утверждал Тертуллиан, «верю, потому что нелепо».

Толстой же со своим трезвым умом ни в какого «творящего бога» не верил. Больше того,—и это самое важное,—он был совершенно равнодушен ко всей, так называемой, религиозной проблематике.

Вот почему Д. С. Мережковский, мракобес, мистик, религиозный по натуре своей человек, и укорял Толстого в нерелигиозности. Он писал: «Сравнительно с тем, что в этом отношении (религиозном созерцании обеих бездн: веры и неверия — **Авт.**) испытал создатель «Братьев Карамазовых», все религиозные боренья и муки Л. Толстого—просто игра... В эти мистические и метафизические бездны христианства Л. Толстой, как религиозный мыслитель, никогда не заглядывал, хотя бы уже потому, что для него они были «неинтересны», всегда шел он в сознании своем мимо них, прочь от них, по большим дорогам, по безопасной позитивной плоскости»².

Богослов А. Ф. Гусев имел основание негодовать по поводу того, что Толстой называет свое учение религией. А. Ф. Гусев писал: «...доктрина гр. Толстого безусловно противоречит истинно христианскому учению... Не подлежит ни малейшему сомнению, что гр. Толстой, как мы и замечаем, отнюдь не признает божества существом личным, стдельным от мира»³. И еще: «Ведь одно из самых основных ее (доктрины Толстого—**Авт.**) положений составляет мнение, что жизнь человеческая являлась бы осмысленной только в том случае, когда благо или счастье, к которому стремятся люди, вполне достигалось бы ими в их наличной жизни»⁴.

¹ Творения Тертуллиана, перев. Е. Карнеева, СПб. 1847 г., ч. I, стр. 41—42

² Д. С. Мережковский, Полное собрание сочинений, Москва, 1914 г., т. XII, стр. 10

³ Проф. А. Ф. Гусев, О сущности религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстого, Казань, 1902 г., стр. 44.

⁴ Там же.

Именно так. Толстой полагал, что жизнь человеческую только тогда можно считать осмысленной, если добиться благоустроенной жизни для всех людей, для широких народных масс—благоустроенной и радостной жизни здесь, на земле, а не где-то в «потустороннем мире». А это отнюдь не психология религиозного мыслителя.

По свидетельству сына Толстого — Ильи Львовича, Толстой всегда резко спорил с истинно религиозным Владимиром Соловьевым.

То же свидетельствует и В. Ф. Лазурский (живший несколько лет в семье Толстого в качестве учителя). В своем дневнике (1894—1900 г.г.) он записывает: «Лев Николаевич не любит В. Соловьева... По мнению Льва Николаевича, Соловьев такой же православный, верит в откровение, но старается оправдать все это философскими теориями»¹.

Владимир Соловьев писал Л. Н. Толстому: «Все наше разпогласие может быть сосредоточено на одном конкретном пункте—воскрешении Христа»². Соловьев, разумеется, лукавил. Он не мог не знать (по своим «горячим спорам» с Толстым), что у них расхождения коренные: Л. Н. Толстой был принципиально против всякой мистики, против религиозного суеверия. В своем «Ответе на определение Синода» он писал: «И я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее весь смысл христианского учения»³.

Конечно, у Толстого была своя религия, свой «боженька», в чем и заключалась реакционная сторона его мировоззрения. Но его религия должна быть рассматриваема не в плане богословских (а также—деистических или пантеистических) исканий, которых у Толстого не было, не в плане ответов на волнующие религиозные вопросы, которых у него не было, а в плане поисков правильного ответа на общественно-политические вопросы — единственные вопросы, которые его по-настоящему занимали и волновали.

Религия Толстого, сердцевиной которой является его юродивая проповедь «непротивления злу насиллием», представляла собой идеологическое отражение того факта, что

¹ «Литературное наследство», № 37/38, Москва, 1939 г., стр. 502.

² Письма Владимира Сергеевича Соловьева, под ред. Э. Радлова, СПб, 1911 г., т. III, стр. 38.

³ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 34, 1952 г., стр. 247.

сильный и страстный протест против эксплуатации и классового гнета сделан Толстым с точки зрения патриархальных крестьян с их наивностью, отчуждением от политики, неумением разбираться в существе происходящих событий.

Вот почему Толстой, так безбоязненно, так открыто, так беспощадно резко поставивший самые большие, самые жгучие вопросы современного ему общества, самые острые вопросы демократии и социализма, обнаруживал полную беспомощность в понимании закономерностей общественных явлений, в понимании причин, порождающих неравенство между людьми, угнетение человека человеком, рабство во всех его формах. Вот почему его свежая, искренняя, прочитанная большим чувством критика эксплуататорского общества дана с неверных, идеалистических позиций, облачена в «религиозную» форму.

Толстой рассуждал так:

Жизнь—благо. Жизнь, сама по себе,—огромное, бесконечное счастье. А счастье располагает к добру, согласию и миру между людьми.

Почему же в эксплуататорском обществе царят несправедливость, насилие, угнетение человека человеком?

Почему в эксплуататорском обществе так много горя, так много страданий, причиняемых самими людьми?

Надо особенно подчеркнуть, что Толстой всю свою жизнь упорно и настойчиво задавал себе этот, исключительный по своей наивности, вопрос: мир так хорош, такой светлый, солнечный, жизнь—такое огромное наслаждение, почему же люди не радуются этой красоте мира, располагающей к взаимному согласию и любви, а «выдумывают» частную собственность, деньги, неравенство, эксплуатацию, органы насилия, войны, колонии, чтобы мучить друг друга и властвовать друг над другом?

С этого вопроса и начинается программный для Толстого во всех отношениях роман «Воскресенье».

«Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц,—весна была весной даже и в городе. Солнце грело, трава, оживая, росла и зеленела везде, где только не соскребли ее, не только на га-

зонах бульваров, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкие и пахучие листья, липы надували лопавшиеся почки; галки, воробьи и голуби повесенному радостно готовили уже гнезда, и мухи жужжали у стен, пригретые солнцем. Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди—большие, взрослые люди—не переставали обманывать и мучить себя и друг друга. Люди считали, что священо и важно не это весеннее утро, не эта красота мира божия, данная для блага всех существ.— красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священо и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом»¹.

Толстой не понимал, что люди не «выдумывают» общественной жизни, что общественная жизнь подчинена определенным закономерностям, объективным законам развития человеческого общества.

И в борьбе с «общественным злом» — нищетой многомиллионных масс, с эксплуатацией, с мерзостью классового гнета, с господством паразитического меньшинства, с захватническими, грабительскими войнами, со всеми зверствами капитализма — нужно, как учит марксизм-ленинизм, опираться на закономерности общественного развития. Толстой же апеллировал к «духу», «христианскому учению» и т. д. и предлагал для избавления человечества от зла и несправедливости «непротивление злу», «нравственное самоусовершенствование», т. е. средства утопические и реакционные, демобилизующие массы, растлевающие сознание. Его устами говорила та многомиллионная крестьянская масса, которая с лютой ненавистью относилась к помещикам и капиталистам, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними.

Величайшей трагедией Толстого было то, что, будучи по природе страстным обличителем, критиком всякого насилия, борцом за справедливый общественный строй, он не сумел найти путей избавления от общественного зла. Устами Сарынцева Толстой в своей автобиографической пьесе «И свег во тьме светит» в ответ на вопрос Бориса (идущего по пуги Сарынцева—Толстого) «Но что же делать? отвечает: «Не участвовать в этом зле, не владеть землей, не есть их (крестьян) трудов. А как это устроить, я не знаю» (разр. наша.—**Авт.**).

¹ Л. Н. Толстой, Собрание сочинений в двенадцати томах, ГИХЛ, 1959 г., т. II, стр. 7.

Не зная выхода, Толстой и пришел к своему «крику отчаяния» — к учению о «непротивлении злу насилем». Вот откуда последняя запись в «Дневнике» (3 ноября 1910 г.), от которой веет таким отчаянием, такой душевной трагедией: «Делай, что должно...» (Не закончена любимая им французская поговорка: «Делай, что должно, и пусть будет, что будет»)¹.

Таким образом, «религию» Толстого — а вся она целиком сводится к «закону любви», «непротивлению злу» — надо рассматривать только в плане вопроса: «Что делать?». Что надо делать для того, чтобы все люди жили счастливой, радостной жизнью?

А то, что Толстой на этот жгучий, «проклятый» вопрос ответил «христианством», «учением о «непротивлении злу», это, как гениально показал Ленин, объясняется тем, что Толстой страдал не только протест миллионов крестьян, но и их отчаяние.

Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабыми и сильными сторонами отразилось во взглядах Толстого. Этим и объясняется религиозное облачение его учения.

С. Шаумян в своей статье «Кое-что о религии Л. Н. Толстого» отметил, что Толстой в глубине души не был верующим человеком, что его религия носит и а д у м а н н ы й характер. «Мы полагаем, — писал С. Шаумян, — что не согрешим против истины и не оскорбим памяти Толстого, если скажем: да, в своем живом воображении, в своей любви к людям, в своей беспредельной доброте Толстой надумал свою религию и сам радовался ей и морочил ею нас...»².

Что религия Толстого очень далека от того, что обычно понимается под религией, что вся она сводится к общественно-политическим проблемам, конкретно: к учению о «непротивлении злу» — к учению о том, как посредством «непротивления» коренным образом перестроить человеческое общество, — в этом легко убедиться, вчитываясь в специальные религиозные работы Толстого.

Вся критика официальной церкви и догматического богословия, предпринятая Толстым в одном из его первых религиозных сочинений («Исследование догматического богосло-

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 58, 1934 г., стр. 126.

² С. Шаумян, Литературно-критические статьи, Москва, 1955 г., стр. 32.

вия»), имела своей задачей доказать, что в церковном учении мы имеем «сознательную ложь» людей, избравших веру средством для достижения каких-то своих целей (разр. наша — **Авт.**)»¹.

Его трактат «В чем моя вера?», написанный в 1884 году, вслед за «Исследованием догматического богословия», целиком посвящен обоснованию учения о «непротивлении злу насилием».

Причем, — еще раз подчеркиваем, — это учение («о непротивлении») Толстой рассматривает как учение, которое должно помочь людям избавиться от общественного зла, избавиться от мучительной жизни, «с ее устройством тюрем одиночного заключения, альказаров, журналов, борделей и парламентов...»². Это учение должно быть «основой жизни людей вместе и должно избавить человечество от зла, наносимого им самому себе»³. Толстой полагал — и в этом, разумеется, было его глубокое заблуждение, — что есть только один путь исправления испорченной веками насилия и гнета человеческой природы — путь «всеобщей любви»: делать добро за зло всем без всякого различия. Он обращается к противникам «непротивления»: «...вы думаете, что ваши законы насилия исправляют зло: они только увеличивают его. Вы тысячи лет пытались уничтожить зло злом и не уничтожили его, а увеличили его»⁴. Ибо, писал он, как огонь не тушит огня, так зло не может потушить зло.

Опровергнуть Толстого, доказать порочность, внутреннюю фальшь и «ребяческую беспомощность» толстовского учения о «непротивлении злу насилием» не составляет особого труда. Марксизм-ленинизм с исключительной глубиной показал творческую роль революционного насилия. Нам же в данном случае важно показать, что свою «религию», свое учение о «непротивлении злу насилием» Толстой рассматривал как ответ на общественно-политический, а отнюдь не религиозный вопрос: как лучше устроить совместную (т. е. общественную) жизнь людей?

---

1 Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 23, 1957 г., стр. 61.

2 Там же, стр. 330.

3 Там же, стр. 328.

4 Там же, стр. 329.

Именно в рассматриваемом нами религиозном трактате Толстого «В чем моя вера?» читаем мы следующие взволнованные строки:

«Пройдите по большой толпе людей, особенно городских, и взгляните в эти истомленные, тревожные, больные лица и потом вспомните свою жизнь и жизнь людей, подробности которой вам довелось узнать; вспомните все те насильственные смерти, все те самоубийства, о которых вам довелось слышать, и спросите: во имя чего все эти страдания, смерти и отчаяния, приводящие к самоубийствам?..

На днях, в осеннее дождливое воскресенье, я проехал по конке через базар Сухаревой башни. На протяжении полуверсты карета раздвигала сплошную толпу людей, тотчас же сдвигавшуюся сзади. С утра до вечера эти тысячи людей, из которых большинство голодные и оборванные, толкутся здесь в грязи, ругая и обманывая, и ненавидя друг друга. То же происходит на всех базарах Москвы. Вечер люди эти проведут в кабаках и трактирах. Ночь—в своих углах и конурах. Воскресенье—это лучший день их недели. С понедельника в своих зараженных конурах они опять возьмутся за постылую работу.

Вдумайтесь в жизнь этих людей, в то положение, которое они оставили, чтобы избрать то, в которое они сами себя поставили, и вдумайтесь в тот неустанный труд, который вольно несут эти люди—мужчины и женщины,—и вы увидите, что это—истинные мученики.

Все эти люди побросали дома, поля, отцов, братьев, часто жен и детей,—отреклись от всего, даже от самой жизни, и пришли в город для того, чтобы приобрести то, что по учению мира считается для каждого из них необходимым. И все они, не говоря уже о тех десятках тысяч несчастных людей, потерявших все и перебивающихся требухой и водкой в ночлежных домах,—все, начиная от фабричного, извозчика, швеи, проститутки до богача-купца и министра и их жен, все несут самую тяжелую, неестественную жизнь и не приобрели того, что считается для них нужным по учению мира»¹.

Конечно, в этом рассуждении много «толстовства»: и непонимание законов общественного развития, и незнание причин, порождающих страдания людей, и неправильная характеристика этих страданий, и т. д. Но нам важно показать, что волновало его в годы «перелома», в те годы, когда он так усерд-

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 23, 1957 г., стр. 417.

но обращался к христианскому учению; важно показать, что он искал в этом учении, на какие вопросы он искал ответа. Как видно, его волновали вопросы общественные, а в христианском учении, в учении о «непротавлении злу насиллем» он нашел рецепт спасения человечества. в чем было его глубокое и сугубо вредное заблуждение. Он так и писал: «Напрасно говорят, что учение христианское касается личного спасения, а не касается вопросов общих, государственных. Это только смелое и голословное утверждение самой очевидной неправды, которая разрушается при первой серьезной мысли об этом»¹.

В этом религиозном трактате Толстой развивает один из важнейших своих тезисов, к которому он потом часто возвращается: несомненным условием счастья и радости людей является любимый и свободный труд (физический и умственный). Причем: «Я верю теперь в то, что благо мое и людей возможно только тогда, когда каждый будет трудиться не для себя, а для других, и не только не будет отстаивать от другого свой труд, но будет отдавать его каждому, кому он нужен»².

Именно в этом трактате записаны его слова, имеющие особое злободневное значение в наши дни: «Мир между людьми есть высшее доступное на земле благо людей». «Вспоминая свое воспитание, я вижу теперь, что чувства вражды к другим народам, чувства отделения себя от них никогда не было во мне, что все эти злые чувства были искусственно привиты мне безумным воспитанием»³.

Чрезвычайно характерен отзыв Московского духовного цензурного комитета на книгу «В чем моя вера?». Ознакомившись с корректурными оттисками этой книги, он писал: «Все самые вредные направления мысли, как-то: социализм, коммунизм (разр. наша—Авт.) и проч., по мнению Толстого, суть части учения Христова, проносимые церковью»⁴.

Сам Толстой в одном из вариантов своей книги писал о социалистах и коммунистах буквально следующее: «Отыскиванием истины математической, научной считается похвальным

---

1 Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 23, 1957 г., стр. 317.

2 Там же, стр. 459.

3 Там же, стр. 370; стр. 460.

4 Там же, стр. 551.

заниматься. Разрешением разных восточных римских вопросов можно заниматься. Можно заниматься писанием опер, комедий, историй, можно заниматься геральдикой—чем хотите, все это допускается, но истиной жизни нашей человеческой не позволено заниматься. Это считается глупым, смешным или непозволительным. Единственные люди—социалисты и коммунисты,—которые пытаются заниматься этим, считаются врагами и религии, и государства, и человечества, и всего святого¹.

Книга Толстого была напечатана в типографии И. Кушнерева, но затем запрещена цензурой. (Ник. Смирнов-Сокольский в своих «Рассказах о книгах» сообщил недавно, что один экземпляр этого, ставшего библиографической редкостью, издания находится в его библиотеке)².

В 1885 году С. А. Толстая обратилась к К. П. Победоносцеву с ходатайством о разрешении на включение этой книги в издаваемое собрание сочинений Толстого. К. П. Победоносцев ответил (письмо к С. А. Толстой от 16 декабря 1885 г.), что «нет никакой надежды» на то, чтобы «В чем моя вера?» была пропущена Синодом, ибо эта книга произвела бы «вредное действие на умы», подобное действию «первых проповедников революции»³.

Возьмем другой трактат Толстого с сугубо религиозным названием «Царство божие внутри нас». Внешне, по названию своему, он походит на богословское исследование. Он напоминает своим названием «Град божий» Августина. А на деле? На деле это чисто публицистическое произведение, целью которого является разоблачение буржуазного государства, его институтов, его механизма, разоблачение военщины, милитаризма и т. д. Толстой доказывает, что государство в эксплуататорском обществе всегда было органом подавления угнетенных классов, так было «при Нероне и Чингис-хане и так это и теперь при самом либеральном правлении в Америке и Французской республике». Правда, критика буржуазного государства, как всей буржуазной культуры с ее «крупповскими пушками, бездымным порохом, колонизацией Африки, управлением Ирландией, журналистикой и Эйфелевой башней», дана с ошибочных идеалистических позиций, с позиций «непротивле-

---

1 Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 23, 1957 г., стр. 512.

2 Ник. Смирнов-Сокольский, Рассказы о книгах. Москва, 1959 г., стр. 30

3 Н. Н. Гусев, Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, Москва, 1958 г., стр. 623

ния злу насилем» Но в данном случае нам важно подчеркнуть, что вся проблематика этой книги отнюдь не религиозная. Вот что мы читаем в этом «религиозном» трактате.

«Каковы бы ни были образ мыслей и степень образования человека нашего времени будь он образованный либерал какого бы то ни было оттенка будь он философ какого бы то ни было толка, будь он научный человек, экономист какой бы то ни было школы, будь он образованный, даже религиозный человек какого бы то ни было исповедания,—всякий человек нашего времени знает, что люди все имеют одинаковые права на жизнь и блага мира, что одни люди не лучше и не хуже других, что все люди равны. Всякий знает это несомненно твердо всем существом своим и вместе с тем не только видит вокруг себя деление всех людей на две касты: одну трудящуюся, угнетенную, нуждающуюся и страдающую, а другую — праздную, угнетающую и роскошествующую и веселящуюся,— не только видит, но волей-неволей с той или другой стороны принимает участие в этом отвергаемом его сознанием разделении людей и не может не страдать от сознания такого противоречия и участия в нем.

Будет ли он господином или рабом, человек нашего времени не может не испытывать настоящего мучительного противоречия сознания с действительностью и вытекающих из него страданий.

Рабочая масса, большее большинство людей, страдая от постоянного, поглощающего всю их жизнь, бессмысленного, беспросветного труда и лишений, страдает больше всего от сознания вопиющего противоречия того, что есть, с тем, что должно бы быть по всему тому, что исповедуется ими самими и теми, которые поставили их в это положение и удерживают в нем.

Они знают, что они в рабстве и гибнут в нужде для того, чтобы служить похотям меньшинства, державшего их в рабстве. Они знают и высказывают это. И это сознание не только увеличивает, но составляет сущность их страдания.

Древний раб знал, что он раб от природы, а наш рабочий, чувствуя себя рабом, знает, что ему не надо быть рабом, и поэтому испытывает мучения Тантала, вечно желая и не получая того, что не только могло, но и должно бы быть...»¹.

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 28. 1957 г., стр. 91—92.

Было бы нелепо требовать от Толстого ясного научного, т. е. марксистского, понимания сущности классов и классовой борьбы. Но нельзя не заметить, что Толстой ставит в этой работе вопрос о «безумии» людей не абстрактно, а весьма конкретно: «безумие» это выражается в том, что общество расколото на «две касты», на эксплуататоров и эксплуатируемых, на угнетателей и угнетенных. И еще одно: нельзя не заметить, что хотя он и пишет о страданиях—и тех, и других — и господ, и рабов, но по-настоящему Толстой болеет душой за «нуждающуюся и страдающую массу», за угнетенный трудовой народ. Причем Толстой тонко отмечает, что трудящиеся страдают не только оттого, что их эксплуатируют, угнетают, но и оттого, что они сознают всю несправедливость эксплуататорского общественного и государственного строя. На своем («толстовском») языке он это выразил так: «Рабочий нашего времени, если бы даже работа его и была много легче работы древнего раба, если бы он даже добился восьмичасового дня и платы трех долларов за день, не перестает страдать, потому что, работая вещи, которыми он не будет пользоваться, работая не для себя по своей охоте, а по нужде, для прихоти вообще роскошествующих и праздных людей и, в частности, для наживы одного богача, владельца фабрики или завода, он знает, что все это происходит в мире, в котором признается не только научное положение о том, что только работа есть богатство, что пользование чужими трудами есть несправедливость, незаконность, казнямая законами, но в мире, в котором исповедуется учение Христа, по которому мы все братья и достоинство и заслуга человека только в служении ближнему, а не в пользовании им»¹.

И Толстой явно на стороне рабочих, на стороне эксплуатируемых. Он, правда, пишет о страданиях «людей высших, угнетающих классов»: они страдают от угрызения совести, от страха, от ненависти. Но эти страдания он расценивает с позиции трудящихся, с позиции «рабов», несправедливо угнетаемых. «Нечуткие и заглушающие совесть люди высших угнетающих классов,—пишет он,—если не страдают совестью, страдают страхом и ненавистью. И им нельзя не страдать. Они знают про ту ненависть против них, которая живет и не может не жить в рабочих классах (разр. наша—**Авт.**), знают, что рабочие знают, что они сбмануты и изнаси-

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 28, 1957 г., стр. 92.

лованы, и начинают организовываться, чтобы скинуть с себя угнетение и отплатить угнетателям. Высшие классы видят союзы, стачки, 1-е Мая и чувят ту беду, которая угрожает им, и страх, который они испытывают, переходит в чувство самозащиты и в ненависть. Они знают, что если на минуту ослабнут в борьбе с угнетаемыми ими рабами, то сами погибнут, потому что рабы озлоблены, и озлобление это растет с каждым днем угнетения. Угнетающие, если бы они и желали этого, не могут перестать угнетать. Они знают, что сами погибнут, как скоро не только перестанут, но ослабеют в угнетении. Они и делают это, несмотря на мнимые заботы о благоденствии рабочего, о 8-часовом дне, о запрещении работ малолетним и женщинам, о пенсиях и вознаграждениях. Все это обман (разр. наша—Авт.) или забота о том, чтобы раб был не в силах работать; но раб остается рабом, и господин, не могущий жить без раба, меньше чем когда-нибудь готов освободить его»¹.

В этом «религиозном» трактате Толстой много страниц уделяет разоблачению поджигателей войны, милитаризма. Он приводит предостерегающие слова профессора международного права Камаровского о том, что постоянная гонка вооружений приводит к такому положению, при котором ничтожнейший повод будет достаточен для того, чтобы во всей Европе загорелся огонь всеобщей войны, а опыт войн последних лет учит нас, что каждая война только обостряла враждебность народов, увеличивала тяжесть и невыносимость давления милитаризма и делала политико-экономическое положение Европы только еще печальнее и запутаннее.

Толстой с ненавистью ко всем милитаристам приводит поддержку из речи кайзера Вильгельма II, произнесенной им в 1891 году перед солдатами. В этой речи Вильгельм говорит: «Вы присягнули мне на верность, это, дети моей гвардии, значит, что вы теперь мои солдаты, что предали себя мне душой и телом. Для вас существует теперь один враг, а именно тот, кто мой враг. При теперешних социалистических происках может случиться, что я прикажу вам стрелять в ваших собственных родственников, братьев, даже родителей... и тогда вы обязаны беспрекословно исполнять мои приказы». Толстой пишет:

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 28, 1957 г., стр. 94—95.

«Жалкий, ошалевший от власти, больной человек этот своими словами оскорбляет все, что может быть святого для человека нашего времени, и люди—христиане, либералы, образованные люди нашего времени, все, не только не возмущаются на это оскорбление, но даже не замечают его»¹.

И все это писано кровью сердца: «Достаточно сознать это для того, чтобы сойти с ума или застрелиться».

Полагаем, что вышеприведенные выдержки из «Царства божия» (а это только небольшая часть из того, что можно было привести) показывают, что этот трактат ничего общего с религией—в прямом и непосредственном смысле этого слова—не имеет.

Посмотрим теперь, что пишет Толстой в специальной работе, посвященной вопросу о сущности религии.

В статье «Что такое религия и в чем сущность ее?» (1901—1902 гг.) он дает следующее определение религии:

«Истинная религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками». Это же определение он приводит в своем «Круге чтения»².

Нет ни одного подлинно религиозного учения без веры в бога. А Толстой пишет: «Люди могут устами повторять известные слова, но не могут верить в то, что не имеет смысла. Можно устами сказать: я верю в то, что мир сотворен 6000 лет тому назад, или сказать: я верю, что Христос улетел на небо и сел одесную отца; или то, что Бог один и вместе с тем три; но верить во все это никто не может, потому что слова эти не представляют никакого смысла»³.

Таким образом, с точки зрения Толстого «истинная религия» имеет весьма прозаическую практическую задачу: научить людей, как себя вести, как надо жить, как устроить свою жизнь на земле в «согласии с разумом и знаниями человека». Одним словом, религия отвечает на вопрос общественно-политический: «Что делать?», что надо делать для того, чтобы все люди жили свободной, радостной жизнью?

---

1 Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений. т. 28, 1957 г., стр. 163.

2 Там же, т. 41, 1957 г., стр. 14.

3 Там же, т. 35, 1957 г., стр. 170.

Когда Толстой в вышеприведенном определении религии говорит об «отношении к бесконечному», то опять-таки он делает упор на практический вывод, который из этого вытекает: полное, абсолютное равенство людей. «...Всякое религиозное учение,—пишет он,— в своем истинном смысле, как бы грубо оно ни было,—всегда устанавливает отношение человека к бесконечному, одинаковое для всех людей... Так что признание равенства людей есть неизбежное, основное свойство всякой религии (разр. наша—**Авт.**)»¹.

С возмущением и болью душевной пишет он и в этой работе об угнетении человека человеком, о насилии, чинимом одними людьми над другими. «Христианские народы завоевали и покорили американских индейцев, индусов, африканцев, теперь завоевывают и покоряют китайцев и гордятся этим. Но ведь эти завоевания и покорения происходят не оттого, что христианские народы духовно выше покоряемых народов, а, напротив, оттого, что они духовно несравненно ниже их»².

В. Ф. Асмус в своей статье «Религиозно-философские трактаты Л. Н. Толстого» (опубликованной в качестве предисловия к 23-му тому Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого) правильно и тонко отметил, что хотя сам Толстой подал повод к тому, чтобы его учение было понято и обсуждалось прежде всего как учение религиозное, тем не менее все религиозные высказывания Толстого были скорее образами или метафорами для выражения его мыслей — тех мыслей, которые по-настоящему его волновали. Религия для Толстого — не столько вера, сколько протест, протест против несправедливости порядков эксплуататорского общества, против его лжскультуры. «В атеизме, в безверии, в религиозном безразличии современного общества,—пишет В. Ф. Асмус.—Толстой осуждает — как это ни странно может показаться—не столько отсутствие веры в бога или отрицание существования бога, сколько признание существующего порядка, примирение со всем существующим так, как оно существует»³.

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 35, 1950 г., стр. 164.

² Там же, т. 35, 1950 г., стр. 175.

³ Там же, т. 23, 1957 г., Предисловие В. Ф. Асмуса, стр. IX.

Но В. Ф. Асмус неправ, когда он считает центральной проблемой религии Толстого проблему отношения «конечного» к «бесконечному». «В центре толстовского понятия веры,—пишет В. Ф. Асмус,— стояло противоречие между конечным существованием личности и бесконечным существованием мира. Толстой искал такого решения противоречия, при котором смысл конечного и преходящего существования личности не уничтожался бы, не превращался в бессмыслицу неизбежно предстоящим уничтожением личности, ее погашением в бесконечности мирового целого»¹. Центральной проблемой всего мировоззрения Толстого, а это значит—и его религия, является проблема счастья и радости людей на земле, проблема того, как людям жить друг с другом, как людям устроить свою жизнь в обществе, а не противоречие между «конечным существованием личности и бесконечным существованием мира». В письме к Н. Н. Миклухо-Маклаю Толстой писал: «Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой Вы служите, составят Ваши коллекции и открытия, но Ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу,—в науке о том, как жить людям друг с другом».

Разумеется, Толстой немало думал и об отношении «конечного» к «бесконечному», и о «смысле жизни», и о «тайне смерти», как и обо многом другом. Но ведь важно установить, какая струна в его душе звучала особенно страстно, важно установить, что его больше всего занимало. А занимали его больше всего не философские, не научные и, конечно, не религиозные вопросы, а вопросы социальные, вопросы справедливого общественного строя. Это—главные вопросы и его «религии».

Неправ В. Ф. Асмус также, когда он пишет, что для Толстого «существует только один вопрос познания—это вопрос о том, в чем назначение и благо человека»². Это не так. Для Толстого этим «одним вопросом» был вопрос более жгучий, более сердечный, более конкретный, не такой академический, не такой «философский», а именно: вопрос о том, как сделать так, чтобы жизнь миллионов, жизнь трудящихся—эксплуати-

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 23, 1957 г. Предисловие В. Ф. Асмуса, стр. IX—X.

² В. Ф. Асмус, Мировоззрение Льва Толстого в анализах Ленина, «Ученые записки» Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. Вып. 18, серия философская, стр. 38.

руемых и угнетенных—стала радостной, светлой, солнечной, благоустроенной.

И, конечно, совсем неправ В. Ф. Асмус, когда он в упомянутой статье-предисловии к 23-му тому Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого пишет, что Толстой «верит в бога как в «хозяина», пославшего человека в жизнь в качестве «работника» и сообщившего ему учение нравственности» (стр. VIII). Ни в какого бога Толстой не верил. К Толстому полностью применимо то, что он сказал о Паскале: «...нельзя себе представить гениального, правдивого перед самим собой Паскаля верующим в католичество»¹. Нельзя себе представить Толстого, с его трезвым умом, «срывающим все и всяческие маски», верующим в бога. Безбожником и сугубо земным представлен Толстой в вдохновенном очерке о нем А. М. Горького. Стефан Цвейг справедливо считал образ Толстого, нарисованный Горьким, наиболее «явственным в своей сокровенной истинности»².

В одной из своих ранних публицистических работ, в небольшой статье «О религии» (1865 г.), Толстой писал: «Любопытна бы была книга, которая собрала бы все доказательства существования живого, свободного бога, которые были делаемы со времени существования рода людского. Это была бы книга самая безбожная». И еще: «Нам говорят: религия все объяснила; допустив раз существование бога, вы знаете все: как начался мир? человек? отчего разные языки, отчего радуга? что будет за гробом? и т. д. Это—правда. Все ясно,—добавляет он иронически,—исключая самой религии, которая тем темнее, чем яснее все остальное. Религий много и все они просят веры и снисхождения к неразумному основанию, все остальное представляют ясным»³.

Скажут: это было написано до «Исповеди», до «перелома». Но в том-то и дело, что это умонастроение, этот «трезвый реализм» Толстой не только не растерял после «перелома», но и углубил. Кстати, любопытная деталь: в «Дневнике» (16 октября 1865 г.) он записывает: эта «статейка («О религии»—**Авт.**) по мысли, данной мне Монтенем». А любовь к Монтеню он сохранил до конца жизни.

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 41, 1957 г., стр. 482.

² Стефан Цвейг, Избранные произведения в двух томах, Москва, 1957 г., т. 2, стр. 570.

³ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 7, 1932 г., стр. 125, 127.

Правда, у Толстого не мало рассуждений — и в публицистических работах, и в дневниках, и в письмах — о какой-то высшей силе в мире, «орудием» которой являемся мы, люди на земле; рассуждений о том, что эта неведомая нам сила и есть «хозяин», а мы — «работники», которые должны выполнять ее волю, и т. п. Но все эти рассуждения не должны нас вводить в заблуждение. Все они относятся к области тех образов и метафор, которыми пользовался Толстой для выражения своих сокровенных мыслей и чаяний, ничего общего по-настоящему не имевших с этими туманными «религиозными» рассуждениями. Да и сам Толстой особого значения не придавал этим рассуждениям. Серьезное значение он придавал только тем практическим выводам, которые вытекают из того, что мы должны выполнять волю «хозяина»: жить в мире, никого не угнетать, не жить за счет чужого труда, добиваться счастливой жизни для трудового народа.

Тут мы сталкиваемся с одной очень важной особенностью душевной организации Толстого. Ему, Толстому, так глубоко переживавшему горе людей, горе широких народных масс, их страдания и унижения (к Толстому — по его душевной организации — совершенно неприменим ядовитый афоризм Ларошфуко: «Мы всегда находим в себе достаточно силы, чтобы переносить чужое несчастье»), важно было, чтобы в его проповеди (столь страстной и душевной: «Не могу молчать, и не могу, и не могу...») до сознания людей дошло главное: необходимость коренного изменения строя, всего образа жизни. А все остальное — «конечное» и «бесконечное», «хозяин» и «работник» и т. д. — было той «словесностью», которой он серьезного значения не придавал.

Надо напомнить одно чрезвычайно характерное место в «Войне и мире».

Характеризуя своего любимого героя, Кутузова, Толстой пишет:

«Кутузов никогда не говорил о 40-х веках, которые смотрят с пирамид, о жертвах, которые он приносит отечеству, о том, что он намерен совершить или совершил: он вообще ничего не говорил о себе, не играл никакой роли, казался всегда самым простым и обыкновенным человеком и говорил самые простые и обыкновенные вещи. Он писал письма своим дочерям и мадам Сталь, читал романы, любил общество красивых женщин, шутил с генералами, офицерами и солдатами и никогда не противоречил тем людям, которые хотели ему что-нибудь доказы-

вать. Когда граф Растиопчин на Яузском мосту подскакал к Кутузову с личными упреками о том, кто виноват в гибели Москвы, и сказал: «Как же Вы сбещали не оставлать Москвы. не дав сражения?», Кутузов отвечал: «Я и не оставлю Москвы без сраженья», несмотря на то, что Москва была уже оставлена. Когда присхавший к нему от государя Аракчсев сказал, что надо бы Ермолова назначить начальником артиллерии, Кутузов отвечал: «Да, я и сам только что говорил это», хотя он за минуту до этого говорил совсем другое. Какое дело было ему, одному понимавшему тогда весь громадный смысл события, среди бестолковой толпы, окружавшей его, какое ему дело было до того, к себе или к нему отнесет граф Растиопчин бедствия столицы? Еще менее могло занимать его то, кого назначат начальником артиллерии.

Не только в этих случаях, но беспрестанно этот старый человек, дошедший опытом жизни до убеждения в том, что мысли и слова, служащие им выражением, не суть двигатели людей, говорил слова совершенно бессмысленные — первые, которые ему приходили в голову (разр. наша—Авт.). И дальше:

«Но этот самый человек, так пренебрегавший своими словами, ни разу во всю свою деятельность не сказал ни одного слова, которое было бы несогласно с его единственной целью, к достижению которой он шел все время всей войны. Очевидно, невольно, с тяжелой уверенностью, что не поймут его, он неоднократно в самых разнообразных обстоятельствах (разр. наша—Авт.) высказывал свою мысль»¹.

В этой характеристике Кутузова, несомненно, многое из того, что Толстой мог бы сказать о самом себе. Толстой ни разу во всю свою деятельность не сказал ни одного слова, которое было бы несогласно с его единственной целью: добиться настоящего и полного равенства людей, добиться справедливого общественного устройства, радостной жизни для трудового народа.

Занятый этой целью, этой задачей, поглотившей все его душевные силы, он «с тяжелой уверенностью, что не поймут его, неоднократно, в самых разнообразных обстоятельствах» высказывал свою мысль, не при этом ему часто приходилось

---

¹ Л. Н. Толстой, Собрание сочинений в двенадцати томах. т. 7, 1958 г. стр. 196—197.

говорить «слова», которым он не придавал серьезного значения — «первые, которые ему приходили в голову», ибо «какое ему дело было до того», что интересовало многих из той «бестолковой толпы», которая его окружала: квазиученых,¹ квазиобразованных, продажных журналистов, бессовестных литераторов и просто духовно ограниченных людей.

Вот любопытный документ, иллюстрирующий нашу мысль.

Пишет Толстой длинное письмо Александру III (1881 г.), в котором просит помиловать убийцу его (царя) отца. Толстой пишет: «Я, ничтожный, непризнанный и слабый, плохой человек, пишу письмо Русскому Императору и советую ему, что ему делать в самых сложных, трудных обстоятельствах, которые когда-либо бывали. Я чувствую, как это странно, неприлично, дерзко, и все-таки пишу...».¹

Что это — всерьез? Ой, Толстой, тогда уже признанный всем миром непревзойденный художник слова, он, Толстой, не то что с презрением, а просто с абсолютным равнодушием относившийся к царям, эполетам, лентам, ко всей придворной мишуре, ко всем суетным успехам «в вихре света», он, Толстой, живший такой несказанно богатой внутренней духовной жизнью, — он, оказывается, «ничтожный», «слабый» человек, который «осмеливается» написать письмо «самому» царю, хотя и сознает, что с его стороны это «дерзость» и т. п. Что это, повторяем, — всерьез? Да нет же! Это — те «слова», которым он никакого значения не придавал. Вскоре он русского царя назовет «самым отвратительным существом, бессовестным убийцей».

Что же, спросят, он говорил явную неправду? Нет, конечно. Он и тут был, как всегда, до крайности искренен. Он и тут не сказал ни одного слова, «которое было бы несогласно с его единственной целью», но, поглощенный целиком своей целью, он просто-напросто никакого значения не придавал тем «словам», которые «первые приходили ему в голову».

Это же имело место у Толстого, когда дело касалось религиозных категорий и философских абстракций (разумеется, в гораздо более сложном своем проявлении). Недаром же, написав довольно объемистый философско-религиозный трактат «О жизни», он потом заявляет, что в нем много «папиросочного тумана» и «умственного кокетства».

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 63, 1934 г., стр. 44.

В этой связи интересно отметить следующее: Толстой неоднократно декларирует свою приверженность христианству («истинному» христианству), часто ссылаясь на Евангелие, пишет популярное изложение христианского учения и вместе с тем услаждается для разъяснения и подтверждения своих мыслей, на совершенно паритетных началах и с одинаковым пиететом, не только на учени Конфуция, Будды, Магомета, но и на стойка Марка Аврелия, скептика Монтеня («удивительного Монтеня» — характеристика самого Толстого), вольнодумца Вольтера и воинствующего атеиста Анатоля Франса. Его «Круг чтения»¹, «На каждый день»² и «Путь жизни»³ в этом отношении весьма показательны. В них собраны мысли, высказывания, отдельные поучительные рассказы авторов самой различной общетеоретической и политической ориентации — от Талмуда, Корана и Евангелия до Герцена, Чехова и Мопассана.

До указанных сборников Толстой предпринял издание другого весьма своеобразного сборника: «Избранные мысли Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов и максим Ларошфуко, Вовенарга и Монтескье». Этот сборник вышел в 1908 году в толстовском издательстве «Посредник». В предисловии к сборнику Толстой отмечает особые качества собранных изречений: «непосредственность, искренность, новизну, смелость и как бы стремительность мысли ничем не связанной, и силу выражения».⁴ 5 февраля 1907 года, держа корректуру этой книги, он записывает в «Карманном ежедневнике на 1907 г.»: «Читал Лабрюйера с удовольствием». А ведь все эти изречения, как правило, совсем не касались религиозной проблематики.

Общий вывод:

Толстой вовсе не был религиозным мыслителем. Его занимали, по-настоящему волновали только вопросы социальные. Его особый интерес к христианству был вызван главным образом тем (помимо того, что на нем он был воспитан, его он хорошо знал), что в христианстве, точнее — в христианском учении о «непротивлении злу насилием», он нашел ответ на самый жгучий вопрос: как добиться справедливой, радост-

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, тт. 41, 42, 1957 г.

² Там же, т. 43, 1929 г. и т. 44, 1932 г.

³ Там же, т. 45, 1956 г.

⁴ Там же, т. 40, 1956 г., стр. 218.

ной жизни для трудового народа. В этом и заключалась его религия, в этом и заключался, выражаясь словами Ленина, «толстовский бог». То, что он нашел та кой ответ, наивный, утопический и реакционный, объясняется тем, что он, как показал Ленин, выражал не только протест наивных патриархальных крестьян, но и их отчаяние. Сам Толстой не очень верил в свой ответ. Потому-то он так многословен в доказательстве истины «непротивления». Потому-то он искал подкрепления в христианском учении. Но не только в христианстве, и не только у Франциска Ассизского он искал подкрепления — он его искал и в буддизме, и в магометанстве, и у Монтеня, и у Герцена, и у Мопассана (к сочинениям Мопассана он пишет специальное предисловие). Ему, Толстому, было совершенно безразлично, кто проповедует ту истину, которую ему надо довести до сознания людей («...какое ему—Кутузову—было дело до того, к себе или к нему отнесет граф РаSTOPчин бедствия столицы?»). Он и у Маркса ищет подкрепления своих мыслей. В одном из вариантов статьи Толстого «Рабство нашего времени» мы читаем: «Маркс пишет 50 лет тому назад: «С развитием капиталистического производства во время промышленного периода общественное мнение Европы потеряло последний остаток стыда и совести. Нации стали цинически хвалиться всякою мерзостью, которая была средством для капиталистического накопления» (цитата из 24-й главы 1-го тома «Капитала» — Авт.). Капиталистическое же накопление было не что иное, как все более и более утверждающееся рабство. Так это было 50 лет тому назад. Полстолетия жизни (Толстой ошибается: первый том «Капитала» вышел в 1867 году, а «Рабство нашего времени» он писал в 1900 году—Авт.) среди всерастущей безумной жестокости и роскоши рабовладельцев и приниженности и озлобленности рабов довело наше общество до последней степени развращения и отупения»¹. Мы тут сталкиваемся с беспрецедентным в истории человеческой мысли абсолютным равнодушием—типично толстовским—к авторству той или иной мысли. Его ин-

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 34, 1952 г., стр. 495—496. А. Б. Гольденвейзер свидетельствует, что эту мысль Маркса Толстой хотел даже взять эпиграфом к своей статье «Рабство нашего времени». См. А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», ГИХЛ, 1959, стр. 66. В окончательный текст статьи это не вошло. В статье «Рабство нашего времени» Толстой ссылается на Маркса по другому поводу—о чем ниже.

тересовало всегда только существо вопроса. Это, конечно, не значит, что он «недооценивал» всех тех, кого он цитирует, изречения которых он рекомендует. Напротив. Он искренно увлекается и Евангелием, и Буддой, и Монтенем, и Герценем. Но он придавал им значение не как таковым, они у него не самоцель, а средство выражения своих затаенных мыслей — тех, которые его волновали, мучили, причиняли невыносимые страдания, вызывали буквально «крик души» его. В 1896 году он записал в «Дневнике»: «Вчера шел в Бабурино и невольно (скорее избегал, чем искал) встретил 80-летнего Акима пашущим, Яремичеву бабу, у которой во дворе негубы и один кафтан, потом Марью, у которой муж замерз и некому рожь свозить и морит ребенка, и Трофим, и Халявка, и муж и жена умирали и дети их, а мы Бетховена разбираем, и молился, чтобы он (бог) избавил меня от этой жизни. И опять молюсь, кричу от боли. Запутался, завяз. Сам не могу, но ненавижу себя и свою жизнь»¹.

Мерзость эксплуататорского строя мучила Толстого до конца его жизни. 12 апреля 1910 года он записывает в «Дневнике»: «Мучительная тоска от сознания мерзости своей жизни среди работающих для того, чтобы еле избавиться от холодной, голодной смерти, избавить себя и семью. ...Вчера проехал мимо бьющих камень, точно меня сквозь отрой прогнали» (разр. наша—Авт.)².

Вот о чем он все время думал. И только эти думы были ему важны. Все остальное его мало занимало.

Был ли Толстой моралистом?

Для мыслителя-моралиста нравственные принципы и категории имеют самоценность. Типичен Кант с его суровым и, вместе с тем, возвышенным «категорическим императивом».

«Две вещи,— писал Кант в «Критике практического разума». — наполняют мою душу всегда новым удивлением и благоговением, которые поднимаются тем выше, чем чаще и настойчивее занимается ими наше размышление,— это звездное небо над нами и моральный закон в нас»³.

Направление утилитаризма в этике не меняет этой психологии моралиста, ибо представители этого направления —

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 53, 1953 г., стр. 192.

² Там же, т. 58, 1934 г., стр. 37.

³ Иммануил Кант, Критика практического разума, перев. Н. М. Соколова, СПб, 1897 г., стр. 191.

Бентам и другие, обосновывая этические категории утилитаризмом, рассматривают эти категории как самоценность. У Толстого же в центре внимания не эти категории, как таковые, а счастье людей, их благополучие, их свобода.

В свое время Н. Н. Страхов, проф. И. Я. Грот и другие пытались сводить религию Толстого к «высшим нравственным идеалам христианства»¹. Между тем суть воззрений Толстого социальная, а не этическая.

Конечно, всякий общественно-политический мыслитель ставит и моральные проблемы. И марксизм-ленинизм, раскрывая закономерности развития капитализма, его противоречия, вместе с тем дает ему моральную оценку — оценку, базирующуюся на строго научной основе. В. И. Ленин, критикуя «субъективного философа» Михайловского, писал: «Дело в том, что это один из любимых коньков субъективного философа — идея о конфликте между детерминизмом и нравственностью, между исторической необходимостью и значением личности. Он написал об этом груды бумаги и наговорил бездну сентиментально-мещанского вздора, чтобы разрешить этот конфликт в пользу нравственности и роли личности. На самом деле, никакого тут конфликта нет: он выдуман г. Михайловским, опасавшимся (и не без основания), что детерминизм отнимет почву у столь любимой им мещанской морали. Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, немало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий»².

Но для общественно-политического мыслителя моральные принципы, моральная оценка являются частью его общей социологической и политической концепции. Так дело обстоит и у Толстого. Причем у него (Толстого) мораль выполняет особую функцию: придя к выводу, что единственным реальным рецептом спасения человечества от его «безумия» является «непротивление злу насилием», Толстой, естественно, полагал, что личное, нравственное самосовершенствование представляет собой тот путь, по которо-

¹ См. Н. Н. Страхов, Воспоминания и отрывки, 1892 г.; И. Я. Грот, Нравственные идеалы нашего времени, журнал «Вопросы философии и психологии», 1893 г., 1-я книга.

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, 5-е издание, т. 1, 1958 г., стр. 158—159

му человечество и придет к своему спасению. Вот почему он так много внимания уделял вопросам морали.

И еще раз: В. И. Ленин во всех своих работах о Толстом рассматривает его не как моралиста, не как религиозного реформатора, а как общественно-политического мыслителя, выразившего «бурный протест против всякого классового господства», поставившего «конкретные вопросы демократии и социализма». Ленин писал, что каждое положение в критике Толстым буржуазного государства, церкви, частной поземельной собственности, капитализма «есть пощечина буржуазному либерализму»¹.

Ленин говорит о его «общественно-политическом учении»².

Сам Толстой неоднократно заявлял о своем равнодушии к вопросам политики. Но как раз этот отказ от политики и составляет один из элементов общественно-политического учения Толстого, а именно — его слабую и реакционную сторону. В той самой статье («Лев Толстой как зеркало русской революции»), в которой Ленин подчеркивает то новое, то принципиально новое, которое содержится в его оценке Толстого: сопоставление имени великого художника с революцией, которую он явно не понял, от которой он явно отстранился (это «может показаться на первый взгляд странным и искусственным»), в этой самой статье Ленин и отмечает, что «толстовское воздержание от политики, толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее» — это «зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни, заекоружлой трусливости «хозяйственного мужичка»³.

Когда Ленин в статье «Толстой и пролетарская борьба» писал: «Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого»⁴, то очевидно, что «учение Толстого» в целом он и рассматривает как общественно-политическое учение.

* * *

Толстой как мыслитель настолько своеобразен, оригинален, буквально неповторим (Толстой об ученых: «мы как буд-

1 В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 296.

2 Там же, стр. 339.

3 Там же, т. 15, стр. 184.

4 Там же, т. 16, стр. 323.

то говорим на разных языках»), что он сам часто подавал повод недооценивать его как мыслителя. Он по-своему, с особой позиции подходил к науке и философии. В этом заключалась одна из важнейших черт его мировоззрения.

Толстой был мыслителем-художником, или — то же самое — художником-мыслителем. Все выводы, к которым он приходит, идеи, которые он отстаивает, неразрывно связаны у него с тем, как он воспринимал жизнь в качестве художника.

Толстой-художник воспринимает жизнь как огромное, бесконечное благо. Вдохнуть свежий воздух, чувствовать теплоту солнца, свежесть воды, наслаждаться зеленью травы, лесным шумом, запахом цветов, само ощущение жизни в себе — непередаваемая радость. «До слез наслаждался природой», — записывает он в «Дневнике» (1856 г.)¹.

Необыкновенной гармонией, необыкновенным счастьем — счастьем жизни — беет от многих и многих страниц «Казаков», «Войны и мира», «Анны Карениной», «Холстомера», «Хаджи-Мурата».

Хорошо и с любовью писал об этой черте Толстого-художника В. В. Вересаев в своей «любимой» книге: «Живая жизнь»².

Вот небольшой отрывок из «Войны и мира»: «Когда он (Пьер Безухов, попавший в плен к французам, — Авт.) в первый день, встав рано утром, вышел на заре из балагана и увидел сначала темные купола, кресты Новодевичьего монастыря, увидел морозную росу на пыльной траве, увидел холмы Воробьевых гор и извивающийся над рекою и скрывающийся в лиловой дали лесистый берег, когда ощутил прикосновение свежего воздуха и услышал звуки летевших из Москвы через поле галок и когда потом вдруг брызнуло светом с востока и торжественно выплыл край солнца из-за тучи, и купола, и кресты, и роса, и даль, и река — все заиграло в радостном свете — Пьер почувствовал новое, неиспытанное чувство радости и крепости жизни» (разр. наша — Авт.)³.

Вот это «чувство радости и крепости жизни» и было в огромной степени присуще Толстому-художнику. Уже в старости он пишет в «Дневнике» «о святости веселия». 21 января 1905 го-

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 47. 1937 г., стр. 74.

² См. В. В. Вересаев, т. 2, 1947 г., стр. 499—634.

³ Л. Н. Толстой, Собрание сочинений в 12 томах, т. 7, 1958 г., стр. 107.

да он записывает: «Веселье, радости это — одно из исполненный воли бога»¹.

Толстой часто возвращался к своей формуле: «жизнь—благо». В 1910 году, в «Пути жизни», подводя итоги своим многолетним размышлениям, он пишет:

«Жизнь, какая бы ни была, есть благо, выше которого нет никакого. Если мы говорим, что жизнь зло, то мы говорим это только в сравнении с другой, воображаемой, лучшей, жизнью, но ведь мы никакой другой лучшей жизни не знаем и не можем знать, и потому жизнь, какая бы она ни была, есть высшее доступное нам благо»².

Причем Толстой специально подчеркивает, что речь идет о жизни здесь, на земле, а не где-то в «потустороннем мире». В этой же главе «Жизнь—благо» в «Пути жизни» он пишет: «Истинное благо в настоящей, а не в «загробной» жизни.

По ложному учению, жизнь в этом мире—зло, благо же достигается только в будущей жизни.

По истинному христианскому учению, цель жизни—благо, и благо это получается здесь»³.

Толстой приводит слова Георга-Кристофа Лихтенберга (немецкого ученого и писателя XVIII века): «Сделать возможно лучшим каждое мгновение жизни, из какой бы руки судьбы, благоприятной и неблагоприятной, оно нам ни выпадало на долю, это и есть искусство жизни и истинное преимущество разумного существа»⁴.

И в этой связи: для Толстого жизнь—нечто серьезное, очень важное, святое и торжественное. Вольтер мог в «Кандиде» с едкой насмешкой писать: «Панглос говорил иногда Кандиду:

— Все события связаны неразрывно в лучшем из возможных миров. Если бы вы не были изгнаны из прекрасного замка здоровым пинком ноги в зад за любовь к Кунигунде, если бы вы не были арестованы инквизицией, если бы не обошли пешком всю Америку... то вы не кушали бы здесь ни cedры в сахаре, ни фиесташек.

— Это хорошо сказано,—ответил Кандид.—но надо все-таки возделывать наш сад»⁵.

А Толстой наш мир, в котором мы живем, наш мир на на-

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 55, 1937 г., стр. 120.

² Там же, т. 45, 1956 г., стр. 480.

³ Там же, стр. 481.

⁴ Там же, стр. 481.

⁵ Вольтер, Философские повести и рассказы, 1931 г., т. 1, стр. 266.

шей «грешной» земле считал—без вольтеровской издевки, а всерьез и благоговейно—миром прекрасным и радостным, «который мы не только можем, но должны нашими усилиями сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для всех, которые после нас будут жить в нем». Эту мысль он записал в «Дневнике» в 1894 году (т. 52, стр. 120—121), а затем в 1910 году вносит ее в свой «Путь жизни» (т. 45, стр. 481). Эта мысль — святая святых всего мировоззрения Толстого, он ее вынашивал, часто к ней возвращался, она была плодом его самых сокровенных раздумий и вдохновляла его на самую безбоязненную, открытую, беспощадно резкую постановку «самых больных,—по словам Ленина,—самых проклятых вопросов нашего времени», т. е. самых жгучих вопросов жизни трудящихся в капиталистическом обществе.

Из такого отношения к жизни вытекал следующий важнейший тезис Толстого: человек рожден для счастья. Пьер Безухов,—пишет Толстой,—«узнал не умом, а всем существом своим, жизнью, что человек сотворен для счастья». Больше того, человек обязан быть счастливым. А. Ф. Кони записал следующую мысль Толстого:

«Случайность не должна иметь значения в жизни: надо жить самому, воспитывать детей и подготавливать окружающую среду так, чтобы для случайности оставалось как можно менее места. Для этого надо направить всю жизнь к уничтожению в ней понятия о несчастье. Человек обязан быть счастливым, как обязан быть чистоплотным».
(разр. наша — Авт.)¹.

А для счастья людей нужно, чтобы люди сами не отравляли жизнь друг другу, чтобы никто никого не угнетал, чтобы никто никого не эксплуатировал, т. е. нужен справедливый и разумный общественный строй.

Единственной задачей философии и науки поэтому является: научить людей правильно жить — жить так, чтобы все люди были равны и свободны, чтобы все были радостны и счастливы. Толстой неоднократно заявлял, что философия (или наука), не помогающая людям лучше устроить свою жизнь,—это пустая болтовня.

Надо особенно подчеркнуть: характернейшей чертой Толстого-мыслителя является то, что у него не было вкуса к философским или научным проблемам, как таковым. Он был настолько поглощен своей думой о жизни людей, об их радо-

¹ А. Ф. Кони, «На жизненном пути», Москва, 1916 г., т. II, стр. 30.

стях и горестях, о «безумии» современного ему эксплуататорского общества, о путях «спасения человечества» и избавления людей от их страданий, что все остальное его совершенно не занимало.

Показателен в этом отношении его трактат «О жизни». «Я теперь уже более месяца,—пишет Толстой 24 марта 1887 года в письме к Н. Л. Озимилову,—занят писанием о том, что есть жизнь. Хочется и надеюсь выразить совсем просто и ясно, что жизнь есть совсем не та путаница и страдания, которые мы себе представляем под этим словом, а нечто очень простое, ясное, легкое и всегда радостное»¹. Его совсем не занимает научная сторона вопроса. Ему нужно ответить — и в этом его главная душевная потребность — на самый важный, самый глущий, самый злободневный вопрос: как жить? Как жить так, чтобы жизнь для всех людей была радостной?

В самом начале своего трактата («О жизни») Толстой ставит вопрос так: в любом рассуждении самое важное — это знать, какова цель данного рассуждения. Изучая вопрос о жизни, надо прежде всего установить цель данного исследования. Между тем, ученые, рассуждая с жизни, забывают о том, что «жизнь нужна только затем, чтобы она была хорошей». Следовательно, задачей всякого исследования о жизни является установление того, как устроить эту «хорошую жизнь». А на деле? «С древнейших времен известны рассуждения о том,—пишет Толстой,—отчего происходит жизнь?» От неведомого начала или различных комбинаций материи? И рассуждения эти продолжаются до сих пор, так что не предвидится им никакого конца, именно потому, что цель всех рассуждений оставлена и рассуждается о жизни независимо от цели; и под словом жизнь разумеют уже не жизнь, а то, отчего она происходит, или то, что ей сопутствует»².

С точки зрения настоящего исследования о жизни, с точки зрения главной цели такого исследования: «сделать жизнь хорошей» — надо под жизнью понимать то, что составляет ее подлинную сущность. Мы все,—заявляет Толстой,—под жизнью понимаем то, что нами создается в качестве таковой, т. е. в качестве жизни со «всеми теми страданиями, которых я боюсь и которые ненавижу, и теми наслаждениями и

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 64, 1953 г., стр. 28.

² Там же, т. 26, 1936 г., стр. 315.

радостями, которых я желаю»¹. Со словом «жизнь» каждый из нас связывает сознание стремления к благу. Это сознание возможно только тогда, когда я сознаю себя единым живым существом. Ученые же говорят, что и в клеточке есть жизнь, что клеточка есть живое существо. Не ясно ли,—рассуждает Толстой,—что «основное понятие жизни человечества и понятие той жизни, которая есть в клетке, суть два понятия, не только совершенно различные, но и не соединимые». Ученые говорят, что жизнь — это «игра физических и механических сил». Но ведь мы,—говорит Толстой.—физические и механические силы называем физическими и механическими как раз в противоположность понятию жизни. Жизнь мы не можем себе представить иначе, как стремление от зла к благу, а в области физических и механических сил нет никакого зла и никакого блага и тем более нет стремления к благу. Следовательно, понятие жизни к этой «игре физических и механических сил» неприменимо.

Это не значит,—продолжает Толстой,—что все эти рассуждения об «игре физических сил» не нужны или бесполезны. Совсем нет. Они и нужны и полезны. Но они не касаются самой сущности предмета, самой сущности вопроса о жизни. «Споры о том,—пишет он,—что не касается жизни, именно о том, что отчего происходит жизнь: анимизм ли это, витализм ли, или понятие еще особой какой-то силы, скрыли от людей главный вопрос жизни,—тот вопрос, без которого понятие жизни теряет свой смысл, и привели понемногу людей науки,—тех, которые должны вести других,—в положение человека, который идет и даже очень торопится, но забыл, куда и м е н н о (разр. наша—Авт.)»².

Допустим, что все открыто, все ясно как день. «Ясно, как из неорганической материи зарождается через приспособление органическое, что как физические энергии переходят в чувства, волю, мысль...»³. Допустим, что мы точно знаем, какие физические и химические процессы происходят в клетке и в нашем организме в целом. Разве, спрашивает Толстой, это нам поможет ответить на трудный, самый трудный и самый важный вопрос: как устроить нашу жизнь, чтобы она была хорошей? А ведь этот вопрос должен быть главным в науке о жизни.

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 26, 1936 г., стр. 216.

² Там же, стр. 322.

³ Там же, стр. 322.

Слабость этих рассуждений Толстого очевидна. Его нигилизм в отношении науки принадлежит к его «предрассудку». Ленин указывал, что такая идеология неизбежно появляется «в такую эпоху, когда весь старый строй «переворотился», и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молчком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, как об «укладывающийся» новый строй, как и общественные силы и как именно его «укладывают», какие общественные силы способны принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки»¹.

Надо, однако, отметить, что и в освещении этого вопроса главное в учении Толстого составляет его «разум», а не «предрассудок».

А «разум» в данном вопросе заключается в том, что наука в целом в самом деле должна служить практическим целям: улучшению жизни людей. Это одно. И второе: его нигилизм своеобразный и весьма относительный. Толстой писал об ученых, сводящих жизнь к «физическим и механическим силам»: «Да едва ли большинство научных людей держится этого... затрудняюсь как сказать... мнения не мнения, парадокса не парадокса, а скорее шутки или загадки»². Эти слова полностью применимы к самому Толстому: едва ли он держался всерьез своего «мнения не мнения, парадокса не парадокса, а скорее шутки или загадки». Тут дело в другом.

Толстой много размышлял над назначением науки (и искусства, как и цивилизации в целом) в человеческом обществе. В поисках правильного ответа он, естественно, переходил от одной точки зрения к другой, высказывая при этом иногда самые «парадоксальные» взгляды. Общий итог его поисков может быть сформулирован его же собственными словами. «Меня,—записывает он в «Дневнике» 6 июня 1905 г.,—сравнивают с Руссо. Разница та, что Руссо отрицает всякую цивилизацию, я же отрицаю лжехристианскую»³. И еще: «Когда жизнь людей безнравственна и отношения их основаны не на любви, а на эгоизме, то все технические усовершенствования, увеличение власти человека над природой: пар, электричество, телеграфы, машины всякие, порох, динамиты, робулиты, про-

1 В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 31.

2 Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 26, 1936 г., стр. 318.

3 Там же, т. 55, 1937 г., стр. 145.

изрождают впечатление опасных игрушек, которые даны в руки детям» (запись в «Дневнике» 14 ноября 1903 г.)¹.

Отрицает ли он науку? Отрицает ли он необходимость науки в человеческом обществе? Ответ может быть только один: Толстой не только не отрицал необходимость науки, но и подчеркивал ее огромное и решающее значение.

В своей статье «Наука и искусство» (1889—1891 г.г., напечатано после смерти Толстого) он пишет: «Что такое наука и искусство в самом широком и общем своем значении?

Это передача одних людей другим того, что узнают люди, путем доказательств, рассуждений; искусства передают это же возбуждением в другом того же чувства, которое испытывает передающий.

И то, и другое необходимо для человечества, потому что, если бы не было наук и искусств, люди жили бы как животные, ничем не отличаясь от них.

Все, что знает каждый из нас, начиная от знания счета и названия предметов, и от умения выражать интонациями голоса различные оттенки чувств и понимать их, до самых сложных сведений, есть ничто иное, как накопление знаний, передававшихся от накопления к накоплению науками и искусствами. Все, чем отличается жизнь человечества от жизни животных, есть результат передачи знания, знание же передается науками и искусствами. Не будь наук и искусств, не было бы человека и человеческой жизни (разр. наша—Лвт.).

Все, чем мы живем, все, что нас радует, все, чем мы гордимся, все, от железной дороги, оперы, знания небесной механики и доброй жизни людей,—все это есть ничто иное, как последствия этой деятельности»².

Науки и искусства, указывает Толстой, составляют одну из «самых важных человеческих деятельностей». И только сумасшедший может сомневаться в полезности наук. Вопрос в другом. Вопрос в том, всякая ли научная деятельность важна и нужна для людей? всякая ли научная деятельность составляет важное и нужное для людей дело?

Толстой отвечает: нужна и важна только истинная, настоящая наука. А истинной и настоящей наукой является

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 54, 1935 г., стр. 193.

² Там же, т. 30, 1951 г., стр. 238—239.

только та, которая учит людей, как лучше устроить **свою** жизнь в человеческом обществе. Об этом он пишет в упомянутой статье «Наука и искусство», в предисловии к статье Эдуарда Карпентера (английского писателя-идеалиста XIX—XX вв.) «Современная наука»¹, в статье «О науке»² и во многих других своих работах. Наука должна научить людей знанию того, «что надо и чего не надо делать каждому человеку для того, чтобы жизнь не для одного себя, но для всех людей была хорошей (разр. наша — Авт.)»³.

С этой позиции Толстой бичует—«и справедливо бичует», по словам Ленина,—буржуазную науку.

Критика Толстым буржуазной науки идет по многим линиям.

Первое. В капиталистическом обществе много наук бесполезных, схоластических, а то просто лживых и вредных, как, например, богословские науки, «разные гомилетики, патристики и пр. и пр.». «Преподавание того,—пишет с сарказмом Толстой,—как Христос улетел на небо и сидит одесную отца, тоже преподается как наука»⁴.

Второе. В буржуазном обществе наука возможна только потому, что одни угнетают, а другие—угнетаемы, одни эксплуататоры, а другие — эксплуатируемые. «Образованные» классы потому могут заниматься «образованием», наукой и т. д., что их кормят, одевают, эбувают миллионные массы трудового народа. «Мы говорим,—пишет Толстой в статье «О науке» (1909 г.),—что в Индии существуют касты, а что у нас в христианском мире нет их. Но это неправда. У нас в христианском мире есть также немногие, но до такой степени резко разделенные между собой касты, что едва ли возможна где-нибудь какая-либо большая разница и отделенность между двумя разрядами людей, чем та, которая существует между людьми с очищенными ногтями, вставленными зубами, утонченными одеждами, кушаньями, убранствами жилищ, дорогими портнихами... и полуголыми, полуголодными, грязными, не отдыхающими, безграмотными и в вечной зависимости от нужды людьми, работающими по 16 часов в сутки за два рубля

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 31, 1954 г., стр. 87—95.

² Там же, т. 38, 1936 г., стр. 132—149.

³ Там же, стр. 136.

⁴ Там же, т. 30, 1951 г., стр. 237.

в неделю»¹. Ученые—такова трагедия эксплуататорского общества—занимаются наукой за счет пота и крови миллионов и миллионов людей. И как эти ученые могут спокойно заниматься изучением «экскрементов микроскопического существа или составом звезды Млечного пути»,—спрашивал Толстой,—если они знают, что строй жизни эксплуататорского общества—того общества, которое обеспечивает им, ученым, не только безбеднос, но, большей частью, роскошное существование—таков, что не только дети, но большинство людей от дурной пищи, непосильной вредной работы, дурных жилищ, от нужды не доживают половины тех лет, которые они должны бы жить.

Третье. При существующих эксплуататорских порядках все выгоды, извлекаемые от достижений науки, используются только богатыми классами. Достижения науки приводят к еще большей эксплуатации, еще большему угнетению трудовых масс. И потому «победа человека над природой не только не увеличила благо людей, но, напротив, ухудшила их положение»².

Четвертое. Успехи наук в капиталистическом обществе увеличивают власть богатых, используются для ведения войн, для порабощения колониальных народов. «Теперь, при капиталистическом устройстве жизни (разр. наша—Авт.), успехи всех прикладных наук, физики, химии, механики и других, неизбежно только увеличивают власть богатых над порабощенными рабочими и усиливают ужасы и злодейства войн»³.

Интересно отметить: Толстой редко употреблял понятие «капиталистическое устройство» в применении к современному ему общественному строю. Употребление этого понятия в данном контексте свидетельствует о том, что как он ни подчеркивал свое несогласие с представителями «современной науки», в том числе и с Марксом, он все же оказался под влиянием Маркса и его критики «капиталистического устройства жизни».

Пятое. Если «современная наука» и дает некоторые полезные сведения, то с ними (с этими сведениями) можно было подождать, ибо наука—настоящая, истинная наука—должна заниматься гораздо более животрепещущими, более злободневными вопросами, не решенными в современном капитали-

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 38, 1936 г., стр. 134.

² Там же, т. 31, 1954 г., стр. 93.

³ Там же, т. 38, 1936 г., стр. 141—142.

стическом обществе,—вопросами правильного устройства человеческой жизни. Эти вопросы должна наука решить в первую очередь.

Толстой любил повторять: важно не только знать, что надо делать, а важно знать, что надо делать раньше и что позже.

В своей сказке «Мудрая девица» он рассказывает:

«Был царь. И ему все не удавалось. И послал он к мудрецам спросить, отчего ему неудача.

Один мудрец сказал: «Оттого, что он не знает часа, когда что делать». Другой сказал: «Оттого, что он не знает того человека, который ему нужнее всех». Третий сказал: «Оттого, что он не знает, какое дело дороже всех других дел».

И послал царь еще спрашивать у мудрецов у этих и других: какой час важнее всех, какой человек нужнее всех и какое дело дороже всех?

И не мог никто отгадать. И все думал об этом царь, и у всех спрашивал.

И отгадала ему девица. Она сказала, что важнее всех часов—тепершний, потому что другого ни одного нет такого же. А нужнее всех тот человек, с которым сейчас имеем дело, потому что только этого человека и знаем. А дороже всех дел то, чтобы сделать этому человеку доброе, потому что это одно дело тебе наверное на пользу»¹.

В применении к науке это значит: она должна указать пути избавления человечества от голода и нищеты, гнета и эксплуатации—указать эти пути сейчас, в настоящее время, а не в каком-то отдаленном будущем. Это первая, самая важная и самая главная задача в настоящее время.

Шестое. Что касается буржуазных политических наук, буржуазной юриспруденции и политической экономии, то о них, обо всех этих «теориях уголовных, государственных и международных прав», обо всех этих тупых и душевно ограниченных представителях «политической экономии», он говорил и писал только в самых гневных и самых презрительных тонах. Они-то, эти науки, ведь непосредственно служат оправданию «рабства нашего времени», оправданию и обоснованию всех тех преступлений и жестокостей, которые совершаются господствующими эксплуататорскими классами. В «Письме к Н. А. Александрову» (издателю «Художественного журнала»)

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 26, 1936 г., стр. 245.

он пишет: «Люди дурны (Толстой имеет в виду не всех людей, а эксплуататоров, угнетателей—**Авт.**) и любят свои пороки. И является ложная умственная деятельность, имеющая целью оправдать любимые людьми пороки. Люди мстительны, жадны, любостяжательны, исключительны—и является юриспруденция, которая возводит в теорию мстительность—уголовное право, любостяжательность—гражданское право, подлость—государственное право, исключительность—международное право. Люди немилосердны и жестоки, они хотят каждый забрать побольше и не отдавать другому и хотят, чтобы наслаждаясь избытком, когда рядом мрут от голода, чтобы совесть их была покойна,—готова политическая экономия»¹.

11 февраля 1901 года он записывает в «Дневнике»: «Вчера был Янжул (профессор политической экономии, академик — **Авт.**). Я спросил его о том, что он думает о смерти, об уничтожении или неуничтожении. Он не понимает так же, как не понимает корова (разр. наша — **Авт.**)...»².

В своей страстной и гневной кригике буржуазной науки (как и всей буржуазной культуры) Толстой часто доходил до совершенно неверных, а порой просто парадоксальных выводов. Это, разумеется, объясняется тем, что он и на науку, и на искусство, и на культуру в целом смотрел глазами наивного и отсталого патриархального крестьянства. Правильно отметил В. Ф. Асмус, что точка зрения Толстого на культуру прямо выражает точку зрения патриархального крестьянина, который видит, «что плоды культуры остаются для него недоступными в тех условиях общества, в которые он поставлен. Будучи почти совершенно недоступными, эти плоды капиталистической культуры остаются для него непонятными, чуждыми и постольку не являются даже для него предметом желаний и стремлений»³. И, естественно, критика буржуазной науки часто переходит у Толстого в кригик науку как таковой. Но это относится к его «предрассудку», а главное все же в его отношении к науке,—это его «разум»: его, полное самого глубокого чувства и пылкогo возмущения, обличение буржуазной науки, служащей интересам господствующих эксплуататорских клас-

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений. т. 30, 1956 г., стр. 211.

² Там же, т. 54, 1935 г., стр. 89.

³ В. Ф. Асмус, Мироззрение Льва Толстого в анализах Ленина, «Ученые записки» Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина, выпуск 18, серия филологическая, стр. 24.

сов. Главное в его отношении к науке—это его тезис: область человеческих знаний бесконечна. Надо знать, что надо изучать. А изучать надо то, что способствует улучшению человеческой жизни на земле.

С этих позиций он и подошел к критике буржуазной политической экономии и буржуазных экономических институтов.

Своеобразен подход Толстого к анализу общественных явлений.

Толстой, глубокий ум и тонкий психолог, по существу, всю свою жизнь беспомощно стоял перед непонятной ему «стихией» общественных явлений, так и не поняв их. В. И. Ленин в первой же статье о Толстом писал: «С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-родовому (разр. наша—**Авт.**) к тому, каково должно быть это общежитие, каковой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относиться к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы. В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей»,—совсем в духе Льва Николаича Толстого!»¹.

Толстой не только не знал, не только не понимал общественных закономерностей, он от них отворачивался, как отворачивались от них наивные и отсталые патриархальные крестьяне.

Выше нами было уже указано, что Толстой упорно и настойчиво задавал исключительный по своей наивности вопрос: жизнь так хороша, она представляет собой такое огромное, такое бесконечное благо, почему же люди не радуются этой

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 184.

красоте мира, располагающей к миру и согласию, а «выдумывают» частную собственность, деньги, органы насилия, войны, чтобы мучить друг друга?

И когда ему указывали на то, что ведь имеются определенные общественные закономерности, которые и породили неравенство между людьми, господство одних над другими, и что для борьбы с общественной несправедливостью надо познать эти закономерности, он разводил руками и заявлял: Вы—человек ученый, много знаете, вот Вы и занимайтесь этими мнимыми, Вами выдуманскими, закономерностями. Я же человек простой, далекий от Вашей «науки» и позвольте мне рассуждать с точки зрения простого здравого смысла.

В самом деле, спрашивает Толстой в своем сочинении «В чем моя вера?», какие главные условия земного счастья—такие, о которых никто спорить не станет?—Природа, здоровый труд, семья, любовь. Все эти «главные условия земного счастья» зависят от самого человека, и как это люди в своем «безумии» не сознают этой простой истины и сами отравляют себе жизнь!?

В письме к В. И. Алексееву (учителю в семье Толстого) в ноябре 1881 года он пишет: «...Грустно часто от торжествующего самоуверенного безумия окружающей жизни. Не понимаешь часто, зачем мне дано так ясно видеть их (людей — **Авт.**) безумие, а они совершенно лишены возможности понять свое безумие, свои ошибки; и мы так стоим друг против друга, не понимая друг друга и удивляясь, и осуждая друг друга. Только их легион, а я один. Им как будто весело, а мне как будто грустно»¹.

В 1909 году в статье «Неизбежный переворот» Толстой пишет с болью в душе: «Все есть для того, чтобы благо увеличивалось, а вместо этого люди нашего времени страдают, мучаются и телесно, и духовно, как никогда в прежние времена не страдали и не мучались, и страдания и мучения эти растут с каждым годом»².

В специальной статье «О безумии» в 1910 году (впервые напечатана в Полном собрании сочинений Толстого) он писал: «Было время, когда мой взгляд на безумие нашей жизни пред-

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 63, 1934 г., стр. 196.

² Там же, т. 38, 1936 г., стр. 74.

ставлялся мне таким исключительным, что мне странно и страшно было выражать его, так как был несогласен с той непоколебимой самоуверенностью всего огромного большинства людей, живущих этой безумной жизнью, но в последнее время я стал испытывать совершенно обратное: мне странно и страшно не высказывать этого моего взгляда. Так, для меня стало очевидно, что большинство человечества, в особенности христианского мира, живет в наше время жизнью, прямо противоположной и разуму, и чувству, и самым очевидным выгодам, удобствам всех людей—находится в состоянии, вероятно, временного, но полного сумасшествия, безумия»¹.

Так до конца своей жизни Толстой и не понял ни самого характера этого «безумия» людей, ни тех общественных законов, которые и породили это «безумие».

Это не значит, что у Толстого не было попыток (особенно до «перелома») разобраться в общественных явлениях, установить какие-то общие законы, действующие в человеческом обществе². Но чем больше он вникал в общественные явления, тем меньше он в них разбирался. Чем больше переходил на позиции наивных патриархальных крестьян, тем больше он проникался их растерянностью перед непонятной общественной «стихией», перед окружающей жизнью, которая вызывала в нем жгучие вопросы. Без ответа на эти вопросы жить не мог. А ответа, т. е. настоящего ответа, который бы его вполне удовлетворил, он не находил. Вы читаете его дневники и письма, и вас не покидает чувство острой боли за этого необыкновенного и неповторимого художника и мыслителя, предпринявшего буквально героические усилия, чтобы самого себя убедить в правильности найденного им ответа на животрепещущие вопросы жизни. Далекое не всегда это ему удавалось. Отсюда и многократные записи в дневниках: «всем существом почувствовал» (реальность мира): сейчас понимаю; сейчас плохо понимаю; сознавал, понимал, а теперь прошло—не ясно; «не то, что понял, а почувствовал» (истинность таких-то положений); «ясно сознаю», и через несколько строк: «совсем не то». Отсюда и его тезис—к нему он часто возвращается—тезис, являющийся «криком отчаяния»,

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 38, 1936 г., стр. 404.

² См. интересную статью В. Ф. Асмуса: «Причина и цель в истории по роману Л. Н. Толстого «Война и мир». Сб. «Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков», изд. Академии наук СССР, 1959 г.

тезис о том, что никого ни в чем нельзя убедить. И это положение высказывается мыслителем, всю жизнь убеждавшим других в истинности своего учения.

Толстой любил повторять мысль Ювенала: в споре каждый еще больше укрепляется в своем мнении. Характерна следующая запись в «Дневнике» (24 мая 1905 г.): «Люди учат других, как им жить, уговаривают их... все это недоразумение. Человеку никак нельзя ничего внушить, еще меньше может человек заставить себя что-нибудь пожелать, понять, полюбить, даже сделать»¹. Или: «Главное различие людей в различии их идеалов: в том, что они хотят быть. Говорить человеку с идеалом порядочного, комильфотного буржуа о требованиях христианства все равно, что говорить о красоте музыки глухому: он не понимает зачем...». И еще — с характерной для Толстого образностью: «Сердишься иногда на людей, что они не понимают тебя, не идут за тобой и с тобой, тогда как ты совсем рядом стоишь с ними. Это все равно, что ходя по лабиринту (какие бывают в садах), требовать, чтобы человек, стоящий совсем рядом с тобой, только за стенкой, шел по одному направлению с тобой. Ему надо пройти целую версту, чтобы сойтись с тобой и сейчас идти не только в одном, но в обратном направлении, чтобы сойтись с тобой. Знаешь же ты, что ему надо идти за тобой, а не тебе за ним, только потому, что ты уже был на том месте, на котором он стоит» (запись от 2 мая 1900 г.)².

Таким образом, с точки зрения Толстого внутренняя убежденность определяется не логикой, не аргументами, а чем-то другим: духовной организацией данного человека, его жизненным опытом, его идеалами — всем тем, что он сам приобрел в своей жизни. Больше того. С его точки зрения, внутренняя убежденность и не сводится целиком к мыслям, логически выраженным. Вот почему он считал, что истины, которые он проповедует, могут быть понятны только людям «однородным» с ним. В письме к Г. А. Русанову (28 ноября 1903 г.) он пишет: «...Кажется, вам послали мои мысли о сознании. Работа эта далеко не кончена и потому может быть ясна только для людей, как вы, одноцентренных со мной...»³. Вот почему он считал, что самое важное, чтобы человек с а м,

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 55, 1937 г., стр. 141.

² Там же, т. 54, 1935 г., стр. 24.

³ Там же, т. 74, 1954 г., стр. 245.

личным опытом, пришел к правильному миропониманию. А. Ф. Кони записывает следующую мысль Толстого: «То, что дается опытом жизни, чувствуется, но редко может быть доказано. Поэтому старые люди часто замыкаются в себя и уединяются. Но это не потому, что им нечего сказать, а потому, что молодежь... их не поймет»¹.

Интересно отметить, что эту мысль — в другом варианте — Толстой высказал еще задолго до «перелома». Он много над этим думал. Она его — страстного проповедника — очень тревожила в молодости. Она не давала ему покоя в старости. В отрывке, озаглавленном «О характере мышления в молодости и в старости» (1862—1863 годы), он пишет: «Когда мы молоды и не знаем всех бесчисленных сторон жизни, мы много думаем, не встречая препятствий и возражений самой жизни, которую мы не знаем; мы делаем сложные выводы, мы далеко заходим на путь мышления; мы умны и знаем это — и это даже правда. Но с годами (ежели мы не были ленивы душой) мы узнаем много новых сторон жизни, много различных взглядов, бесчисленное количество возражений на пути мысли и на каждом шагу натываемся на непонятное, неразрешимое, необъяснимое. Мы мало думаем и много созерцаем.

Говорят, что с годами глупеют.

Думы молодости выражаются логической последовательностью слова, думы старости выш е и потому в н е о б л а с т и и с л о в (разр. наша — Авт.). В молодости только возможны планы пересоздания людей — воспитанием, новым экономическим или гражданским устройством общества; в старости же человек чувствует и над собой тот неумолимый закон природы, который царствует над растением и животным, и созерцает его. Весь труд жизни привел старика к этому»². Вскрсе Толстой запишет в «Войне и мире»: «Засыпая (Андрей Болконский — Авт.), он думал все о том же... Но это были т о л ь к о мы с л и (разр. наша—Авт.). Чего-то недоставало в них, что-то было одностороннее — личное, умственное, не было с ч е в и д н о с т и (разр. наша—Авт.)».

«Очевидность», ощутимость правоты того или иного положения дается — по Толстому — не одними мыслями, не одними аргументами, не одной логикой, а внутренней убежденностью: «всем существом сознаю», «ощущаю понимание» такой-то истины. В этом своем тезисе он все больше и больше

1 А. Ф. Кони, На жизненном пути, Москва, 1916 г., т. II, стр. 30.

2 Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 7, 1932 г., стр. 120.

укреплялся с годами. Вот запись в «Дневнике» от 10 августа 1905 г.: «Странное испытываю я теперь в хорошие минуты: ощущение понимания (разр. наша — Авт.) смысла жизни, такого ясного, что становится жутко!»¹ Он и противопоставляет «рассудочному убеждению» убеждение, «выведенное из опыта данной жизни».

Не удивительно, что при такой «растерянности» Толстой не сумел разобраться в том, каковы же причины, порождающие то общественное зло, которое его так волновало.

Не разобравшись в общественной жизни, в ее закономерностях, Толстой считал, что причиной всех бед в человеческом обществе, всего этого «безумия» являются заблуждения людей. Но откуда эти заблуждения? Что их порождает?

Специфика ответа Толстого на этот вопрос как раз и заключается в том, что, по существу, он никакого ответа на этот вопрос не дает по той простой причине, что он такому вопросу никакого внимания не уделял, это вытекало из его тезиса о «внутренней убежденности».

Ведь ему, Толстому, так ясно: омерзительный эксплуататорский строй настолько противоречит простому здравому смыслу (и даже дети со своей «детской мудростью» это понимают), что, собственно, никаких таких особенных причин для его появления и нет. И нечего мудрить, «изучать закономерности», находить какие-то «тайные силы», порождающие насилие, гнет и эксплуатацию.

Люди просто-напросто заблуждаются, живут в отвратительном мире («противно разуму»), в котором одни люди угнетают других, а этот отвратительный мир заглушает подлинные человеческие качества, развращает людей, ослепляет их, и они, люди, уже не знают, где «свет» и где «тьма». Больше того, они «тьму» принимают за «свет». И! выход только один: избавиться от этих заблуждений. Люди должны изменить свой образ жизни, изменить общественный строй. Наша же задача, считал Толстой, задача тех, кому дано ясно видеть «безумие» людей, заключается в том, чтобы помочь людям осознать свои заблуждения, свои «суеверия», критиковать их. Но критиковать,—и тут опять совершенно своеобразный подход Толстого к этому,—не значит опровергать. С точки зрения Толстого «безумие» людей настолько очевидно, что и опровергать-то нечего. Надо только наглядно показать эти

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 55, 1937 г., стр. 157.

«суеверия», показать их бессмысленность и вредность с точки зрения простого здравого смысла.

Раскрывая заблуждения людей, их «суеверия», Толстой с поразительной силой разоблачает мерзость эксплуататорского общества.

Буквально ошутимым, осязаемым становится «безумие» капиталистического общества с его варварской эксплуатацией человека человеком, с его нищетой масс и безработицей, с грабительскими войнами и колониальным рабством, с его государством-угнетателем и законом-притеснителем.

Величайшим «заблуждением» он считал всю буржуазную науку политической экономии (марксистскую политическую экономию он очень слабо знал, совершенно ее не понимал, хотя и интересовался Марксом)¹. Этой «лженауке» он посвятил немало страниц в своей публицистике.

---

¹ См. С. Брейтбург, «Л. Толстой за чтением «Капитала» Маркса». Сб. «Звенья», № 5, 1935 г., стр. 732—741.

Глава третья

КРИТИКА Л. Н. ТОЛСТЫМ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Следующая — характерная для Толстого — особенность: критика буржуазной политической экономии означает для него критику самих буржуазных экономических институтов, критику всего буржуазного общественного и государственного строя. Правильно отмечая служебную роль буржуазной политической экономии: обосновать и оправдать капиталистический строй, он преувеличивал ее роль, ошибочно приписывая ей решающее значение в поддержании существующего эксплуататорского общества. «Главная причина того зла, от которого теперь страдают люди, — писал Толстой, — причина того деления людей, на властвующих и подвластных, на рабов и господ, и той ненависти и злодеяний, которые производят это деление, главная причина этого зла — лженаука (разр. наша—Авт.). Только эта лженаука дает властвующим возможность властвовать и лишает подвластных возможности освободиться от этого порабощения. И те, которые властвуют (я разумею не одни правительства, а всю властвующую касту), знают это и хотя часто и бессознательно, но чутко, чтобы не выпускать власть из рук, следят за наукой и всеми силами поддерживают ту, так называемую науку, которая

им на руку, и всячески заглушают, извращают ту истинную науку, которая может обличить их незаконную, преступную жизнь»¹. Говоря о «лженауке», он прежде всего имеет в виду политическую экономию и юриспруденцию.

И еще одна — не менее важная для понимания хода рассуждений Толстого — особенность: когда он говорит о «лженауке», он имеет в виду не только науку (и ученых) в прямом, профессиональном смысле этого слова, а данное «научное сознание», данную «научную идеологию», которая овладела людьми и согласно к т о р о й считается нормальным и справедливым такой строй, при котором одни являются эксплуататорами, а другие эксплуатируемыми, одни — господами, а другие — рабами. Именно в этом смысле Толстой и пишет о том, что главной причиной зла, главной причиной деления людей на господ и рабов является лженаука.

Этими особенностями объясняется то, что в рассуждениях Толстого критика буржуазной политической экономии перемежается с критикой самих буржуазных экономических институтов. Больше того: она перемежается с критикой всего буржуазного общественного и государственного строя.

Наиболее подробно критика буржуазной политической экономии дана Толстым в трактате «Так что же нам делать?» (1882—1885 г.г.).

Работа «Так что же нам делать?» принадлежит к лучшим публицистическим произведениям Толстого. Ее нельзя читать без душевного содрогания. Само взволнованное название свидетельствует о том, что писана «кровью сердца». Усиливает впечатление и то, что и в художественном отношении она представляет собой шедевр толстовской силы. Работа эта интересна и тем, что в ней Толстой рассказывает, как он пришел к своим выводам.

Толстой начал писать эту работу под свежим впечатлением его личного участия в московской переписи в январе 1882 года, когда он «собственными глазами» увидел все ужасы Хитрова рынка, ночлежных домов, «Ржановской крепости»; всю потясающую нищету их обитателей, всех этих «полураздетых, бледных, худых, болезненных людей».

Накануне переписи Толстой написал статью «О переписи в Москве». Своей статьей он хотел привлечь к участию в пере-

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 38 1936 г., стр. 142—143.

писи всех тех, кто захочет помочь нищему населению города. В этой статье он писал:

«Что бы ни сделано было, все будет много. Но почему же не надеяться, что будет сделано все? Почему не надеяться, что мы сделаем то, что в Москве не будет ни одного раздетого, ни одного голодного, ни одного проданного за деньги человеческого существа, ни одного несчастного, задавленного судьбой человека, который бы не знал, что у него есть братская помощь? Не то удивительно, чтобы этого не было, а то удивительно, что это есть рядом с нашим излишком досуга и богатств и что мы можем жить спокойно, зная, что это есть... Почему не надеяться, что мы поймем, что нет у нас ни одной обязанности, не говоря уже личной, для себя, ни семейной, ни общественной, ни государственной, ни научной, которая бы была важнее этой? Почему же не думать, что мы наконец поймем это? Разве только потому, что это было бы слишком большое счастье. Почему не думать, что когда-нибудь люди проснутся и поймут, что все осгальное есть соблазн, а это одно—дело жизни»¹.

Можно ли, однако, по-настоящему спасти жизнь и здоровье этих людей? Можно ли коренным образом изменить образ жизни этих обездоленных, голодных и раздетых—мужчин, женщин, стариков, детей? Очевидно, нужны какие-то радикальные меры. Он, Толстой, над этим много думает. Думают над этим и другие. Пока ничего существенного не придумали. А потому: «Пускай механики придумывают машину, как приподнять тяжесть, давящую нас,—так кончает он статью,—это хорошее дело, но пока они не выдумали, давайте мы по-дурачки, по-мужицки, по-крестьянски налегнем народом,—не поднимем ли? Дружней, братцы, разом!»².

Этот призыв («палечь народом по-дурачки, по-мужицки») как раз показывает, что на душе-то у него было не очень спокойно: даст ли это реальные результаты? Тем более, что по характеру своему он не мог удовлетворяться полумерами. Так что же нам делать?

Что дальше так жить нельзя—это ему было ясно. В своем трактате («Так что же нам делать?») он рассказывает, что когда вернулся из известного тогда в Москве Ляпинского ночлежного дома и стал описывать все его ужасы одному прия-

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 25, 1937 г., стр. 180.

² Там же.

телю, то тот самым спокойным образом заявил, что это самое естественное явление, что это неизбежное условие цивилизации, что дурного тут ничего нет и что, следовательно, нет оснований особенно расстраиваться по этому поводу. «Я стал возражать своему приятелю,—продолжает Толстой,—но с таким жаром и с такой злобою (разр. наша—Авт.), что жена прибежала из другой комнаты, спрашивая, что случилось. Оказалось, что я, сам не замечая того, со слезами в голосе кричал и махал руками на своего приятеля. Я кричал: «так нельзя жить, нельзя так жить, нельзя!»¹.

Больше того, он не только почувствовал, «всем существом своим», что дальше так жить нельзя, он не только не мог уже без раздражения видеть ни барски накрытого стола, ни экипажа, ни сытого кучера и лошадей, ни магазинов, ни театров рядом с этими голодными и раздетыми жителями Ляпинского дома, но он уже начинает приходить к выводу, что «эти две вещи связаны, что одно происходит от другого». И, размышляя в этом направлении—«одно происходит от другого», он вскоре убеждается в том, что филантропическая деятельность (накормить, одеть и обуть этих униженных людей), которую он задумал, ни к чему путному не приведет. Не решает проблемы. «Я понял тут в первый раз, что у всех этих несчастных, которых я хотел благодетельствовать, кроме того времени, когда они, страдая от холода и голода, ждут впуска в дом (ночлежный—Авт.), есть еще время, которое они на что-нибудь да употребляют, есть еще 24 часа каждые сутки, есть еще целая жизнь, о которой я прежде не думал. Я понял здесь в первый раз, что все эти люди, кроме желанья укрыться от холода и насытиться, должны еще жить как-нибудь те 24 часа каждые сутки, которые им приходится прожить так же, как и всяким другим. Я понял, что люди должны и сердиться, и скучать, и храбриться, и тосковать и веселиться. Я, как ни это странно сказать, в первый раз ясно понял, что дело, которое я затевал, не может состоять в том только, чтобы накормить и одеть тысячу людей, как бы накормить и загнать под крышу 1000 баранов, а должно состоять в том, чтобы сделать доброе людям. И когда я понял, что каждый из этой тысячи людей такой же точно человек, с таким же прошедшим, с такими же страстями, соблазнами, заблуждениями, с такими же мыслями, такими же вопросами,—такой же человек, как и я, то затеянное мной дело

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 25, 1937 г., стр. 191.

(филантропическое—**Авт.**) вдруг представилось мне так трудно, что я почувствовал свое бессилие»¹.

Он убеждается в том, что филантропическое дело, которое он затеял, не решает вопроса потому, что вопрос-то гораздо сложнее: недостаточно накормить и одеть этих людей, надо изменить их образ жизни, надо, чтобы они все стали другими, чтобы они стали здоровыми—и физически, и духовно, а для этого надо устранить ту причину, которая порождает эту нищету и унижение этих людей—людей таких же, как все мы, с такими же страстями и мыслями,—тот строй, при котором все богатство сосредоточено в руках незначительного паразитического меньшинства, живущего в неге и роскоши. Целеполезность этого строя и заключается в том, что богатство порождает бедность. Это было для Толстого целое открытие. Он пишет:

«Трудно мне было дойти до этого сознания: но когда я дошел до него, я ужаснулся тому заблуждению, в котором я жил. Я стоял по уши в грязи и других хотел вытаскивать из этой грязи.

Я хочу этого и вижу, что вследствие насилий, вымогательств и различных уловок, в которых я принимаю участие (как человек, владеющий богатством,—**Авт.**), отбирается у трудящихся необходимое, и нетрудящиеся люди, к которым принадлежу и я, пользуемся с излишком трудом других людей.

Я вижу, что пользование этим чужим трудом распределяется так, что чем хитрее и сложнее уловка, которую употребляет сам человек или употреблял тот, от кого он получил наследство, тем больше он пользуется трудами других людей и тем меньше сам прилагает труда.

...Я вижу, что в наше время жизнь рабочего человека, и в особенности жизнь стариков, женщин и детей рабочего населения, прямо гибнет от усиленной, не соответственной питанию рабской, и что жизнь эта не обеспечена даже в своих первых потребностях, и что рядом с этим жизнь нерабочего сословия, к которому я принадлежу, с каждым годом все более и более переполняется избытком и роскошью... Я вижу, что произведения труда людей все более и более переходят от массы трудового народа к нетрудовому, что пирамида общественного здания как бы перестраивается так, что камни основания переходят в вершину (разр. наша — **Авт.**), и

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 25, 1937 г., стр. 198—199.

быстрота этого перехода увеличивается в какой-то геометрической прогрессии. Я вижу, что происходит подобное тому, что произошло бы в муравьиной куче, если бы общество муравьев потеряло чувство общего закона, если бы одни муравьи из основания кучи стали бы перетаскивать произведения труда на верх кучи и все суживали бы основание и расширяли вершину и тем заставили бы и остальных муравьев перебираться из основания на вершину»¹.

Все ужасы современного общества вызваны тем, заявляет он, что определенная, очень небольшая и самая развращенная часть членов общества получила возможность не только полностью освободиться от обязательного для человека закона труда, но и пользоваться без груга всеми благами жизни. При этом он развивает следующую интересную мысль: при современном образе жизни, т. е. при эксплуататорском строе, невозможно не только радикально решить вопрос о нищете масс, но и временно помочь бедным и голодным, ибо между богатыми классами и бедными классами воздвигнута стена—стена богатства, стена чистоты и сбраования, сложившаяся из того же богатства, стена резко друг от друга отличающихся привычек и навыков. Богатые и бедные—две противоположные касты, чуждые друг другу и ненавидящие друг друга. А для того, чтобы кому-нибудь реально помочь, надо быть равными. Должно быть взаимное доверие и понимание, которое возможно только при равенстве людей. Эта мысль приходила Толстому в голову еще тогда, когда он писал «Утро помещика» (1856 г.). Ему все стало ясно особенно сейчас, когда он пришел к радикальному выводу:

«Я принадлежу к разряду тех людей, которые разными уловками отбирают от гудящегося народа необходимое и которые устроили себе этими уловками волшебный неразменный рубль, соблазняющий этих же несчастных. Я хочу помогать людям, и потому ясно, что прежде всего я должен, с одной стороны, не обирать, как это я делаю, с другой стороны—не соблазнять их. А то я самыми сложными, и хитрыми, и злыми, веками накопившимися уловками устроил себе положение владельца неразменного рубля, т. е. такое, при котором я могу, никогда ничего не работая, заставлять работать на себя сотни и тысячи людей, что я и делаю; и я воображаю себе, что я жалею людей и хочу помогать им. Я сижу на шее человека, зада-

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 25, 1937 г., стр. 243-244.

вил его и требую, чтобы он вез меня, и, не слезая с него, уверяю себя и других, что я очень жалею и хочу облегчить его положение всеми возможными средствами, но только не тем, чтобы слезть с него»¹.

Вывод, к которому он пришел, казался ему простым и ясным: если мы хотим помочь бедным, то прежде всего не надо производить этих самых бедных. Иными словами, у Толстого уже—в основном—созрел тот тезис, который он потом будет развивать, углублять и неустанно пропагандировать: все дело в самом образе жизни, в самом строе, т. е. все дело в эксплуататорском строе, при котором одни могут «сидеть на шее других», при котором одни являются угнетателями, а другие—угнетаемыми, при котором одни «веками накопившимися уловками»—самыми сложными, и хитрыми, и злыми—отбирают у трудящегося народа самое необходимое.

Каковы же эти «уловки»?

В наше время, отвечает Толстой, основной уловкой являются деньги. Именно деньги—одна из главных причин всей общественной несправедливости, всего того зла, которого так много в «современном», т. е. эксплуататорском обществе. Ибо «По-русски выходит, что люди, у которых есть деньги, могут вить веревки из тех, у кого нет денег»².

Что же такое деньги? Каково их происхождение? В чем их коварная сила?

Тут мы подходим к чрезвычайно любопытному, тихому толстовскому рассуждению.

Отчего, спрашивает Толстой, происходит порабощение одних людей другими? Отчего одни люди посредством денег властвуют над другими? Отчего происходит то денежное царство, которое поражает нас всех своею несправедливостью и жестокостью?

Наука, т. е. политическая экономия, рассуждает Толстой, отвечает: от деления факторов производства и происходящих от этого деления комбинаций, приводящих к угнетению рабочих (для Толстого «рабочие», «трудоу народ» — это и рабочие и крестьяне). Наука, т. е. политическая экономия, заявляет, в любом производстве участвуют три фактора—земля, капитал (запасы труда) и труд. А так как—по неизбежным законам, установленным этой «наукой»,—два первых фактора—

---

¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 25, 1937 г., стр. 245.

² Там же, стр. 247.

земля и капитал—находятся не в руках рабочих, а в руках других лиц, то от этого, а также от целого ряда комбинаций, вытекающих из такого распределения факторов, и происходит порабощение одних людей другими. Трудящиеся должны подчиняться тем, кто владеет землей и капиталом.

«Ответ этот,—пишет Толстой,—мне всегда казался странным не только тем, что оставляет в стороне одну часть вопроса—именно о значении при этом денег, но и тем делением факторов производства, которое свежему человеку всегда представляется искусственным и не отвечающим действительности»¹.

Теория трех факторов производства, рассуждает Толстой, является искусственной, не отвечает действительности и кажется странной «свежему человеку», т. е. человеку, не испорченному «наукой», человеку с простым здравым смыслом, по следующим соображениям:

Первое. Помимо земли, капитала и труда в производстве участвуют и другие факторы: солнце, воздух, вода и т. д. Но они почему-то не принимаются во внимание политической экономией. Они не признаются факторами потому, очевидно, что на солнце, воздух и т. д. не заявляются претензии людей. Таким образом, только благодаря такому несправедливому, неестественному, противоречащему разуму факту, как присвоение земли и орудий труда незначительной, паразитической частью общества, «ученые» делают нелепейший вывод о том, что якобы в самой сущности производства лежит деление на три фактора. Между тем это деление произвольное и не лежит в сущности вещей, в сущности производства.

Второе. Разделение на три фактора производства не свойственно людям и неразумно.

«Ученые» говорят, что деление факторов производства не только соответствует разуму и человеческой природе, но что оно совершается по неизбежным законам развития хозяйства. Лишение рабочих земли и орудий труда—это естественно и нормально. «Мы так привыкли к такому утверждению («рабочий лишен земли и труда»—Авт.),—с возмущением и горечью пишет Толстой,—что нас уже не поражает странность его. Если же мы вдумаемся в это выражение, то тотчас увидим несправедливость и даже бессмысленность его. В выражении этом лежит внутреннее противоречие»². Ведь понятие рабоче-

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 25, 1937 г., стр. 248.

² Там же, стр. 251.

го включает в себя и понятие земли, на которой он живет и на которой он работает, и понятие орудий труда, которыми он работает. Не может быть земледельца без земли, не может быть сапожника без орудий труда, не может быть рыбака без снастей.

Конечно, могут согнать крестьян с земли, могут отнять у трудового народа орудия труда, но это не значит, как это утверждает «наука», т. е. буржуазная политическая экономия, что таково подлинное свойство производства. Это значит только то, что такого рода порядки—отнятие земли и орудий труда у тех, кто работает, — нарушают естественное свойство производства. Вымышленное право на землю и орудия труда противоречит основному закону производства. И точно так же, как в свое время утверждение права собственности на личность другого человека не могло лишить раба его прирожденного свойства—быть свободным и искать блага своего, а не хозяина, так и теперь утверждение права собственности на землю и орудия труда, которые должны—в соответствии с основным законом производства—принадлежать тем, кто работает, не может лишить работника прирожденного свойства каждого человека жить на земле и работать своими личными или общими орудиями труда то, что он для себя считает полезным.

Все, что могут с определенным основанием сказать «ученые», заявляет Толстой, это только то, что в современном, т. е. капиталистическом, обществе в самом деле существуют притязания одних людей на землю и орудия труда, которые должны принадлежать всем, что в самом деле существует вымышленное право собственности на землю и орудия труда. Но это ведь означает, что в капиталистическом обществе нарушен основной закон производства: земля и орудия труда должны быть во владении работников, а не паразитов. Принимать же нарушение закона за закон—это нелепость.

«Утверждая то,—пишет образно Толстой,—что деление факторов производства и есть основной закон производства, экономист делает то же, что сделал бы зоолог, который видал бы очень много чижигов в домиках, с обстриженными крыльшками, заключил бы из этого, что домик и ведрышко с водой, поднимающееся по рельсам, есть самое существенное условие жизни птиц и что жизнь птиц складывается из этих трех факторов.

Как бы много ни было чижиков в картонных домиках, с обстриженными крылышками, зоолог не может признать картонные домики естественным свойством птиц.

Как бы много ни было рабочих, сгоняемых с места на место и лишаемых и произведений, и орудий своего труда, естественное свойство рабочего жить на земле и работать своими орудиями труда, что ему нужно, будет все то же. Есть притязания одних людей на землю и орудия труда рабочего, точно так же, как были в древнем мире притязания одних людей на личность других; но никак не может быть разделения людей на господ и рабов, как это хотели установить в древнем мире, и никак не может быть разделения факторов производства на землю и капитал, как это хотят установить экономисты в современном обществе.

А эти-то незаконные притязания одних людей на свободу других людей наука (т. е. политическая экономия — Авт.) называет естественными свойствами производства¹.

Политическая экономия, продолжает Толстой, признала право одного человека на землю—на ту землю, которой кормится другой, она признала право собственности на орудия труда—на те орудия труда, которыми работает другой. Это не только противоречит естественным свойствам производства, это не только противоречит простому здравому смыслу, это—нонсенс, это—нелепость, это—вычурное противоречие, ибо такого права никогда не было и не может быть, «потому что право на землю человека, не работающего на земле, в сущности есть не что иное, как право человека пользоваться землей, которою он не пользуется; право же на орудия труда есть не что иное, как право работать орудиями, которыми он не работает»².

И эту нелепость утверждает политическая экономия, претендующая на то, чтобы называться наукой, т. е. тем истинным учением, которое должно объяснить существующие явления в современном обществе. Ясно, что эта «наука» не в состоянии дать правильные ответы на наболевшие вопросы, а ее (этой «науки») назначение заключается только в том, чтобы оправдать существующее зло.

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 25, 1937 г., стр. 252-253. 252—253.

² Там же, стр. 253.

Да что требовать от этой «науки», если она могла поднять на щит бредовую человеконенавистническую теорию Мальтуса. «Выводы,—пишет с сарказмом Толстой,—прямо вытекающие из этой теории, были следующие: бедственное положение рабочих людей не происходит от жестокости, эгоизма и неразумения людей богатых и властных, а оно таково по неизменному, независящему от людей закону, и если кто виноват в этом, так это сами голодные рабочие: зачем они, дураки, рдятся, когда знают, что нечего им будет есть, и поэтому богатые и властные классы несколько не виноваты и могут спокойно продолжать жить, как жили»¹.

Напомним, что Маркс характеризовал Мальтуса как «рабского плагиатора», «профессионального сикофанта», подкупленного адвоката земельной аристократии².

Разумеется, во всем указанном рассуждении Толстого много неверного и наивного.

Во-первых, нельзя, как это делает Толстой, говорить о «рабочих» вообще, включая в эту категорию всех «работников» — и крестьян, и рабочих, и ремесленников. Нельзя, как это делает Толстой, говорить о политической экономии вообще, ибо в науке политической экономии имеется много (и различных) направлений.

Во-вторых,—и это главное—Толстой заявляет, что «работник» без орудий труда немислим. Это верно. Но из этого он делает удивительный вывод: следовательно, тот «образ жизни», при котором «работники» (рабочие, крестьяне) лишены орудий труда, земли, является ненормальным, неразумным, ибо он противоречит «основному закону производства». А посему. объяснить порабощение одних людей другими тем, что небольшая кучка присвоила себе вымышленное право на землю и орудия труда и лишила их (земли и орудий труда) «работников», трудящихся, т. е. тех, кто работает на земле орудиями труда и производит все необходимое для жизни,—нельзя. Нельзя потому, что такой «образ жизни», такой строй является столь же неестественным, ненормальным, сколь неестественными и ненормальными для жизни птиц являются карточные домики с ведрышками с водой.

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 25 1937 г., стр. 334.

² Карл Маркс, «Теории прибавочной стоимости», ч. II, Москва, 1957 г., стр. 108—109.

Ну, а если все же такой неестественный и ненормальный строй существует? Если птиц все же загнали в картонные домики? Если «работников»—при таком строе—в самом деле лишили и земли, и орудий труда и этим самым поработили их? Ведь задача как раз и заключается в том, чтобы объяснить, как получилось это «лишение орудий труда» как это одни люди (незначительная часть общества) смогли стать владельцами и земли и орудий труда, как они смогли присвоить себе «вымышленное» право собственности на землю и орудия труда?

Самое легкое—задавать Толстому эти несомненные вопросы, но это и самое неинтересное. Хорошо сказал Андре Вюрмсер: «Восхищаясь Толстым и Бальзаком, я ценю их не за то, что они правильно мыслили, а за то, что они писали правду»¹.

Что Толстой не понимал закономерностей общественного развития, что он не знал подлинных причин, порождающих неравенство между людьми, и ошибочно полагал, что причиной всех нечеловеческих страданий в эксплуататорском обществе являются заблуждения и «суеверия» людей, это известно. Почему Толстой не понимал закономерностей общественного развития—это гениально объяснил Ленин. При всем том, Толстой был глубоким наблюдателем и критиком буржуазного строя.

И в приведенном рассуждении Толстого самое важное, самое главное это то, что он, со свойственной ему силой чувства, свежестью и наглядностью, показывает всю ненормальность, неестественность и несправедливость эксплуататорского строя—того строя, который Маркс отнес к «предистории» человечества; что он, со свойственной ему убедительностью и искренностью, показал служебную роль буржуазной политической экономии: оправдать «общественное зло», оправдать эксплуатацию, оправдать угнетение человека человеком! В этом его историческая заслуга. Не говоря уже о том, что Толстой, как мы отмечали выше, помог многим буржуазным интеллигентам, многим высшим представителям буржуазной культуры, не досрочим до марксизма, стать «расстригами» той же буржуазной культуры, стать страстными критиками всего капиталистического строя.

---

¹ Андре Вюрмсер, Разговор с самим собой, «Литературная газета», 7 ноября 1959 г.

Итак, с точки зрения Толстого, «деление факторов производства» не объясняет порабощения одних людей другими.

В современном капиталистическом обществе, утверждает он, причиной всего зла являются деньги. Именно «поробощающая сила денег», по его мнению, и объясняет нам:

1) почему одни люди владеют землей и орудиями труда, а другие лишены этого;

2) почему одни люди, владея землей и орудиями труда, могут порабощать других (лишенных земли и орудий труда).

Именно деньги являются причиной отчуждения земли и орудий труда у тех, которые обрабатывают землю и работают орудиями труда. Таким образом, разделение факторов является не причиной «рабства наших дней», а следствием губительного влияния денег. Вот что Толстой пишет:

«Вопрос экономической науки в следующем: какая причина того, что одни люди, имеющие землю и капитал, могут порабощать тех людей, у которых нет земли и капитала?»

Ответ, представляющийся здравому смыслу, тот, что это происходит от денег, имеющих свойство порабощать людей (разр. наша—**Авт.**). Но наука (т. е. буржуазная политическая экономия—**Авт.**) отрицает это и говорит: это происходит не от свойств денег, а оттого, что одни имеют землю и капитал, а другие не имеют их. Мы спрашиваем: отчего люди, имеющие землю и капитал, порабощают неимущих? Нам отвечают: оттого, что они имеют землю и капитал.

Да ведь мы про это же самое и спрашиваем. Лишение земли и орудий труда и есть порабощение. Ведь это ответ: «усыпляет, потому что обладает снегворной силой».

Но жизнь не перестает ставить свой существенный вопрос, и даже самая наука видит его и старается ответить на него, но никак не может этого сделать, выходя из своих основ, и вертится в своем заколдованном кругу. Для того, чтобы сделать это, наука должна прежде всего отказаться от своего ложного деления факторов производства, т. е. от признаний последствий явлений за причину их, и должна искать сначала ближайшую, а потом и более отдаленную причину тех явлений, которые составляют предмет ее исследований»¹.

Такой ближайшей причиной порабощения одних людей другими и являются деньги. Всем простым людям, заявляет

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 25, 1937 г., стр. 254.

Толстой, это кажется несомненным. Сам по себе этот факт— «всем простым людям это кажется несомненным»—с точки зрения Толстого, является решающим для установления истины, ибо их (простых людей) ум наиболее здравый, их ум не испорчен мнимой мудростью «науки». А вот «ученые», жрецы этой лженауки, политической экономии, отрицают порабощающее свойство денег. Они заявляют, что деньги—это весьма полезная вещь, что деньги есть безобидное орудие обмена, не имеющее ничего общего с порабощением людей.

Так ли это?—спрашивает Толстой. Обратимся к фактам. В древнем мире личное рабство было самым распространенным средством порабощения одних людей другими. В средние века таким средством порабощения было крепостное право. А с открытием Америки и наплывом золота, принятого общим денежным знаком, власть денег становится главным оружием порабощения людей.

Конечно, рассуждает Толстой, можно себе представить в воображаемом обществе, в котором деньги служат только в качестве орудия обмена. Но такого общества никогда не было и не может быть, как и не было «золотого века»—того первобытного, неиспорченного и совершенного общества, которое существовало только в представлении некоторых философов. Во всех известных нам человеческих обществах, где есть деньги, они (деньги) получают значение орудия обмена только потому, что служат средством насилия. И естественно, что главное назначение их не в том, чтобы служить средством обмена, а в том, чтобы служить насилию.

Больше того—и тут чрезвычайно любопытное рассуждение:—там, где есть насилие, деньги не могут служить правильным средством обмена, ибо «насильник», ограбивший деньги и отдающий их потом за произведения труда, не обменивает продукт на продукт, а только берет посредством денег все то, что ему нужно. Причем деньги являются наиболее удобным для угнетателей способом порабощения людей. «Там.—пишет он,—где в обществе существует насилие одного человека над другим, значение денег, как мерил ценности, тотчас же подчиняется произволу насильника, и значение их, как средства обмена произведений труда, заменяется другим значением — самого удобного средства пользования чужим трудом»¹.

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 25, 1937 г., стр. 270.

Всякое порабощение одного человека другим, развивает дальше свою мысль Толстой, основано только на том, что один человек может заставить другого исполнять свою волю. Способов порабощения три: первый—личное рабство, второй—порабощение голодом, третий—порабощение деньгами.

Первый способ порабощения самый простой, но он, при усложнении жизни, представляет большие неудобства для насильника. Насильнику приходится заботиться о своих рабах, кормить и одевать их, содержать их так, чтобы они были способны работать. Ему приходится также «беспынно—с угрозой убийства стоять над порабощенным». И вот вырабатывается второй способ порабощения—более выгодный, более удобный для угнетателя: порабощение голодом.

Выгоды второго способа состоят для насильника в следующем: 1) он уже более не обязан содержать порабощенных, заботиться о них; он уже не должен усилиями и угрозами принуждать рабочих исполнять его волю, «а рабочие сами приходят и продаются ему»; 2) при этом способе уже значительно меньшее количество людей ускользает от его насилия. Но и этот способ порабощения не удовлетворяет вполне желаниям сильного: как можно больше отобрать произведений труда от наибольшего числа работников и поработить как можно большее число людей. Вырабатывается третий способ порабощения—порабощение деньгами. Устанавливается третья форма рабства—рабства денежного.

Выгоды третьего способа состоят для угнетателей в том, что посредством этого способа может быть отобрано большее количество труда и более удобным способом. И хотя насильные формально получают личную независимость, на деле их положение становится гораздо тяжелее, и они лишаются большей части произведений своего труда. Фактически они еще больше зависимы от своих работодателей.

Все эти три способа, говорит Толстой, можно сравнить с винтами, прижимающими ту доску, которая наложена на рабочих и давит их. И самое странное это то, что именно тот самый способ, на котором «в данное время», т. е. в капиталистическом обществе, зиждется все порабощение, тот главный винт, на котором держится доска, наложенная на рабочих—«денежное рабство», он-то и не замечается «наукой», т. е. политической экономией.

История повторяется, заявляет Толстой, в различных вариантах. В древнем мире величайшие умы того времени не

видели всей несправедливости личного рабства. И Ксенофону, и Платону, и Аристотелю, жившим в рабовладельческом обществе, казалось, что не может быть иначе и что рабство неизбежно и справедливо. В средние века крупнейшие ученые считали нормальным и естественным крепостное право. Точно также и «современная наука» не видит всей мерзости «денежного рабства».

«Не удивительно то,—пишет он, — что сами рабы, с древнейших времен подвергаемые рабству, не сознают своего положения и считают то свое положение рабства, в котором они жили всегда, естественным условием человеческой жизни и видят облегчение в перемене формы рабства. Не удивительно и то, что рабовладельцы иногда искренно думают освободить рабов, отпуская один винт, когда другой уже затянут туго. И те, и другие привыкли к своему положению, и одни—рабы, не зная свободы, ищут только облегчения или хоть только перемены формы рабства; другие — рабовладельцы, желая скрыть свою неправду, стараются приписывать особенное значение тем новым формам рабства, которые они взамен старых налагают на людей. Но удивительно то, каким образом наука, так называемая свободная наука, может, исследуя экономические условия жизни народа, не видеть того, что составляет основу всех экономических условий. Казалось бы, дело науки—отыскивать связь явлений и общую причину ряда явлений. Политическая же экономия (т. е. буржуазная политическая наука—**Авт.**) как раз делает обратное: она старательно скрывает связь явлений и значение их, старательно избегает ответов на самые простые и существенные вопросы; она, как ленивая, заминающаяся лошадь, идет хорошо только под горку, когда везти нечего; но как только надо везти, так сейчас же закидывается в сторону, притворяясь, что ей нужно идти куда-то в сторону, по своему делу. Как только науке представляется серьезный существенный вопрос, так тотчас же начинаются научные рассуждения о предметах, не идущих к вопросу и имеющих одну цель—отвлечь внимание от вопроса»¹.

Толстой особенно подчеркивает свою мысль о служебной роли буржуазной политической экономии в капиталистическом обществе: не по глупости своей, не по невежеству она («наука») запутывает вопрос, «скрывает связь явлений»; она это делает с определенной целью. Цель эта заключается в том,

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 25, 1937 г., стр. 282.

чтобы оправдать неравенство людей, оправдать порабощение одних людей другими, оправдать тот эксплуататорский строй, который выгоден «насильникам»—эксплуататорам и угнетателям.

Рассуждения Толстого о деньгах, как и о буржуазной политической экономии.—«с точки зрения простых людей», «просто здравого смысла»—весьма далеки от подлинно научного понимания вопроса.

Толстой не видит того, что деньги (в качестве всеобщего эквивалента для всех товаров) появились в истории человеческого общества не по произволу «насильников», а в силу определенной исторической закономерности. Деньги воплощают в себе общественный труд и выражают производственные отношения между товаропроизводителями—производственные отношения, складывающиеся независимо от воли людей.

Толстой не видит того, что деньги сами по себе не обладают какой-то имманентной «порабощающей силой», что «власть денег» в буржуазном обществе—это выражение той специфической формы эксплуатации, которая характерна для капиталистического способа производства.

Толстой не видит того, что не «государственное насилие» определяет порабощение людей, эксплуатацию и угнетение, а объективные экономические законы. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс писал о том, что в капиталистическом обществе рабочий относится к продукту своего труда как к предмету чуждому, враждебному, могущественному, от него не зависящему, и этим самым он относится к нему (продукту своего труда) так, что хозяином этого предмета является другой, чуждый ему, враждебный, могущественный человек. «Подобно тому,—пишет Маркс,—как он (рабочий—Авт.) свою собственную производственную деятельность превращает в свое выключение из действительности, в кару для себя, а его собственный продукт им утрачивается, становится продуктом, ему не принадлежащим, точно так же он порождает власть того, кто не производит, над производством и над продуктом»¹. И на этой экономической кабале базируются все другие, в том числе и государственная, формы кабалы. Все кабальные отношения в капиталистическом

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, Москва, 1956 г., стр. 569.

обществе являются, по выражению Маркса, видоизменениями и экономической кабалы.

В «Немецкой идеологии», критикуя «истинных социалистов», утверждавших, что буржуазное общество держится на «внешнем принуждении», Маркс и Энгельс отмечают, что само «внешнее», т. е. государственное, принуждение представляет собой лишь «следствие его собственного (капиталистического общества—Авт.) расчленения»¹.

К этому своему положению Маркс и Энгельс неоднократно возвращаются. В статье «Коммунисты и Карл Гейнцен» Энгельс указывает на то, что государственная власть не может быть источником и оплотом всякого беспорядка. Источник «беспорядка» — отношения собственности, которые являются «необходимым результатом присущего этой эпохе способа производства и обмена»². Иными словами, господство — подчинение в человеческом обществе создается экономической закономерностью. Само «государственное принуждение» тоже порождается, в конечном итоге, экономической необходимостью. Именно в этом смысле Маркс в 1-м томе «Капитала» характеризует государство как «концентрированное и организованное общественное насилие».

Толстой совершенно не разобрался в самой сущности того «насилия», того «порабощения людей», которое он с такой искренностью, с такой силой чувства бичевал.

Не разобрался Толстой и в буржуазной политической экономии.

Толстой говорит о буржуазной политической экономии, как о какой-то единой «науке». Между тем, совершенно ясно, что одно дело классическая буржуазная политическая экономия Смита и Рикардо, а другое дело вульгарная политическая экономия, и уже совсем иное дело современная насквозь фальшивая и лживая, сугубо апологетическая буржуазная политическая экономия.

При его подходе к буржуазной политической экономии, Толстого, естественно, не интересуют различные направления и школы этой «лженауки» и, в частности, разбирая вопрос о деньгах, он даже не «замечает», что и по этому вопросу — по вопросу о деньгах — имеются в буржуазной науке различные теории: государственная, количественная и т. д.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. второе, т. 3, стр. 483.

² Там же, т. 4, стр. 273—274.

Толстой знал «одной лишь думы власть», еѣ занимала одна и единственная проблема — проблема счастья миллионов и миллионов «простых людей». Все остальное его мало интересовало. С такой позиции он и подходит к «денежному рабству» и к буржуазной политической экономии, так нагло и бессгднѣ оправдывающей это рабство. Подход, разумеется, наивный. Но, вместе с тем, Толстой с огромной силой, свойственной гениальному художнику, делает буквально о с я з а е м ы м и всю несправедливость и жестокость капиталистического строя, всю фальшь буржуазной политической экономии, единственной задачей которой является обосновать правомерность этой «третьей формы рабства».

Заслугой Толстого является то, что по-своему, на свой лад, «с точки зрения простого здравого смысла», он сумел раскрыть угнетательскую сущность буржуазной демократии, буржуазной «свободы». Он убедительно показал, что строй «свободного предпринимательства», который так восхваляли и с таким усердием в наши дни восхваляют буржуазные идеологи,— это строй «денежного рабства», т. е. строй наемного рабства, исключаящий свободу и равенство людей, строй, при котором тунеядцы и паразиты живут за счет того, что грабят трудовой народ и прикрывают этот грабеж мнимой «личной независимостью».

С вопросом о сущности денег—по Толстому—неразрывно и органически связан и другой вопрос: о сущности государства. Он его разбирает как в указанной работе («Так что же нам делать?»), в которой он излагает свои взгляды на деньги, так и в других работах.

Дело в том, что, с его (Толстого) точки зрения, основное в деньгах—это «насильническая» функция. А главным аппаратом насилия является государство. Именно государство при помощи денег и осуществляет насилие над трудовым народом. Это, правда, не совсем согласуется с его тезисом об имманентной «порабощающей силе денег». Но Толстого это мало смущает, ибо во всех его рассуждениях о деньгах его занимает только вопрос о насилии одних людей над другими.

Что такое буржуазное государство? Толстой отвечает: буржуазное государство—это орган господства паразитического, развращенного меньшинства над трудовым народом, над огромными массами трудящихся, стонущих под гнетом своих угнетателей, несмотря на их архилиберальные декларации и конституции.

«Государство,—пишет он иронически,—должно существовать для блага народа и исполнять свои дела: управлять народом, защищать его от врагов»¹. Да ведь это же вреднейшее «политическое суеверие». Ведь все современное политическое устройство буржуазного общества базируется на том,—об этом он пишет в статье «О государстве»,—что люди вооруженные, грубые, жестокие грабят трудолюбивых, безобидных людей, а «для более широкого распространения своего грабежа и упрочения его они угрозами, а главное подкупом, а то и тем, и другим вместе, из ограбляемых подбирают себе помощников в ограблении». На этом и основаны «...всевозможные государственные учреждения: разные сенаты, советы, парламенты, императоры, короли»².

Толстой не сумел разобраться в подлинной сущности эксплуататорского государства, не сумел разобраться в том, каковы те исторические условия (появление частной собственности на средства производства и раскол общества на непримиримо враждебные классы), которые породили государство. Отсюда его наивные рассуждения о том, что алчные, жадные, властолюбивые люди в своих корыстных, эгоистических интересах «придумали» все эти государственные учреждения, кодексы, законы буржуазного общества, чтобы властвовать над трудовым народом. В «Письме студенту о праве» он пишет: «...Ясно, что то, что скрывается под словом «право», есть не что иное, как только самое грубое оправдание тех насилий, которые совершаются одними людьми над другими.

Но права эти определяются законами, говорят на это «ученые». Законами? Да, но законы-то эти придумываются теми самыми людьми, будь они императоры, короли, советники императоров и королев, или члены парламентов, которые живут насилиями и потому ограждают эти насилия устанавливаемыми ими законами»³.

Не менее наивными являются рассуждения Толстого о том, что все дело в «государственном насилии», благодаря которому деньги и порабащают людей. Он не видит и не понимает того, что не государство порождает неравенство между людьми, эксплуатацию и угнетение человека человеком, что неравенство и эксплуатация порождаются объективными законами общест-

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 25, 1937 г., стр. 284.

² Там же, т. 38, 1936 г., стр. 291.—292.

³ Там же, т. 38, 1936 г., стр. 56.

венного развития. Государство же является продуктом раскола общества на эксплуататоров и эксплуатируемых и имеет своей задачей закрепить этот раскол, держать в узде эксплуатируемые массы. Не разобравшись в сущности государства, он приходит к утогическому, анархическому отрицанию всякого государства.

При всем этом обличение эксплуататорской, угнетательской сущности буржуазного государства дано Толстым с огромной силой и исключительной наглядностью.

В своей статье «Единое на потребу» Толстой показывает, что вся история эксплуататорского государства со времен реформации—это непрерывный перечень самых ужасных, бессмысленно жестоких преступлений, совершаемых угнетателями против своих и чужих народов, грабежи, разорение и обнищание населения своих стран, непрестанные войны и подчинение или истребление народностей чужих стран, измены, лжи, коварства, пытки, тюрьмы и казни ни в чем не повинных людей. Вся деятельность правительств в эксплуататорском обществе и заключается в том, чтобы поддержать грабеж, эксплуатацию и угнетение человека человеком. Это и делают «...Рузвельты (Толстой имел в виду президента США Теодора Рузвельта — Авт.), Николай II, Чемберлены и Вильгельмы с своими помощниками и парламентами»¹.

Толстой разоблачает душевную пустоту, жестокость, нравственное оупление, лицемерие и фальшь правящих паразитических классов. Ссылаясь на «Князя» Макиавелли, он показывает, что грабительская сущность эксплуататорского государства обуславливает то, что властвуют в нем всегда самые жестокие, самые хищные, самые лживые и безнравственные люди.

Но они, эти «правители», не только самые жестокие, они и самые хитрые. Вот им и удалось «придумать» такую «безобидную» штуку, как деньги, в качестве самого удобного средства порабощения людей. «Денежное рабство» такое же страшное зло, как и личное рабство. «Участие в рабстве со стороны рабовладельца состоит в пользовании чужим трудом, все равно, зиждется ли рабство на моем праве на раба или на моем владении землею или деньгами»². Оно только более утонченное, замаскированное, прикрытое, а потому и более коварное. Не мало честных людей, заявляет Толстой, по слепоте своей,

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 36, 1934 г., стр. 178.

² Там же, т. 25, 1937 г., стр. 293.

заблуждаясь не видит всего ужаса рабства «современного», т. е. буржуазного образа жизни. Что касается буржуазной политической экономии, а также юридических наук, то они сознательно защищают насилие, угнетение человека человеком, рабство, самым бесчестным образом используя видимость «личной независимости» в капиталистическом обществе для «апологии насилия». Фактически же «современное», т. е. капиталистическое, общество—это общество, в котором господствует рабовладельческий строй, общество, по его словам, «безличного рабства».

* *
*

Во взглядах и учении Толстого особое место занимает его отношение к частной земельной собственности. В дневниках и письмах своих он отмечает, что земельный вопрос беспрестанно «мучает его». Он мучает его даже во сне. В письме к Т. Л. Сухотиной (П. А. Полилову) (6—7 ноября 1909 г.) Толстой пишет о том, что «мучает то глупое, дерзкое решение этого вопроса («вопроса о земле, т. е. земельном рабстве»—**Авт.**), которое принято нашим несчастным правительством, и то полное непонимание его людьми общества, считающими себя передовыми... Вопрос этот так мучает меня, что я на днях видел очень яркий сон, в котором среди общества «ученых», оспаривая их взгляды, излагал тот самый взгляд на существующую вопиющую несправедливость земельной частной собственности, который так прекрасно выражен в вашей статье»¹. (Дочь Льва Николаевича, Т. Л. Сухотина, много лет занималась теорией Генри Джорджа и решила написать о ней популярный очерк. Начало своей работы она послала отцу под псевдонимом П. А. Палилова, чтобы получить беспристрастный ответ. Приведенное письмо Толстого является ответом на статью П. А. Палилова. Только через некоторое время Лев Николаевич узнал, что эта статья написана дочерью.)

В «Дневнике» в том же году он записывает (10 июня 1909 г.): «Земля у господ. Тоже вопиющее рабство»².

Земельный вопрос не случайно занимает доминирующее место в его мировоззрении. Ленин писал, что Толстой велик

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 80, 1955 г., стр. 117.

² Там же, т. 57, 1952 г., стр. 81.

как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления крестьянской буржуазной революции 1905 г. в России. Сам Толстой именовал себя «адвокатом земледельческого народа». В письме к В. В. Стасову (18 октября 1905 г.) он пишет: «Я во всей этой революции состою в звании, добро и самозвольно принятом на себя, адвоката 100-миллионного земледельческого народа. Всему, что содействует или может содействовать его благу, я сорадуюсь, всему тому, что не имеет этой главной цели и отвлекает от нее, я не сочувствую»¹.

С точки зрения Толстого причиной в всех бедствиях в современном ему обществе является отнятие у народа его естественного права на землю. Говоря о «естественном праве», он это понятие употребляет в своем—толстовском—понимании, а не в том смысле, в каком это понятие употреблялось представителями доктрины естественного права в XVII и XVIII веках (Гуго Гроций, Джон Локк, Жан-Жак Руссо и др.). Толстой говорит о естественном праве каждого на землю в том же смысле, в каком каждый имеет право на воздух, на солнце и т. д. Он не признает этого искусственного, выдуманного, вымышленного права собственности на землю. «Земля — ничья, земля божья». Всем работающим, всем желающим работать хватит земли—этого основного источника всех благ.

Главное и определяющее зло «современного», т. е. капиталистического, общества, по мнению Толстого, заключается в том, что насилием и хитростью землю захватили в свои руки господствующие классы. Они (господствующие классы) ограбили трудовой народ и установили «земельное рабство». В «Круге чтения» он записывает мысль Генри Джорджа: «Сущность рабства заключается в предоставлении одному человеку власти брать труд другого, не вознаграждая его. Частная собственность на землю предоставляет эту власть в такой же мере, как и право собственности на раба. Рабовладелец должен оставлять своему рабу из добываемого его трудом столько, сколько тому требуется для жизни. И разве более этого получает огромная масса рабочих в так называемых свободных странах?»².

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 76, 1956 г., стр. 45.

² Там же, т. 41, 1957 г., стр. 255—256

Это основное зло (лишение трудящихся принадлежащей им земли) является причиной всех революций. И никакие политические реформы, никакие изменения в политическом строе ни к чему хорошему не приведут, пока не будет искоренено основное зло: поземельная собственность. Больше того. Именно уничтожение этого зла, освобождение трудового народа от земельного рабства создаст условия для того, чтобы изменения в политическом строе дали подлинную свободу народу. В статье «Великий грех» (1905 г.) он писал: «...то главное зло, от которого не переставая жестоко страдает весь русский народ, зло, которое он живо сознает и о котором не переставая заявляет, не может быть устранено никакими политическими реформами, как оно не устранено никакими политическими реформами в Европе и Америке. Зло это, основное зло, от которого страдает русский народ точно так же, как народы Европы и Америки, есть лишение большинства народа несомненного, естественного права каждого человека пользоваться частью той земли, на которой он родился. Стоит только понять, что пока не будет прекращено это постоянное, совершаемое земельными собственниками злодеяние, никакие политические реформы не дадут свободы и блага народу, а что, напротив, только освобождение большинства людей от того земельного рабства, в котором оно находится, может сделать политические реформы не игрушкой и орудием личных целей в руках политиков, а действительным выражением воли народа»¹.

Нужда крестьян была хорошо известна Толстому. Русского мужика он любил до «боли душевной». Когда в 1891—1893 годах разразился исключительный по своим бедствиям голод в России, Толстой, естественно, был этим очень встревожен и лично принял—в меру своих сил и возможностей в условиях того времени—самое активное участие в организации помощи голодающим. Помимо непосредственного личного участия в оказании помощи голодающим, Толстой в 1891 году, в начале голода, написал взволнованную статью (буквально «крик души») «О голоде», чтобы привлечь к этому страшному народному бедствию общественное мнение.

В этой статье Толстой не ограничивается описанием ужасов начавшегося голода. Он обрушивается на весь строй, который порождает нищету и голод. Он доказывает, что разразившееся бедствие в таких размерах не может быть

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 36, 1936 г., стр. 207.

следствием одного только неурожая. Дело гораздо глубже. Неурожаем только показал, что «струна слишком натянута». Причина голода коренится в самом стресе, который лишил крестьян их земли. Он писал:

«Народ голоден оттого, что мы слишком сыты. Разве может не быть голоден народ, который в тех условиях, в которых он живет, то есть при тех податях, при том малоземельи, при той заброшенности и одичании, в котором его держат, должен производить всю ту страшную работу, результаты которой поглощают столицы, города и деревенские центры жизни богатых людей»¹.

«Вольтер говорил, что если бы возможно было, пожав шишечку в Париже, этим пожатием убить мандарина в Китае, то редкий парижанин лишил бы себя этого удовольствия.

Отчего же не говорить правду? Если бы, пожавши пуговку в Москве или Петербурге, этим пожатием можно было убить мужика в Царевококшайском уезде и никто бы не узнал про это, я думаю, что нашлось бы мало людей из нашего (дворянского, богатого—**Авт.**) сословия, которое воздержалось бы от пожатия пуговки, если бы это могло им доставить хоть малейшее удовольствие...

Разве теперь, когда люди, как говорят, мрут от голода, помещики, купцы, вообще богачи изменили свою жизнь, перестали требовать от народа для удовлетворения своих прихотей губительного для него труда, разве перестали богачи убирать свои палаты, есть дорогие обеды, обгоняться на своих рысаках, ездить на охоты, наряжаться в свои наряды? Разве теперь богачи не сидят со своими запасами хлеба, ожидая еще больших повышений цен, разве фабриканты не сбивают цен с работы? Разве чиновники перестают получать жалование, собираемое с голодных? Разве все интеллигентные люди не продолжают жить по городам—для своих, послушать их, самых возвышенных целей, пожирая там, в городах, эти свозимые для них туда средства жизни, от отсутствия которых мрет народ?»².

Эта статья, разумеется, вызвала «бурю негодования» в реакционных кругах России. Черносотенные «Московские ведомости» подняли погромную травлю Толстого. Они писали, что «пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, перед которым бледнеет даже на-

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 29, 1954 г., стр. 106.

² Там же, стр. 108.

ша подпольная пропаганда», что она (эта пропаганда) направлена на ниспровержение «всего существующего во всем мире социального и экономического строя». Министр внутренних дел Дурново докладывал об этой статье Толстого Александру III: по своему содержанию она должна быть приравнена «к наиболее возмутительным революционным воззваниям»¹.

Толстой отнесся спокойно ко всей этой травле. В письме к жене, Софье Андреевне (28 февраля 1892 г.), он пишет: «Я по письму милой Александры Андреевны вижу, что у них (реакционеров—Авт.) тон тот, что я в чем-то провинился и мне надо перед кем-то оправдываться. Этот тон надо не допускать. Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам, уже 12 лет, и пишу не нечаянно, а сознательно, и не только оправдываться в этом не намерен, но надеюсь, что те, которые желают, чтобы я оправдывался, постараются хоть не оправдаться, а очиститься от того, в чем не я, а вся жизнь их обвиняет»².

В. И. Ленин очень высоко ценил статью Толстого «О голоде». В 1902 году Ленин в «Признаках банкротства» (речь идет о банкротстве самодержавия) писал: «Государственный строй, искони державшийся на пассивной поддержке миллионов крестьянства, привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться». «С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следуют одна за другой. В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается. Это была, действительно, нелепая идея»³. (Статья Толстого «О голоде» была написана в 1891 году и в России впервые была напечатана, переделанная и сглаженная, под заглавием «Помощь голодным», в 1892 г. в «Книжках Недели». Это издание и цитирует Ленин).

Надо еще раз подчеркнуть, что вопрос о частной земельной собственности занимает особое место в системе взглядов Толстого. Он считал, что причиной всех бедствий в современном капиталистическом обществе, причиной бедственного по-

---

1 Н. Н. Гусев, *Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого*, 1936 г., стр. 465.

2 Л. Н. Толстой, *Полное собрание сочинений*, т. 84, 1949 г., стр. 128.

3 В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 6, стр. 67.

ложения не только крестьян, но и рабочих (в городах) является лишение трудового народа его права на землю. «Фабричное рабство», с его точки зрения, прямое и непосредственное следствие «земельного рабства».

В работе «Рабство нашего времени» (эту работу он рассматривает как продолжение своего трактата «Так что же мне делать?») Толстой дает яркую картину бесчеловечной эксплуатации рабочих в капиталистическом обществе. Но в чем причина «бедственного положения рабочих»? В чем причина того, что рабочий на капиталистической фабрике превращен в механический придаток машины? В чем причина того, что рабочий становится рабом капиталиста, хотя формально он (рабочий) «свободен»?

«Ответ на эти вопросы,—пишет он в указанной работе,—должен состоять в указании причин, лишивших рабочих естественных условий жизни среди природы и пригнавших их в фабричную неволю, и в указании средств избавления рабочих от необходимости перехода из свободной деревенской жизни в подневольную фабричную.

И потому в вопросе о том, почему рабочие в городах находятся в бедственном положении, заключается прежде всего вопрос о том, какие причины выгнали этих людей из деревни, где они или их предки жили и могли бы жить, и у нас в России и теперь еще живут такие люди, и что пригнало и пригоняет их против их желаний на фабрики и заводы.

Если же есть такие рабочие, которые, как в Англии, Бельгии, Германии, уже несколько поколений живут на фабриках, то и эти живут так не по своей воле, а потому, что их родители, деды или прадеды были чем-то вынуждены променять земледельческую жизнь, которую они любили, на жизнь в городе и на фабрике, которая им представлялась тяжелой. Сельское население сначала насильственно обезземеливали, говорит К. Маркс, изгоняли и доводили до бродяжничества, а затем, в силу жестоких законов, его пытали, клеймили каленым железом, наказывали плетью с целью подчинить требованиям наемного труда. И потому вопрос о том, как избавить рабочих от их бедственного положения, казалось бы, естественно сводится к вопросу о том, как устранить те причины, которые выгнали уже некоторых и теперь выгоняют и хотят выгнать остальных из того положения, которое эти люди считали и считают

хорошим, и пригнали и пригоняют в то положение, которое они считали и считают дурным»¹.

Слабость позиции Толстого в этом вопросе совершенно очевидна. Он не разобрался в характере капиталистической эксплуатации, не понял причин, порождающих то «безличное рабство», которое он с такой силой бичевал. Он прошел мимо гениальнейшего учения Маркса о прибавочной стоимости. На ошибочность этих рассуждений Толстого указывал В. И. Ленин в статье «Л. Н. Толстой и его эпоха». Ленин писал: «Для Толстого этот «голышко укладывающийся» буржуазный строй рисуется смутно в виде пугала—Англии. Именно: пугала, ибо всякую попытку выяснить себе основные черты общественного строя в этой «Англии», связь этого строя с господством капитала, с ролью денег, с появлением и развитием обмена, Толстой отвергает, так сказать, принципиально. Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что «укладывается» в России никакой иной, как буржуазный строй»².

И именно потому, что отнятие земли у народа Толстой считал причиной всего зла в современном ему обществе, он так страстно и гневно обрушился на «земельное рабство».

Каков выход?

Толстой прекрасно понимал, что из рук царского правительства крестьяне земли не получают—си был для этого политически достаточно зорок. В упомянутой нами статье «Великий грех» Толстой отмечает, что освобождение крестьян в России свершено не Александром II, а преимущественно такими людьми, как Новиков, Радищев, декабристы, теми людьми, которые готовы были страдать и страдали сами ради верности тому, что они признавали правдой. Точно также и сейчас, заявляет он, земельный вопрос будет решен не правительством, не правящими кругами, а теми людьми, которые искренно хотят блага народу. «Я верю, что такие люди есть теперь и что они сделают то великое, не одно русское, а всемирное дело (разр. наша—Авт.), которое предстоит русскому народу»³. Толстой неоднократно подчеркивал всемирно-историческую задачу России: внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности. В 1865 году он заносит

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 34, 1952 г., стр. 157—158.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 29—30.

³ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 36, 1936 г., стр. 229.

в «Записную книжку»: «Всемирно-народная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности.

«Собственность—кража» останется больше истиной, чем истина английской конституции, до тех пор, пока будет существовать род людской. — Это истина абсолютная, но есть и вытекающие из нее истины относительные — приложения. Первая из этих относительных истин есть воззрение русского народа на собственность. Русский народ отрицает собственность самую прочную, самую независимую от труда, и собственность, более всякой другой стесняющую право приобретения собственности другими людьми, собственность поземельную... Эта идея имеет будущность. Русская революция только на ней может быть основана»¹. Через сорск лет, в 1905 году, предчувствуя приближение «неизбежного переворота» в России, он писал о том, что радикальное разрешение земельного вопроса, разрешение, которое «будет эрой в истории человечества», предстоит именно русскому народу, по своему духовному и экономическому складу «предназначенному для этого великого, всемирного дела»².

Толстой, разумеется, не понимал самой сути частной земельной собственности—ни экономической, ни юридической ее природы. Он не знал, каковы те общественные закономерности, которые приводят к установлению частной собственности на землю в разных ее формах. Он поэтому и не знал, каковы те реальные пути, которые могут привести к избавлению от «земельного рабства». Пути же, которые он предлагал, были явно утопичны.

Хотя Толстой и понимал, что царское правительство не даст крестьянам земли, тем не менее он обращался то к царю, то к П. А. Столыпину (министру внутренних дел и председателю совета министров) с призывом отменить частную поземельную собственность.

Ему, Толстому, ведь это так ясно: земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает; лишение трудового народа столь необходимой ему земли—причина голода и нищеты в стране; люди трудовые, ограбленные, лишенные земли, уходят в города, становятся рабами фабрикантов, получают нищен-

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 48, 1952 г., стр. 85.

² Там же, т. 36, 1936 г., стр. 230.

скую плату за свой непосильный, изнурительный труд; голод и нищета—причина недовольства, волнений, восстаний, террористических актов, революционного движения; жизнь господствующих классов отравлена буквально животным страхом, неуверенностью в завтрашнем дне. Не разумнее ли вернуть трудовому народу принадлежащую ему землю, восстановить мир в стране и жить спокойной жизнью?

В письме к Николаю II 16 января 1902 года он писал: «Треть России находится в положении усиленной охраны, т. е. вне закона. Армия полицейских — явных и тайных—все увеличивается. Тюрьмы, места ссылки и каторги переполнены, сверх сотен тысяч уголовных, политическими, к которым причисляю теперь и рабочих... Везде в городах и фабричных центрах сосредоточены войска и высылаются с боевыми патронами против народа. Во многих местах уже были братоубийственные кровопролития и везде готовятся и неизбежно будут новые и еще более жестокие».

«Мерами насилия можно угнетать народ, но нельзя управлять им. Единственное средство в наше время, чтобы действительно управлять народом, только в том, чтобы, во главе движения народа от зла к добру, от мрака к свету, вести его к достижению ближайших к этому движению целей. Для того же, чтобы быть в состоянии сделать это, нужно прежде всего дать народу возможность высказать свои желания и нужды, и, выслушав эти желания и нужды, исполнить те из них, которые будут отвечать требованиям не одного класса или сословия, а большинству его, массе рабочего народа

И те желания, которые выскажет теперь русский народ, если ему будет дана возможность это сделать, по моему мнению, будут следующие:

Прежде всего рабочий народ скажет, что желает избавиться от тех исключительных законов, которые ставят его в положение пария, не пользующегося правами всех остальных граждан; потом скажет, что он хочет свободы передвижения, свободы обучения и свободы исповедания веры, свойственной его духовным потребностям; и, главное, весь стомиллионный народ в один голос скажет, что он желает свободы пользования землей, т. е. уничтожения права земельной собственности»¹.

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 73, 1954 г., стр. 185—188.

Особый интерес представляет в этом письме то, что вопрос об отмене частной собственности на землю Толстой связывает с общим вопросом о политической свободе, о ликвидации самодержавия. Он пишет царю: «Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в центральной Африке, отделенной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением. И поэтому поддерживать эту форму правления и связанное с ним православие можно только, как это и делается теперь, посредством всякого насилия: усиленной охраны, административных ссылок, казней, религиозных гонений, запрещения книг, газет, извращения воспитания, вообще всякого рода дурных и жестоких дел»¹.

В наше время, продолжает Толстой в этом письме, земельная собственность есть столь же вопиющая и очевидная несправедливость, какой было крепостное право 50 лет тому назад. Самой главной, самой злободневной задачей в России является уничтожение частной поземельной собственности. Возвращение земли народу «поставит русский народ на высокую степень независимости, благоденствия и довольства». Как решить вопрос о земле должен сам народ. Для этого народу должна быть предоставлена полная возможность высказаться. «Так что, во всяком случае, первое дело, которое теперь предстоит правительству, это уничтожение того гнета, который мешает народу высказать свои желания и нужды. Нельзя делать добро человеку, которому мы завяжем рот, чтобы не слышать того, чего он желает для своего блага. Только узнав желания и нужды всего народа или большинства его, можно управлять народом и сделать ему добро»².

В черновом наброске этого письма Толстой еще резче высказывает свои мысли, доводит до сведения царя, что недовольство правительством, озлобление против него растут во всех сословиях, «кроме чиновников, паразитов правительства», и что никто уже ничего не ждет от правительства, все осуждают его и все ждут переворота. Этот переворот «развязал бы или разорвал ту петлю, которая все туже и туже затягивает

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 73, 1954 г., стр. 187.

² Там же, стр. 190.

горло всего народа»¹. А самое главное — решить земельный вопрос.

Как же вернуть землю трудовому народу? Как решить земельный вопрос?

Толстой считает, что надо исходить из совершенно очевидной и бесспорной истины: земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею. Следовательно, земля не должна и не может быть собственностью отдельных людей. Право частной земельной собственности должно быть уничтожено. В письме к П. А. Столышину он писал: «Для того, кто понимает этот вопрос в его истинном значении, должно быть ясно, что право владения как собственностью хотя бы одним осьминником земли, будь владелец распрокрестьянин, так же незаконно и преступно, как владение богачем или царем миллионом десятин. И потому вопрос не в том, кто владеет землей и каким количеством, а в том, как уничтожить право собственности на землю и как сделать пользование ею одинаково доступным всем»².

Таким образом, по Толстому, частная собственность на землю, — если даже равномерно распределить эту землю, — представляет собой зло, ибо право частной собственности неизбежно приводит к тому, что земля перестает быть одинаково доступной для всех. Между тем, самое важное — добиться того, чтобы все желающие работать на земле могли ею пользоваться. А для достижения этой цели Толстой предлагает «единый налог» Генри Джорджа

На протяжении многих лет Толстой неоднократно возвращался к тому способу решения земельного вопроса, который пропагандировал американский мелкобуржуазный экономист Генри Джордж. В «Круге чтения» он поместил статью: «Об освобождении земли, по учению Генри Джорджа» (изложение С. Д. Николаева, под редакцией Л. Н. Толстого)³. Он написал предисловие к русскому переводу книги Джорджа «Общественные задачи»⁴. В статье «Единственное возможное решение земельного вопроса» он дает обстоятельное изложение взгля-

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 73, 1954 г., стр. 192.

² Там же, т. 77, 1956 г., стр. 166.

³ Там же, т. 41, 1957 г., стр. 594—596

⁴ Там же, т. 36, 1936 г., стр. 300—303

дов Джорджа¹. Теория Генри Джорджа освещается Толстым в ряде других работ².

Теория Джорджа — Толстого заключалась в следующем:

Все беды в человеческом обществе происходят оттого, что земля находится в руках частных собственников. Одни имеют—на основе нелепого и несправедливого («вымышленного») права частной собственности—много земли и ее по-настоящему не используют, а другие не имеют или имеют ее так мало, что нельзя ею толком пользоваться. От этого и нищета земледельческого народа. Кроме того, из-за малоземелья люди бегут из деревни в город, сбивая цены на труд фабричных рабочих, порождая безработицу и нищету в городе. Следовательно, все беды вызываются частной поземельной собственностью.

Но как же сделать, чтобы все люди могли равно пользоваться землей? Можно силой отнять ее у тех, у кого ее много, и поровну разделить ее между работающими земледельцами. Но тут возникает целый ряд трудностей. Как разделить отчужденную землю? Во-первых, очень трудно сохранить равный раздел, не увеличивая до крайности чересполосицы и не затрудняя этим самым ведение хозяйства. Во-вторых, земли различаются по качеству: есть земли черноземные, есть песчаные; есть заливные луга; есть земли рудные, нефтеносные и т. д. Где найти точную меру для справедливого распределения всех земель?

Больше того. Есть такие люди, которым не нужна земля для обработки (живущим в городах), но которые тоже хотят пользоваться наравне с другими всем тем, что дает земля. Будут и такие, которые захотят вернуться из города в деревню, вернуться к земледельческому труду, а земля уже распределена. Как тогда быть?

Все это такие вопросы, которые не могут быть разрешены никакими комиссиями. Они (эти вопросы) неизбежно станут источником бесконечных споров и—часто еще хуже—источником новых несправедливостей.

Следовательно, решение земельного вопроса должно состоять не в отнятии земли от одних владельцев и передаче ее

---

¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 36, 1936 г., стр. 283—289.

² См. «Великий грех», Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 206—230, «Письмо крестьянину о земле», Полное собрание сочинений, т. 90, 1958 г., стр. 75—76 и др.

другим, а в уничтожении самой частной земельной собственности, в восстановлении нарушенного естественного права всех людей на землю и права каждого человека на все произведения своего труда.

Для восстановления этих прав есть только одно средство: установление на землю такого налога, который равнялся бы выгодам, предоставляемым землей ее владельцу, и замена всех других взимаемых податей и налогов Единым земельным налогом. Всякий пусть платит с земли своей столько, сколько она может приносить ренты в том году, в котором он владеет ею.

Последствием Единого налога было бы то, что крупные землевладельцы, сами не обрабатывающие своих земель, отказались бы (при обложении их земель налогом) от владения ими и передали бы их тем земледельцам, которые нуждаются в земле. Это во-первых.

Во-вторых. Деньги, собираемые с земли, пойдут в общую пользу. Дохода этого получалось бы так много, что он заменил бы все прочие налоги и сборы. Уничтожение всех тех налогов, которые теперь платят люди за предметы первой необходимости (сахар, керосин, спички и т. д.), намного уменьшит расходы трудящихся и увеличит тем самым их благосостояние.

В-третьих. Единый налог уничтожит ввозные и вывозные пошлины на товары. Восстановится свободная торговля со всем миром. Люди получают возможность пользоваться всеми произведениями природы, труда и искусства всех стран мира.

В-четвертых. Единый налог, дав доступ к земле всем трудящимся, поставил бы наемных рабочих в такое положение, при котором они не были бы вынуждены принимать те условия, которые им ставят хозяева, а сами бы для себя устанавливали условия работы. При таком независимом положении рабочих было бы то, что все облегчающие работу изобретения, которые в капиталистическом обществе служат средством порабощения рабочих, стали бы настоящим и подлинным благом.

В-пятых. Введение Единого налога, подняв благосостояние рабочих, избавит экономику от такого бедствия, как перепроизводство товаров.

Толстой был уверен в том, что претворение в жизнь плана Генри Джорджа приведет не только к справедливому распределению земли, но и к коренному улучшению всего трудового народа—и крестьян, и рабочих, и ремесленников. Больше того. Конечным итогом введения Единого налога будет провозгла-

шение земли общим достоянием всех людей данного государства и продуктов труда каждого человека неотъемлемой собственностью производителя. Все это повлечет за собой коренное изменение как общественного, так и политического строя.

Толстой приводит следующие слова Генри Джорджа из его книги «Общественные задачи»:

«Тому, кто не вник в сущность дела, может показаться смешным то, что я выставляю простое изменение в системе налогов, как величайший переворот в общественных отношениях людей. Но для того, кто следил за ходом моих мыслей в предшествующих главах, должно быть ясно, что в этом простом изменении заключается величайший из социальных переворотов—переворот или революция, в сравнении с которой ничтожны как та революция, которая уничтожила деспотизм французской монархии, так и та, которая уничтожила рабство в Соединенных Штатах»¹.

В плане Генри Джорджа Толстого, естественно, привлекал его мирный характер. Привлекал его также радикализм в решении земельного вопроса, предложенном Джорджем. Секретарь Толстого В. Булгаков записывает:

«Заговорили о Генри Джордже. Лев Николаевич говорил: — Слабая сторона Генри Джорджа в том, что он политэконом. Главный, настоящий его предмет — это борьба с рабством земельным (разр. наша—**Авт.**), как была борьба с рабством экономическим»².

Толстой не знал и не понимал буржуазной сущности всей теории Джорджа.

В свое время Маркс характеризовал проект «социалиста» Генри Джорджа как буржуазный проект. В письме к Ф. А. Зорге он писал, что Джордж «совсем не понял сущности прибавочной стоимости и потому возвращается, по примеру англичан, в мире спекулируя об обособившихся частях прибавочной стоимости, т. е. о соотношении прибыли, ренты, процента и т. д.»³.

В. И. Ленин в ряде работ возвращается к плану Генри Джорджа в связи с разработкой крестьянского вопроса.

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 36, 1936 г., стр. 300.

² В. А. Булгаков, Л. Н. Толстой в последний год его жизни, Гослитиздат, 1957 г., стр. 215.

³ Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Избранные письма, 1947 г., стр. 349.

В. И. Ленин доказывал бесполезность и реакционность попыток спасти крестьянство от натиска капитализма путем сохранения мелкого хозяйства в деревне.

Еще в 1901 году в статье «Рабочая партия и крестьянство», посвященной разработке аграрной программы РСДРП, Ленин показывает:

1) что спасение крестьянства только в союзе с рабочим классом и только в плане общей борьбы за социалистическую революцию и диктатуру пролетариата;

2) что русский крестьянин, вместе с тем, страдает не только и не столько от гнета капитализма, сколько от гнета помещиков и от остатков крепостничества. Против этих пут необходима беспощадная борьба. Марксистская партия должна оказать всяческую поддержку этой борьбе;

3) что в тогдашней русской деревне совмещались двоякого рода классовые противоположности: а) между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями и б) между всем крестьянством и всем помещичьим классом. И хотя первая противоположность очень важна с точки зрения непосредственной борьбы за социалистическую революцию и диктатуру пролетариата, хотя первая противоположность развивается и растет, вся еще в будущем, а вторая противоположность в значительной степени уже в прошлом, однако, для марксистской партии в то время наиболее существенное и наиболее практически важное имеет вторая противоположность. Вопрос о сметании остатков крепостничества имеет огромное общенациональное значение и «партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса»¹.

В. И. Ленин отмечал, что мы сделали бы ошибку, если бы стали отставать меры, способные задержать общественное развитие или искусственно оградить мелкое крестьянство от роста капитализма, от роста крупного производства, но еще более губительной была бы ошибка, если бы мы не сумели воспользоваться рабочим движением для того, чтобы распространить в крестьянстве те демократические требования, которые не выполнила реформа 1861 года.

В годы первой русской революции, когда вопрос о союзе пролетариата с крестьянством был поставлен на практическую

---

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, издание пятое, т. 4, 1959 г., стр. 433

почву, мы имеем дальнейшую разработку этого вопроса в трудах В. И. Ленина.

Развернувшееся в ходе революции 1905—1907 г. крестьянское движение показало, что требования по крестьянскому вопросу, выдвинутые первой аграрной программой РСДРП, принятой на втором съезде партии, и сводившиеся к немедленной и полной отмене выкупных платежей и оброчных сборов, к возвращению крестьянских «отрезков», были явно недостаточны. В условиях нарастающей революции В. И. Ленин считал наиболее целесообразным включить в программу партии требование национализации земли.

Национализация земли, которая осуществляется при победе революции, решительно уничтожает помещичье землевладение и становится фактором быстрого экономического и политического развития России.

Большевистская аграрная программа, которую В. И. Ленин обосновал в своей работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», как и в других работах этого периода, призывала крестьян к решительному революционному восстанию. А руководителем, гегемоном этой крестьянской буржуазной революции должен быть пролетариат.

«Интересы рабочего класса,—писал В. И. Ленин,—безусловно требуют самой энергичной поддержки им крестьянской революции,—более того: руководящей роли его в крестьянской революции»¹.

С этой позиции Ленин и расценивал проект национализации земли Генри Джорджа.

Генри Джордж, этот, по словам Ленина, «буржуазный национализатор земли», не разобрался в законах экономического развития капитализма. Он смешивал частную собственность на землю с господством капитала в земледелии. Толстой, так настойчиво пропагандировавший план Джорджа, не понимал, что осуществление этого плана означало бы интенсивное развитие капитализма в России. Не понимал Толстой и того, что национализацию земли можно было осуществить в России (в те годы) только в условиях победоносной революции, а не на основе утлического «единого налога».

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 317.

Вместе с тем, совершенно очевидно, что национализация земли—это наиболее демократическая, наиболее прогрессивная мера в условиях капитализма в деле решения земельного вопроса.

«Национализация земли,—писал В. И. Ленин,—есть не только единственный способ полной ликвидации средневековья в земледелии, но и лучший мыслимый при капитализме способ земельных распорядков»¹.

Рабочий класс, учил Ленин, должен полностью поддержать требования крестьян о национализации земли. «Опыт первого периода русской революции окончательно доказал, что победоносной она может быть только как крестьянская аграрная революция и что последняя не может выполнить целиком своей исторической миссии без национализации земли (разр. наша—Авт.)»².

В этом смысле объективно план Джорджа—Толстого был подлинно демократическим, подлинно прогрессивным. Правильно писала В. А. Лебедева в своей статье «Земельный вопрос в публицистике Л. Н. Толстого»: «Требование Толстого передать землю в руки трудового народа, выражало идею «права на землю» и «уравнительного раздела земли», которая представляла собой, как говорил В. И. Ленин, формулировку революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения...

В двух исторических тенденциях—либеральной и демократической, которые определяли исход борьбы за новую Россию, Толстой принадлежал к последней...»³.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал революционно-демократическое содержание стремлений крестьян к «равенству» и «уравнительности». «Идея равенства,—указывает Ленин,—самая революционная идея в борьбе со старым порядком абсолютизма вообще—и со старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности. Идея равенства законна и прогрессивна у мелкого буржуа-крестьянина, но

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 391.

² Там же, стр. 390.

³ «Яснополянский сборник, год 1955», Тульское книжное издательство, 1955 г., стр. 134—135.

скольку она выражает борьбу с неравенством феодальным, крепостническим»¹.

Толстой, выразитель интересов крестьянства, был неутомим в обосновании этой идеи равенства. Причем, как тонко отметил Б. Мейлах (см. его работу «Ленин и проблемы русской литературы». 1951 г., стр. 358 и след., а также его предисловие к 77--78-му томам Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, 1956 г., стр. X), Толстой выражал интересы и идеи крестьянства не только в целом, но и в деталях. В частности, решение земельного вопроса по Генри Джорджу, которое так страстно отстаивал Толстой, тоже нашло сторонников среди крестьянства.

Кропотов, крестьянин, выступая в III Государственной думе (в качестве депутата от Вятской губернии), говорил: «Чтобы быть справедливым, нужно сбложить единственным налогом землю (т. е. «единым налогом»—Авт.), и тогда будет незавидно: кто не хочет работать, тот не будет платить». В. И. Ленин писал по этому поводу в статье «Аграрные прения в III Думе»: «Сколько не испытанных еще в борьбе сил, сколько стремления к борьбе в этой наивной речи! Желая избежать «принудительного отчуждения», Кропотов на деле предлагает меру, которая равняется конфискации помещичьих земель и национализации всей земли! Что «единственный налог» этого сторонника учения Джорджа равносильна национализации всей земли, этого Кропотов не понимает, то что он передаст действительное стремление миллионов, — в этом не может быть и тени сомнения»².

Толстой гневно обрушивался не только на поземельную собственность, но на частную собственность вообще. «Собственность есть корень всего зла»—вот вывод, к которому он приходит. «Государства — правительства интригуют и воюют из-за собственности: берегов Рейна, земли в Африке, в Китае, земли на Балканском полуострове. Банкиры, торговцы, фабриканты; землевладельцы трудятся, хитрят, мучаются и мучают из-за собственности; чиновники, ремесленники, землевладельцы

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 214.

² Там же, т. 15, стр. 285. Выдержки из выступления Кропотова приводятся в статье Ленина.

бьются, обманывают, угнетают, страдают из-за собственности; суды, полиция охраняют собственность»¹.

Люди привыкли думать, рассуждает Толстой, что собственность есть что-то действительно принадлежащее человеку. На этом основании мы совершенно одинаково гозорим: моя собственная рука и мой собственный дом. Но ведь это же глубокое заблуждение, это «суеверие». Моим («собственным») является мое тело, мой язык; моими («собственными») являются мои ноги, руки, уши, глаза. Что же касается внешних предметов (земли, дома, орудий производства и т. д.), то они—по природе своей—не могут быть моими (собственными), ибо они вне меня. Люди искусственно объявили их собственностью, люди выдумали **собственность**. Но это не просто невинная выдумка. Это выдумка, которая повлекла за собой страшные последствия. Собственность стала «средством пользования трудом других», средством эксплуатации и угнетения. «Собственность значит то, что дано, принадлежит мне одному исключительно, то, чем я могу сделать всегда все, что хочу, то, чего никто не может отнять у меня, что останется моим до конца моей жизни, и то, что я именно должен употреблять, увеличивать, улучшать. Такая собственность для каждого человека ведь есть только он сам. А между тем в этом самом смысле и разумеется обыкновенно воображаемая (разр. наша—Авт.) собственность людей, та самая, во имя которой (для того, чтобы делать невозможное—эту воображаемую собственность сделать действительной) и происходит все страшное зло мира: и война, и казнь, и суды, и остроги, и роскошь, и разврат, и убийства и гибель людей»².

В данных рассуждениях Толстого о собственности та же картина: явное непонимание самой сущности частной собственности (во всех ее формах), ее исторической обусловленности и, вместе с тем, страстное, исключительно сильное обличение того «зла» (эксплуатации, угнетения человека человеком), конечным источником которого является частная собственность.

Для избавления человечества от общественного зла Толстой предлагает отказаться от «суеверия» частной собственности, от паразитизма, порождаемого ею. Все должны трудиться.

---

1 Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 25, 1937 г., стр. 397—398.

2 Там же, стр. 399—400.

Результатом этого будет уничтожение эксплуатации и гнета, ибо «человек, считающий труд делом и радостью своей жизни, не будет искать облегчения своего труда, которое могут ему дать труды других»¹. Стоит только людям отказаться от своих заблуждений, и все социальные и экономические вопросы будут самым мирным путем разрешены.

Слабой стороной рассуждений Толстого по земельному вопросу, по вопросу о собственности вообще (как и всего его мировоззрения) является, разумеется, то, что он был противником революции. Это общеизвестно.

Следует, однако, отметить, что отношение Толстого к революции недостаточно полно освещено в нашей литературе.

Формула «Толстой—противник революции», верная в основном, не раскрывает всей сложности его взглядов по данному вопросу. Эта формула односторонняя. Толстой, полностью отражавший интересы, чаяния, настроения и воззрения трудового крестьянства, отразил также и революционную сторону крестьянского движения. В. И. Ленин в статье «Крестьянская реформа», характеризуя участие крестьян в революции, писал:

«В революции 1905 года те две тенденции, которые в 61-м году только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении масс, в борьбе партий, на самых различных поприщах, в печати, на митингах, в союзах, в стачках, в восстании, в Государственных думах...

Тенденции демократическая и социалистическая отделились от либеральной и размежевались друг от друга. Пролетариат организовался и выступал отдельно от крестьянства, сплотившись вокруг своей рабочей с.-д. партии. Крестьянство было организовано в революции несравненно слабее, его выступления были во много и много раз раздробленнее, слабее, его сознательность стояла на гораздо более низкой ступени, и монархические (а также неразрывно связанные с ними конституционные) иллюзии нередко парализовали его энергию, ставили его в зависимость от либералов, а иногда от черносотенцев, порождали пустую мечтательность о «божьей земле» вместо натиска на дворян-землевладельцев с целью полного уничтожения этого класса. Но все же, в общем и целом, крестьянство,

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 25, 1937 г., стр. 400.

как масса, боролась именно с помещиками, выступало революционно (разр. наша—Авт.), и во всех Думах—даже в третьей, с ее изуродованным в пользу крепостников представительством—оно создало трудовые группы, представлявшие, несмотря на их частые колебания, настоящую демократию»¹.

Во взглядах Толстого нашла свое отражение, наряду с наивностью и пустой мечтательностью крестьянства, и его революционность.

Мы уже приводили свидетельство В. Г. Короленко о сочувственном отношении Толстого к захвату крестьянами помещичьей земли. Но дело не в этом—случайном, может быть, — порыве Толстого. Дело глубже и сложнее. Дело в том, что Толстой не очень был уверен в своем отрицательном отношении к революции, ибо он не очень-то был уверен в своих («толстовских») рецептах спасения человечества.

В трактате Толстого «В чем моя вера»² имеется характернейшее место: «Горит цирк в Бердичеве, все жмутся и душат друг друга, напирая на дверь, которая отворяется вглубь. Является спаситель и говорит: «Отступите от двери, вернитесь назад; чем больше вы напираете, тем меньше надежды спасения. Вернитесь, и вы найдете выход и спасетесь». Многие ли, один ли я услышал это и поверил—все равно; но, услышавши и поверивши, что же я могу сделать, как не то, чтобы пойти назад и звать всех на голос спасителя? Задушат, задавят, убьют меня—может быть; но спасение для меня все-таки лишь в том, чтобы идти туда, где единственный выход. И я не могу не идти туда»².

«И я не могу идти туда», хотя он, Толстой, со своим удивительно трезвым умом, прекрасно понимает, что никто от двери не отступит и, следовательно, выход, предлагаемый спасителем—в данном случае Толстым, серьезно говоря, не реальный.

В дневниках, письмах и произведениях Толстого имеется немало свидетельств того, как сильны и мучительны были сомнения, обуревавшие его.

Тот самый Толстой, который так часто заверял всех, что он нашел самый верный способ спасения человечества, записывает в «Дневнике» (1906 г.): «Очень много в нашем, в моем

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 98—99.

² Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 23, 1957 г., стр. 401.

понимании смысла жизни (религии) условного, произвольного, неясного, иногда прямо неправдивого (разр. наша—Авт.)»¹.

«Как тщетны все убеждения о лучшем устройстве всякого рода политиков, социалистов, революционеров, так тщетны и мои (разр. наша—Авт.)»².

В 1910 году он записывает: «Сейчас опять писал предисловие (к работе «На каждый день»—Авт.).. Кажется, предисловие лучше. Но вообще вся эта работа «На каждый день» (которой он придавал огромное значение для пропаганды своих взглядов — Авт.) тяжела мне. Какой-то педантизм, догматизм»³.

Почему же он все-таки так упорно настаивал на своем учении о «непротивлении злу насилием»?

Почему же он—при всех своих сомнениях в эффективности «непротивления»—все-таки упорно возражал против революционных методов изменения эксплуататорского строя, хотя и в этом (своем отрицательном отношении к революции) он тоже был не очень убежден?

Тут сказались те «кричащие противоречия», которые раздирали Толстого.

С одной стороны:

1. Он буквально физически страдал от неравенства людей («Почти физически страдаю от сознания участия в этом безумии и зле»—запись в «Дневнике» 8 июня 1909 г.)⁴. Значит, он должен был стремиться во что бы то ни стало избавить людей от «безумия» их жизни. Даже насильственными методами.

2. По натуре своей он—мятежник, борец, бурный протестант.

3. Гениальный реалист—он не мог не видеть всей утопичности «непротивления» в качестве рецепта спасения человечества.

С другой стороны:

1. Толстой, по его собственным словам, «любил любовь», любил добрые, мирные, «любозные отношения» между людьми. В повести «Отец Сергей» он писал о Прасковье Михайловне (Пашеньке): «Она не могла физически почти переносить

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 55, 1937 г., стр. 262.

² Там же, стр. 286.

³ Там же, т. 58, 1934 г., стр. 26.

⁴ Там же, т. 57, 1952 г., стр. 80.

недобрые отношения между людьми». Это глубоко автобиографично.

2. Не зная закономерностей развития общества, Толстой не понял сути революции, не понял творческого, созидательного характера революционного насилия, его подлинного гуманизма, не понял того, что именно во время революции народные массы выступают активным творцом новых общественных порядков, проявляя, выражаясь словами Ленина, образцы революционного энтузиазма и «праздничной энергии».

3. Толстой знал только буржуазные революции. Он знал, к чему они приводили: к замене одной формы эксплуатации другой. Никакой настоящей свободы они (все известные ему революции) не дали. Вот он и записывает в «Дневнике» (13 декабря 1902 г.): «Вся первая половина XIX века полна попыток разрушить деспотический государственный строй. Все попытки кончались реакцией, и власть правящих классов только усилилась. Очевидно, революция не может теперь одолеть государственную власть. Остается одно: такое изменение мировоззрения народа, при котором он перестал бы служить насилиям правительств»¹. Ту же идею—революция бессильна изменить существующий деспотический строй—он проводит в целом ряде работ².

Толстой и оказался в центре противоречивых тенденций и стремлений своей собственной мысли (явившихся, в свою очередь, отражением тех сложных и противоречивых условий, в которых находилось патриархальное крестьянство, идеологом которого он выступал). Это и обусловило ту постоянную тревогу, в которой он все время пребывал. Он так и не знал, что надо делать для того, чтобы вывести человечество с его классовым гнетом, насилием, роскошью богатых и нищетой миллионов и миллионов трудящихся из того тупика, в котором оно, по его мнению, находится.

К тому же, Толстой принадлежал к натурам «мятущимся», «ищущим». Ему принадлежат следующие удивительные слова: «Вечная тревога, труд, борьба, лишения—это необходимые условия, из которых не должен смочь думать выдти хоть на секунду ни один человек. Только честная тревога, борьба и труд, основанные на любви, есть то, что называют счастьем.—

---

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 54. 1935 г., стр. 151.

² См. «Предисловие к статье В. Г. Черткова «О революции», т. 36, 1936 г., стр. 149.

Да что счастье—глупое слово; не счастье, а хорошо; а бесчестная тревога, основанная на любви к себе,—это—несчастье. Вот вам в самой сжатой форме (это он пишет в письме гр. А. А. Толстой—**Авт.**) перемена во взгляде на жизнь, прошедшая во мне в последнее время. Мне смешно вспомнить, как я думывал и как вы, кажется, думаете, что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаяния, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно все только хорошее. Смешно! Нельзя, бабушка. Все равно, как нельзя, не двигаясь, не делая моциона, быть здоровым. Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость (разр. наша—**Авт.**)»¹. Это письмо он писал в свои молодые годы, в 1857 году. Таким он остался до конца своей жизни: в постоянной тревоге и «пуганице»; в постоянных и самоотверженных поисках истины.

Его отношение к революции тоже было «пущим», прегнворечивым. Отрицательно относясь к революции, не веря в ее эффективность, он, вместе с тем, восхищался героизмом и моральной высотой революционеров; его тянет к тем благородным задачам, которые ставят перед собой революционеры. В глубине души он в какой-то степени сознает благотворное влияние революции на ход истории. Вот его некоторые мысли по этому поводу: «Революция сделала в нашем русском народе то, что он вдруг увидал несправедливость своего положения. Это—сказка о царе в новом платье (Толстой имеет в виду сказку Андерсена—**Авт.**). Ребенком, который сказал то, что есть, что царь голый, была революция (разр. наша—**Авт.**). Появилось в народе сознание претерпеваемой им неправды... И вытравить это сознание уже нельзя»². «Главное же мучительное чувство бедности,—не бедности, а унижения, забитости народа. Простительны жестокость и безумие революционеров»³. «Нельзя не признавать молодчества и самоотвержения людей, как Халтурин, Рысаков, Михайлов и теперь убийц Бобрикова и Плеве (писано в 1904 г.—**Авт.**), которые

1 Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 60, 1949 г., стр. 230—231.

2 Там же, т. 58, 1934 г., стр. 24.

3 Там же, т. 57, 1952 г., стр. 82.

прямо жертвовали своими жизнями для достижения недостижимой цели; так же как и те, которые с величайшими лишениями, рискуя свободой и часто жизнью, идут в народ, чтобы будитовать его, или печатают и развозят революционные брошюры...»¹.

Нам представляется поэтому односторонним заявление С. Бычкова, что Толстой в ходе революции 1905 г. «остался верен своему учению о непротивлении»². Именно революция 1905—1907 г.г. во многом усилила его сомнения в истинности своего учения о непротивлении злу насилем. И чрезвычайно характерным является то, что, выступая в эти годы против насилия как правительства, так и революционеров, он, тем не менее, главный огонь направляет против царского правительства и правящих классов. Обличение правительственных кругов и господствующих эксплуататорских классов в эти годы полно гнева и самого страстного негодования.

* *
* *
* *

В 1910 году, 30 лет тому назад, в статье-некрологе по поводу смерти Толстого В. И. Ленин писал:

«Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат. Он разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности—не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о божецкой жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещицкому землевладению, которые в 1905 году были только слегка надломаны и которые надо уничтожить. Он разъяснит массам толстовскую критику капитализма—не для того, чтобы массы ограничились проклятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились опираться на каждом шагу своей жизни и своей борьбы на технические и социаль-

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 36, 1936 г., стр. 150.

² С. Бычков, Л. Н. Толстой, 1954 г., стр. 468

ные завоевания капитализма, научились спланировать в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком¹.

В приведенных ленинских строках дана целая программа— программа нашего отношения к Толстому-художнику и мыслителю.

И в современных условиях толстовская критика капитализма находится на вооружении трудящихся всего мира, борющихся за светлое будущее человечества, о котором так страстно мечтал «великий писатель Русской земли».

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 297.

О г л а в л е н и е

От авторов	3
Глава первая -- Л. Н. Толстой как мыслитель	5
Глава вторая -- Общие черты мировоззрения Л. Н. Толстого	41
Глава третья -- Критика Л. Н. Толстым буржуазной политической экономики	95

Матвей Давыдович Луцкий, Дмитрий Дмитриевич Столяров

**Л. Н. Толстой как критик
буржуазной политической экономики**

Ответств. редактор—проф. Ю. Н. ИСХАКОВ.

Р04161 Сдано в набор 18.12 1959 г. Подписано в печать 20. IV. 1960 г.
Объем 8,25 печ. лист. Тираж 1500 экз.

Тип. Упр. Делами СМ УзССР--3801--1960

5 руб.